

Министерство образования Республика Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра криминалистики

Хлус Александр Михайлович

Криминалистические аспекты противодействия взяточничеству

2-е издание с изменениями и дополнениями

Минск
2023

УДК 343.985.7:343.352
Х 604

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
Протокол № 9 от 29 июня 2023 г.

Автор:

Хлус Александр Михайлович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики юридического факультета
Белорусского государственного университета.

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор В. Н. Бибило;
кандидат юридических наук, доцент А. П. Пацкевич.

Хлус, А. М. Криминалистические аспекты противодействия взяточничеству / А. М. Хлус ; БГУ, Юридический фак., Каф. криминалистики. – 2-е изд. с изм. и доп. – Минск : БГУ, 2023. – 282 с. – Библиогр.: с. 246–280.

В монографии рассматриваются проблемы криминалистической методики расследования взяточничества. Показано различие в понимании криминалистической характеристики взяточничества, являющейся информационной основой для его частной методики расследования. Разрабатывая теоретическую часть этой методики, предлагается выявлять и изучать материальные составляющие системы взяточничества, учитывая положения имеющейся криминалистической характеристики данного вида преступлений. Рекомендуется сочетать концептуальные положения криминалистической характеристики и материальной структуры взяточничества при формировании его частной методики расследования.

Адресуется ученым, преподавателям учебных заведений юридического профиля, аспирантам, магистрантам, студентам и практическим работникам правоохранительных органов, а также может представлять интерес для всех интересующихся проблемами современной криминалистики.

ВВЕДЕНИЕ

Взяточничество – наиболее опасное проявление коррупции, поскольку оно подрывает принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости, отрицательно влияет на экономическое развитие, составляет угрозу общественной нравственности.

Ответственность за взяточничество дифференцируется в зависимости от роли лица, совершающего преступное деяние, и предусмотрена в Республике Беларусь тремя статьями: ст. 430 (получение взятки), ст. 431 (дача взятки), ст. 432 (посредничество во взяточничестве) [1].

Деяния, связанные со взяточничеством, преобладают в структуре коррупционной преступности, о чем свидетельствует статистика. В период «с 2015 г. по 2019 г. учтено 9913 коррупционных преступлений, большинство из которых взяточничество – 5323» [2, с. 128].

Оценивая состояние и особенности распространения взяточничества, следует учитывать высокую латентность данного вида преступлений, обусловленную условиями реализации криминального поведения субъектов преступления. Субъектами данных преступлений часто являются должностные лица, наделенные разрешительными и распорядительными функциями в различных сферах деятельности, в том числе и государственной службе, что значительно повышает степень опасности совершаемого ими взяточничества. Субъекты-взяточники используют властные полномочия и права не только в целях личной выгоды, но и для прикрытия коррупционных отношений.

В числе действий (бездействий), совершаемых (допускаемых) взяточполучателями, можно назвать: заключение убыточных для государства коммерческих соглашений; попустительство, содействие и непринятие соответствующих мер к различным правонарушителям; содействие недобросовестной конкуренции на потребительском рынке в интересах взяткодателя и т. д.

Результативность борьбы со взяточничеством как наиболее распространенным криминальным проявлением коррупции зависит от многих факторов, среди которых особую роль играет частная методика расследования данного вида преступлений.

Имеющиеся методики расследования преступлений, связанные со взяточничеством, не отвечают потребностям современного времени. В основе их формирования лежит абстрактная информационная модель взяточничества, в качестве которой в криминалистике фигурирует криминалистическая характеристика преступления. Являясь научной абстракцией, криминалистическая характеристика не в полной мере удовлетворяет потребности деятельности по расследованию преступлений, в том числе и взяточничества.

Методологическую основу научного познания взяточничества составляет системный подход. Преступные деяния, связанные со взяточничеством, рассматриваются как определенная и созависимая совокупность материальных элементов их структуры.

Цель работы – на основе имеющихся в криминалистике взглядов на методическое обеспечение расследования преступлений выявить и проанализировать проблемные аспекты в развитии и совершенствовании частных методик расследования преступлений, связанных со взяточничеством.

При написании книги в качестве теоретической и методологической основы использовались труды Е. А. Ануфриевой, Н. А. Бабия, О. Я. Баева, А. В. Баркова, И. И. Басецкого, Р. С. Белкина, В. И. Берестеня, В. Н. Бибило, Н. В. Бугаевской, Г. А. Василевича, И. Р. Веренчикова, В. Н. Винокурова, Б. В. Волженкина, Т. С. Волчецкой, И. О. Грунтова, А. Е. Гучка, В. Л. Григоровича, А. В. Дулова, В. Ф. Ермоловича, С. Ю. Журавлева, Г. А. Зорина, В. С. Красикова, С. П. Кушниренко, В. В. Марчука, Г. Н. Мухина, В. М. Полтеровича, А. С. Рубиса, Р. А. Степаненко, Л. М. Тимофеева, В. М. Хомича, С. Н. Чурилова, В. Б. Шабанова, А. С. Шаталова, В. П. Шиенка, Г. А. Шумака, Н. П. Яблокова, П. С. Яни и других российских и белорусских ученых.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- БЭП – борьба с экономическими преступлениями
ВТО – Всемирная торговая организация
ГАИ – Государственная автомобильная инспекция
ГК – Гражданский кодекс Республики Беларусь
Закон о борьбе с коррупцией – Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией»
Закон об ОВД – Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»
Закон об ОГБ – Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 390-З «Об органах государственной безопасности»
Закон об ОРД – Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «Об оперативно-розыскной деятельности»
Закон о прокуратуре – Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»
Кодекс об образовании – Кодекс Республики Беларусь об образовании
Конституция – Конституция Республики Беларусь
КХП – криминалистическая характеристика преступлений
КоАП – Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях
МВФ – Международный валютный фонд
НПА – нормативный правовой акт
ОВД – органы внутренних дел
ОГБ – органы государственной безопасности
ООН – Организация Объединенных Наций
ОРД – оперативно-розыскная деятельность
ОРМ – оперативно-розыскное мероприятие
СМИ – средства массовой информации
СНГ – Содружество Независимых Государств
СОГ – следственно-оперативная группа
Указ № 300 – Указ Президента Республики Беларусь от 1 июля 2005 г. № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи»
УК – Уголовный кодекс Республики Беларусь
Уложение 1845 г. – «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.»
УПК – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь
ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

ГЛАВА 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ КОРРУПЦИИ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

1.1. Предпосылки и нравственные основы возникновения коррупции

Коррупция порождена не современностью, у нее глубокие социально-исторические корни. Она представляет собой такое же «древнее явление, как и социальный порядок, управляющий жизнью людей» [3, с. 5]. Наиболее распространенным и повсеместным видом коррупции выступает взяточничество. Для многих современных людей понятие «коррупция» ассоциируется с понятием «взяточничество» и наоборот. Это верно в части того, что взяточничество – одно из множества проявлений коррупции. Такой взгляд позволяет нам в данной работе рассматривать эти понятия как тесно взаимосвязанные.

Коррупция как явление и связанные с ней преступления, в том числе взяточничество, не возникают без оснований, обязательно необходимы предпосылки. Даже очень плохой с точки зрения общественной нравственности человек, занимающий государственную должность, будет вести себя в пределах предоставленных полномочий при условии наличия хорошо продуманных, жестких правил, ограничивающих его деятельность. И наоборот, человек хорошо воспитанный и высоконравственный окажется в ситуации выбора: остаться верным своим принципам либо изменить им. Однако чаще человек проявляет свою слабость и, как заметила М. Мошкович, «при попадании в соответствующую среду быстро научится действовать по ее негласным правилам» [4, с. 4]. Этот вывод согласуется с социолого-философской концепцией французского ученого П. Бурдьё, предложившего понятие «габитус». В его понимании габитус – это «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры... принципы, порождающие и организующие практики и представления» [5, с. 44]. Следовательно, *габитус* – это система определенных диспозиций, т. е. правил, порождающая и структурирующая практику агента (человека) и его представления.

Габитус формируется под воздействием социальных условий: воспитания, классовой принадлежности, культурных норм и т. д., а также определяет, каким образом его носитель реагирует на внешние обстоятельства [6]. Являясь продуктом истории, габитус производит индивидуальные и коллективные практики в соответствии со схемами, порожаемыми ей, т. е. историей. Он обуславливает присутствие прошлого опыта, который существует в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действий.

Понятие «габитус» было использовано в диссертационном исследовании Б. Б. Токаревым для объяснения устойчивости коррупции. По его мнению, «если для общества коррупционные практики (взятничество – один из видов коррупционной практики. – А. Х.) не являются чем-то исключительно недобропорядочным, а представляют собой неотъемлемые условия его функционирования, то можно с уверенностью говорить о коррупции как об определенном рода габитусе» [7, с. 12–13]. Представленная конструкция небезупречна. Вызывает сомнение посылка, предшествующая выводу. По нашему мнению, коррупционную деятельность нельзя рассматривать как неотъемлемые условия функционирования общества. При таком подходе складывается впечатление о необходимости коррупции как социального явления, которое, как утверждает Б. Б. Токарев, исполняет роль условия функционирования общества. В действительности, как свидетельствует история, во все времена все народы боролись с коррупцией как явлением. Изобличенных в коррупции и взятничестве лиц всегда преследовали и порой очень жестоко наказывали. Сегодня также отсутствуют государства, в которых бы лояльно относились к коррупции.

Дальше Б. Б. Токарев подчеркивает, что «если социум пронизан своеобразными коррупционными практиками, то мы можем рассматривать коррупцию как специфический паттерн (образец, шаблон, систему. – А. Х.) поведения, деятельности индивида: участие в коррупционных взаимодействиях становится в глазах этих индивидов нормой» [7, с. 12–13]. Устойчивость габитуса определяется условиями исторического развития, в числе которых исследователь упоминает только одно – институт «кормления», просуществовавший несколько столетий [7, с. 14].

Важную роль в возникновении того или иного явления, в том числе

коррупции и взяточничества, играет сформированная в обществе нравственность. Понятие «нравственность» трактуется как «правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение» [8, с. 339]. Противоречащие этим правилам (качествам) поступки признаются в обществе безнравственными. Такие общественные явления и поступки всегда привлекали к себе внимание. Осуждая бездействие власти, позволяющей присутствию преступника в высшем государственном органе Римской республики (сенате), Цицерон воскликнул: «О времена! О нравы!». В наше время эти слова используются в ином значении. Ими выражается «сожаление о новых, но далеко не лучших временах» [9, с. 308], осуждается целое поколение или неслыханный характер события либо подчеркивается упадок нравов как отдельных личностей, групп, так и общества в целом [10, с. 89].

Несмотря на давнюю историю появления приведенного высказывания, оно не утратило значимости. Повод для восклицания Цицерона (присутствие на заседании сената преступника), к сожалению, обнаруживает себя и в наши дни. Российский криминолог В. Н. Фадеев утверждает: «В составе российских министерств в 2001 г. было 18 “воров в законе”, а в администрации Президента Российской Федерации было два криминальных “авторитета”. В нулевые годы на смену коронованным ворами в законе во власть пришли долларовые мультимиллионеры и миллиардеры (в ГД (Государственная дума. – А. Х.) V созыва и СФ (Совет Федерации. – А. Х.) Российской Федерации из них было более 40 депутатов), что также не увеличивает авторитет и легитимность власти (согласие народа с властью). Доля экономики, контролируемая организованной преступностью, составляет до 20 % от объема экономики и от 40 до 60 % от числа всех предприятий» [11, с. 458].

Правомерен вопрос: неужели за столь долгий промежуток времени человечество, которое изобрело вакцины от неизлечимых ранее болезней, покорило космос, ежедневно совершает тысячи открытий, не смогло найти секрет соблюдения гармонии в отношениях между людьми, а равно и соблюдения законности в отношениях между государством и людьми? В связи с этим представляется верным высказывание известного американского писателя Дж. Карлина: «Парадоксом нашего времени является то, что мы имеем высокие

строения, но низкую терпимость, широкие магистрали, но узкие взгляды. Тратим больше, но имеем меньше. Имеем лучшее образование, но меньше знаний, лучшие методы, но хуже оцениваем ситуацию, имеем больше экспертов, но и больше проблем, лучшую медицину, но здоровье стало хуже» [12]. Современные исследования в области наук уголовно-правового цикла и разработанные на их основе стратегии ориентированы на борьбу с преступлениями и преступностью, что с позиции настоящего времени не отражает объективной потребности. В итоге борьба ведется с результатами негативных общественных явлений, но никак не с самими явлениями.

Наукам уголовно-правового цикла (уголовное право, криминология, криминалистика) необходимо избрать иной подход к пониманию объекта исследования. В качестве такого объекта должна выступать не преступность как количество совершенных преступлений, а преступная деятельность, которую следует рассматривать в широком смысле как «функциональное и жизнеобеспечивающее направление отдельной части общества» [13, с. 70].

Давно возникла насущная потребность в противодействии преступной деятельности, выражающейся в виде терроризма, незаконного оборота наркотиков, коррупции и др. Преступная деятельность основывается на определенных нравственных принципах, принятых в отдельной социальной группе. Своевременно воздействуя на нравственность лиц, потенциально склонных к преступной деятельности, можно рассчитывать на профилактику (предупреждение) совершения с их стороны преступлений.

Во многих случаях поведение людей может быть охарактеризовано как безнравственное, которое иногда (и это правильно) влечет за собой юридическую ответственность. Крайне безнравственным выглядит поступок молодого человека, который цинично, используя нецензурные слова, высмеял основы христианства, чем оскорбил чувства верующих людей [14].

Для понимания сути коррупции и взяточничества, а также иных аналогичных явлений необходимо познание того, на чем они основываются, т. е. нравственности. Рассмотрим такие понятия, как «нравы», «нравственность», «нравственные нормы» в целях обнаружения их взаимосвязи с негативными явлениями современности (в первую очередь с коррупцией и взяточничеством). Нужно сказать,

что они имеют точки соприкосновения, так как любому обществу присущи определенные моральные ценности, нравственные нормы; к сожалению, сегодня сложно привести пример общества, в котором отсутствовали бы проявления коррупции. В связи с этим американские исследователи А. А. Рогоу и Г. Д. Лассуэлл справедливо отметили: «Коррупция в той или иной степени присуща любому социальному образованию и должна пониматься как часть системы, а не просто юридический факт» [15, с. 92].

Понятие «нравы» – оценочная категория людей, проживающих на конкретной территории в определенный период времени. Нравы объединяют всю совокупность норм поведения, существующих в данном обществе, которые могут быть оценены с позиции нравственности. Нравы имеют отношение к общественной морали, отражают обыденный уровень основ нравственности целого народа, нации.

Нравы как понятие используется в разговорном языке, научной и художественной литературе. Основная проблема заключается в том, что большинство людей, непосредственно употребляя указанное слово или сталкиваясь с ним, часто вкладывают в него разное смысловое значение. В русском языке термин «нрав» этимологически восходит к словам «норов», «ндрав». В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля это понятие толкуется как «одно из свойств духа человека, его характер. Ум и нрав образуют дух» (норовистый, своенравный, добронравный)» [16, с. 371]. Мыслитель XVIII в. Симеон Полоцкий отметил взаимозависимость нравов людей и их социального статуса, подчеркивая значимость условий социальной жизни в контексте формирования нравов [17, с. 137]. Дух народа, считал французский философ-просветитель Ш. Монтескьё, сконструирован из законов, нравов и обычаев: «Нравы и обычаи суть порядки, не установленные законами; законы или не могут, или не хотят установить их» [18, с. 108].

Своим содержанием нравы охватывают обычаи и традиции. Данные понятия тесно связаны, но между ними имеются различия. Обычаи отражают преимущественно практическую и поведенческую стороны жизни людей, являются унаследованными способами поведения. Они воспроизводятся обществом, социальной группой и представляют собой поведенческий стереотип индивидуума. Например, верующие мужчины находятся в церкви без головного убора, а в

синагогу или мечеть можно войти, когда головной убор надет.

В истории человечества имеют место примеры обычаев, формирующих коррупционные отношения. Как утверждал исламский богослов Хасан аль-Басри, у сынов Израиля существовал следующий обычай: идя в суд, обе стороны несли в подоле взятку, перед тем как приговор зачитывался, взятку показывали судье. В результате судья выносил приговор в интересах того, чья взятка была ценнее [19].

Наряду с обычаями упоминаются и традиции, т. е. то, что унаследовано от предшественников. Некоторые традиции исполняются в обыденной жизни, а некоторые – в праздничной. И те и другие относятся к культурному наследию [20, с. 235]. Вместе с тем объем понятия «обычай» гораздо шире и охватывает большую часть человеческой жизни. Традиции могут иметь как всеобщий, так и локальный характер. Они могут касаться небольшой группы людей или отдельной личности, относиться к определенному роду деятельности, профессии, а также быть семейными. Традиции малых групп людей приводят к формированию кланов. Изначально в это понятие вкладывался позитивный смысл. Им характеризовалась семья, род, родовые общины с внутренним патриархальным устройством, имеющие общего легендарного или мифического предка, с которым прослеживалась непрерывная генеалогическая цепочка, либо реального прародителя, с которым члены группы имели генеалогическое родство [21]. В последующем понятие «клан» приобрело негативное значение, сочетаясь с названием радикальных, террористических и преступных организаций (например, тайная организация ку-клукс-клан (США), коза ностра (Италия) и др.).

Кланом также признается мафиозная организация, члены которой обязаны соблюдать определенные нравственные принципы [22]. В современный период клановость присутствует в различных сферах человеческой деятельности. Она особенно опасна для общества в случае ее проявления в условиях верховной власти. Владелец верховной власти окружает себя своими людьми, поддерживающими его политику и действующими исключительно в его интересах. При необходимости «демократической» смены власти фактически происходит ее передача правопреемнику, т. е. одному из представителей клана. В последующем не исключается возвращение на первую позицию во власти того, кто ее уже занимал. Подобное имело место в России, и

не исключено, что будет повторяться там же или в иных государствах.

Порождение клановости свойственно и низшим уровням власти. Министр или иной начальник (управленец) окружает себя своими людьми (своей командой). Нередко это окружение недостаточно подготовлено в интеллектуальном или профессиональном плане, зато максимально преданно руководителю, выдвинувшему конкретных лиц на руководящие должности. Клановая система имеет ряд недостатков, особенно вредных для общества. Во-первых, талантливый, высокообразованный человек, не входящий в клановую структуру, не добьется успехов, не сможет реализовать себя в профессии и не достигнет карьерных высот. Во-вторых, пробившись во власть благодаря клановой системе, многие чиновники в качестве приоритетной для себя цели определяют обогащение. В-третьих, клановость порождает коррупционные отношения, связанные со взяточничеством, что крайне негативно влияет на ее восприятие.

В бывших советских республиках до сих пор сохраняется влияние клановых групп. Например, в Узбекистане они формируются по территориальному (географическому) признаку (Ташкент, Бухара, Самарканд). Должности в структуре государственных органов распределяются в соответствии с принадлежностью кандидата к тому или иному клану [23].

Для Российской Федерации, состоящей из множества административно-территориальных субъектов, также характерно наличие местных клановых и родоплеменных групп. Это явление в литературе и общественно-политической практике получило название «местничество», «улусизм», «кумовство» [24]. Наличие клановых структур, по мнению В. М. Полтеровича, одна из социальных причин коррупции [25]. К иным подобным причинам коррупции относятся: традиция nepотизма, эксплуатация дружеских связей, традиция дарения, подношения подарков-взятки.

Считаем, что традицию nepотизма и эксплуатацию дружеских связей стоит рассматривать как проявления коррупционных отношений, но не как причину коррупции [26, с. 95]. Суть в том, что исток nepотизма – в коррупционном поведении высокопоставленного государственного чиновника, который использует свои служебные возможности и дружеские связи для предоставления близким родственникам должностей в государственном аппарате или крупных

бизнес-структурах. Данное явление выступает разновидностью коррупции в соответствующей Конвенции ООН [27].

Традиция дарения, подношения подарков рассматривается как часть культуры и нормальное явление в сфере деловых отношений. В ряде случаев такие подарки камуфлируют взятку за положительное решение вопросов, в которых заинтересована сторона-даритель.

Приведенные примеры указывают на нравственную ценность обычаев (традиций), поддерживаемых в обществе посредством моральных отношений или, наоборот, представляющих собой часто повторяющиеся отступления от требований нравственности.

Проведенный анализ некоторых обычаев и традиций, исторически сложившихся в обществе, позволяет сделать вывод о наличии у них отрицательных сторон, способствующих возникновению коррупционных отношений в виде взяточничества. Одномоментное избавление общества от обычаев (традиций), имеющих негативные стороны, невозможно. Для изменения ситуации необходимо формирование иного отношения к коррупционной составляющей обычаев и традиций, основанного на воспитании высоконравственной личности.

Нравственность является внутренней оценкой человеком своего поведения и поступков с общественной точки зрения о хорошем и плохом, добре и зле. Нравственность – понятие, аналогичное морали, способ нормативного, но неправового регулирования человеческих отношений (деяний) в обществе. Это неписанный закон, хотя многие мудрые мысли о нравственных нормах выражены в священных писаниях (Библия, Коран), художественной литературе (произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др.), различных философских трудах (Сократа, Аристотеля, Канта и др.)

Нравственным может считаться только тот человек, который живет по совести, т. е. испытывает чувство нравственной ответственности за свои поступки перед окружающими людьми и обществом. Нравственный человек проявляет мудрость, не желает другим зла, сопереживает им и готов бескорыстно прийти на помощь, ему не свойственны алчность и агрессия. Даже в мыслях нравственный человек не причиняет вреда другим людям.

Нравственные ценности прививаются детям родителями, воспитателями, педагогами, духовной и художественной литературой,

театральными постановками и кинофильмами. Однако в первую очередь результат формирования личности молодого человека зависит от его родителей. Если родителям не удалось привить ребенку высокие нравственные качества, то надеяться, что в дальнейшем это сделают воспитатели или педагоги, не приходится.

Современное школьное образование не ориентировано на воспитание высоконравственной личности. По нашему мнению, эта цель должна доминировать в системе целей школьного образования. Вся система правового воспитания в учреждении образования призвана сформировать правовое сознание учащихся на основе их сознательного и активного правомерного поведения.

В учебных заведениях работу по воспитанию высоконравственной личности необходимо активизировать по следующим направлениям: формирование общего уровня правовой культуры путем проведения учебных занятий, организация внеклассной работы по правовому просвещению и антикоррупционному воспитанию.

Целью антикоррупционного воспитания является выработка ценностных установок молодежи и развитие способностей, необходимых для самостоятельного формирования у молодого поколения правильной гражданской позиции относительно коррупции. Поскольку основной целью антикоррупционного воспитания выступает формирование гражданского сознания, наиболее благоприятны для его становления такие социальные дисциплины, как обществознание, философия, политология, этика и др. Ожидаемый результат антикоррупционного воспитания – личность, наделенная знаниями о той опасности, которую представляет собой коррупция для благосостояния общества и безопасности государства, не желающая мириться с различными проявлениями коррупции и способная противостоять взяточничеству.

Нравственность – средство не только общественного регулирования индивидуального поведения, но и духовно-персонального выживания самого индивида. Там, где отсутствуют самостоятельно выбранные нравственные обязанности, зарождается общая деградация человека. В основе нравственности лежит несовпадение двух начал: эгоизма (стремления к собственному благу) и альтруизма (сознания ответственности перед другими людьми и учет их интересов).

История человечества свидетельствует, что нравственность

общества есть продукт общественно-политического бытия человека, а не его врожденное качество. Следовательно, чтобы управлять обществом, государство должно заботиться о нравственности и морали каждого человека, так как мораль в качестве социального регулятора сама по себе никакой власти над человеком не имеет – только через власть государства. На необходимость государства регулировать нравственные основы и общественную мораль указывали Платон, Дж. Локк, Б. Спиноза, Т. Гоббс, И. Кант, Ж.-Ж. Руссо, А. Шопенгауэр и другие известные ученые.

Начало правовому методу исследования коррупции было положено политическими теориями Платона (427–347 до н. э.) и Аристотеля (384–322 до н. э.), в которых принципиальную роль играло представление об ухудшении государственного устройства общества, падении политических нравов граждан, приводящих общество к самым нежелательным социально-политическим последствиям. Платон и Аристотель в работах не раз упоминали о негативном воздействии злоупотребления властью и взяточничества на экономическую, политическую и духовную жизнь общества.

По мнению Аристотеля, «самое главное посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [28, с. 192]. Этой же проблемой занимался и Платон, который в работах «Государство», «Политика», «Законы» рассматривал феномен коррупции как злоупотребление властью должностными лицами. Античные философы вели речь не о праве, а именно о морали.

В процессе социализации с момента рождения у человека формируются как добрые, так и отрицательные (негативные) свойства души. К моменту поступления в высшее учебное заведение молодой человек обычно приходит с определенными нравственными ценностями. Не со- всем правильным будет описывать многообразие душевных и моральных свойств и качеств правовыми категориями и понятиями. По этой причине приходится использовать знания, позволяющие сформировать полное представление о духовных состояниях человека, их развитии, а также о пороках личности.

Пороки нравственности человека могут служить детерминантами его коррупционного поведения, на что обращают внимание разработчики Проекта модели стратегии борьбы с коррупцией. К

нравственно-психологическим детерминантам коррупционного поведения они отнесли «доминирование в общественном сознании материальных ценностей и потребительского образа жизни, невысокий уровень нравственной и правовой культуры значительной части населения, неэффективное (в плане превенции) освещение антикоррупционной деятельности в средствах массовой информации и др.» [29, с. 187].

Главными нравственными изъянами личности, влияющими на формирование коррупционных отношений, являются жадность, равнодушие, эгоизм, лицемерие, зависть и тщеславие. На наш взгляд, это самые распространенные безнравственные качества человеческой личности, которые лежат в основе совершения коррупционных деяний, в том числе взяточничества.

Взаимосвязь нравственных и правовых аспектов коррупции не вызывает сомнения. Человек с твердыми моральными устоями меньше подвержен соблазнам коррупции. Однако сегодня даже в развитых странах не уделяют должного внимания моральной устойчивости чиновников, стремятся ограничить поведение служащих не моральными нормами, а правовыми актами. В связи с этим представляет интерес опыт разработки этики поведения персонала МВФ. В п. 32 Кодекса поведения говорится, что: «Вы никогда не должны запрашивать подарки или услуги в связи с вашими обязанностями в МВФ. Подарки, которые предлагаются, должны быть отклонены» [30]. Однако далее в названном пункте Кодекса указывается, что возможно принять подарок, «когда это может создать смущение, чтобы отказаться от него». Данная фраза не имеет нормативного пояснения, поэтому остается неясным, что значит «создать смущение». При этом в Кодексе речь идет о «небольшом подарке», стоимость которого «явно меньше ста долларов США», о принятии такого подарка никого информировать не надо [30]. Следует заметить, что указанная стоимость подарка в ряде стран повлекла бы уголовную ответственность для их государственных служащих.

Несколько более жесткое отношение к подаркам отражено в Кодексе поведения служащего в Великобритании: «Принятие подарков за выполнение или невыполнение определенных действий в связи со своим должностным статусом является правонарушением. Вы обязаны сообщать... о любых предложениях благодарности» [30].

Исключением признаются мелкие подарки (например, настенный календарь) и акты приемлемой гостеприимности (чашка кофе, бесплатное приглашение на концерт или другое культурно-массовое праздничное мероприятие). Таким образом, можно отметить, что борьба с коррупцией – борьба за нравственную чистоту личности. Невозможно эффективно противостоять коррупции посредством одних законов и осуществления правосудия.

Как социальный феномен коррупция должна быть исследована с позиции нравственных (моральных) недостатков личности, т. е. в той сфере, в которой появляются зачатки коррупционного поведения. Если подобная работа не будет проводиться на должном уровне, то многие на первый взгляд целесообразные и энергичные меры государства могут оказаться неэффективными и не дать намеченного положительного результата.

Можно рассчитывать на благоприятный эффект противодействия коррупции того права, которое базируется на нормах морали, соответствует нравственным эталонам общества, культурным традициям народа [31]. Высшие должностные лица в государстве, которые призваны обеспечивать законность и регулировать взаимоотношения между обществом и государством, должны беспрекословно и неукоснительно соблюдать как правовые, так и нравственные нормы. Следует заметить, что государственная должность, которую занимает чиновник, – это позиция, облеченная доверием и подразумевающая выполнение обязанностей в интересах общества и государства. Высокоморальное общество с должным уровнем правовой культуры – вот основа эффективной борьбы с коррупцией.

1.2. Краткий экскурс в историю борьбы с коррупцией и взяточничеством

Историческая летопись, начиная с древних времен и до наших дней, свидетельствует о постоянной борьбе многих государств с коррупцией и взяточничеством и попытках избавления от этого явления.

Для ограничения коррупции необходимо осознание исторических достижений в борьбе с ней. Требуется понимание всего, чему учит история, анализ положительных результатов и ошибок, имевших место

на пути искоренения коррупции и борьбы со взяточничеством. Уроки, извлеченные из опыта применения ушедшими поколениями антикоррупционных мер, послужат основой для выработки стратегии противодействия коррупции на современном этапе и результативной борьбы с ее основным проявлением – взяточничеством.

Термин «коррупция» в переводе с латинского *corruptio* означает ‘подкуп, порча, упадок’ [32, с. 157]. Историко-правовые исследования неопровержимо доказывают существование коррупции в обществе с момента возникновения государственного управленческого аппарата. Ш. Монтескьё писал: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [33]. О коррупции как явлении упоминается в различных литературных источниках (научных, религиозных, художественных, юридических) первых государств, возникших на территории Древнего Востока. Одним из ранних юридических источников, фиксирующих коррупционные преступления, выступают Законы вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.). В разделе, относящемся к правосудию, подчеркивается избобличение и ответственность судьи, постановившего решение, но затем изменившего его [34, с. 56]. В законе не говорится о подкупе судьи, хотя одним из оснований для изменения судебного решения и является получение судьей взятки.

О коррупции написано и в религиозных книгах. Например, в Библии указаны факты, которые можно расценить как проявления коррупции: «Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки, и гоняются за мздою...», «Горе тем; которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного!» [35, с. 682, 684]. Содержатся сведения о коррупции и в сочинениях по искусству государственного управления. Так, в древнеиндийском литературном памятнике «Артхашастра» в одном из трактатов, написанных чиновником под псевдонимом Каутилья, сделан вывод, что «имущество царя не может быть, хотя бы в малости, не присвоено ведающими этим имуществом» [36, с. 802].

Поздний трактат «Артхашастра», датируемый I–III вв. н. э., служит источником сведений о структуре и принципах деятельности специальной службы древнеиндийского общества. Агенты этой службы не только вели борьбу с разбойниками и бандитами, но и контролировали

попавших под подозрение в незаконных доходах судей и других представителей власти [37, с. 11].

Для проверки честности чиновника древнеиндийская «Артхашастра» предлагала направлять к нему секретных агентов под видом просителей, которые предлагали бы ему взятку. Основным средством борьбы с казнокрадством становится слежка. В качестве метода контроля упоминается провокация: судьям и иным должностным лицам секретными агентами под видом истцов или ответчиков предлагались взятки за вынесение неправосудного решения либо за иные незаконные действия. При этом доносчик получал долю имущества, конфискованного у лица, осужденного за должностное преступление [37, с. 11].

По Законам Ману, действовавшим в Индии во II веке до н. э., в отношении судьи-взяточника применялась конфискация как мера наказания, а также отстранение от дальнейшего исполнения своих служебных обязанностей [38].

В Древнем Египте статус жреца приносил его обладателю значительные преимущества. Между претендентами на роль жреца велась нешуточная борьба, что нередко приводило к покупке-продаже этого статуса, а в некоторых случаях он передавался знати в виде взятки [39, с. 581]. Коррупция в Древнем Египте представлена и как «взаимообогащающий элемент в общении людей, так как субъекты дарения и субъекты получения могут меняться своим положением в зависимости от мощи или слабости политической власти» [40, с. 39–40].

О коррупции и взяточничестве в Древней Иудее писал историк Иосиф Флавий в книге «Иудейские древности». Он упоминал царя Иосафата, предупреждавшего назначенных им судей: «...судить народ... не склоняясь в пользу тех, кто мог бы... подкупить их...» [41].

Геродот описал исключительный по жестокости случай, связанный с именем персидского царя Камбиза (VI в. до н. э.), который приказал с судьи-взяточника Сисамна живьем содрать кожу. Затем кожа судьи было натянута на кресло, на котором он сидел во время исполнения судебных обязанностей. На этом кресле пришлось сидеть сыну Сисамна, назначенному судьей по велению Камбиза.

Религиозные традиции также внесли вклад в формирование идеи коррупции. Жертвоприношения христианским и другим богам

переросли в подношение подарков представителям власти: «Дарообмен стал обыденным явлением, сложившимся из обрядов и религиозных верований. Подвластный люд стремился одарить своего наместника, а тот в свою очередь принимал дары и как дань, и как оплату своих услуг, решая вопросы войны и мира, держа войско, а впоследствии решая и судебные тяжбы местного населения» [42, с. 8].

В ряде случаев жертвоприношение как обязанность возлагалось Богом на людей или отдельных лиц. Например, Аарону было предписано входить «во святилище: с тельцем в жертву за грех и с овном во всесожжение» (Левит 16:3). Вне зависимости от понимания необходимости и значения приношения жертвы богам люди усвоили главное: посредством преподнесения подарков (фактически те же жертвы богам) власть предержащим можно решать свои вопросы. Власть предержащие же пользуются сформировавшимся на протяжении тысячелетий в сознании людей чувством выражения материальной благодарности за их действия, что и приводит к коррупционным отношениям.

В римском мире взяточничество было настолько развито, что современники насчитывали более сорока его видов и форм. Коррупция была характерна для Римской республики начиная со II в. до н. э., ранее общество ее не ведало. Приведенный факт разрушает мнение многих исследователей о появлении коррупции одновременно с государством и его органами власти.

О римлянах в ту эпоху писали как об идеальном обществе: «Никто из них не возлагал на себя корону, никто не кичился пурпурным одеянием; но кого они год за годом назначали себе правителем, тому и повиновались, и не было среди них ни зависти, ни раздоров» [43]. Однако в течение II в. до н. э. произошло резкое изменение римского общества, чему поспособствовало появление значительного количества богатых людей, стремящихся увеличить свое состояние.

Римские императоры жестко боролись с коррупцией и сурово наказывали за соответствующие преступления. Гай Юлий Цезарь запретил прием наместниками в провинциях золотых венков от подвластных городов [44, с. 107]. Он казнил не только за подкуп, но и за подарки должностным лицам.

Древнеримский политический деятель и знаменитый оратор Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.) о противодействии взяточничеству

в среде должностных лиц говорил: «Подарков да не принимают и не дают, ни добиваясь власти, ни исполняя свои должностные обязанности, ни исполнив их. Если кто-нибудь нарушит какое-либо из этих положений, то кара да соответствует преступлению» [45, с. 115]. Нравственность Цицерон считал главным критерием для претендентов на занятие должности: «Сословие это да будет без порока; да служит оно для других сословий примером». Возражающим на это оппонентам Цицерон отвечал: «...так как закон велит, чтобы сенат был свободен от каких-либо пороков, то ни один человек, страдающий пороком, не должен вступать в это сословие... зло не только в том, что проступки совершают первенствующие люди (хотя это само по себе – большое зло), сколько в том, что у них находится очень много подражателей» [45, с. 115–116]. Цицерон обратил внимание на тенденцию массового распространения коррупции и условие самосохранения коррупционеров: «Взяточники должны трепетать, если они наворовали лишь сколько нужно для них самих. Когда же они награбили достаточно для того, чтобы поделиться с другими, то им нечего более бояться» [46, с. 257]. Эту тенденцию можно представить в виде определенных форм современной коррупции. Коррупционер нижнего ранга для обеспечения своей безопасности (не привлечения к уголовной ответственности или как минимум увольнения) вынужден делиться с вышестоящим начальником (преподносить ему подарки, вручать часть полученного незаконным путем), от которого зависит его благополучие, продвижение по службе и т. п. В свою очередь вышестоящий коррупционер, дабы не быть разоблаченным своими подчиненными, «подкармливает» их из средств, полученных в виде взятки, либо иным способом «покупает» их преданность.

Философ-стоик Сенека (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) указал на стремления и мотивы римского общества: «Люди повсюду ищут наслаждений, каждый порок бьет через край. Жажда роскоши скатывается к алчности; честность в забвении; что сулит приятную награду, того не стыдятся» [43]. Слова философа отражают основу возникновения коррупции, основывающуюся на множестве человеческих пороков, главенствующим из которых является страсть к наживе и богатству (алчность).

Еще ранее древнегреческий философ Демосфен (384–322 гг. до н. э.) утверждал: «...если кто-нибудь из афинян возьмет от кого-либо взятку,

или сам предложит другому... он должен быть лишен гражданской чести, сам и его дети, а имущество его подлежит конфискации и продаже с торгов». Динарх (360–290 гг. до н. э.) констатировал: «...при рассмотрении других преступлений, связанных с деньгами, законы просто требуют двойного возмещения убытков... для людей, берущих взятки, они установили только два наказания: либо смерть, чтобы судьба взяточника, которого постигло такое наказание, послужила уроком для других; либо штраф в десятикратном размере по отношению к сумме взятки, чтобы не было никакой выгоды для тех, кто отважится на такое дело» [38]. В современном мире крайность мер наказания за коррупцию характерна для Китайской Народной Республики, где для взяточников наравне со смертной казнью предусмотрены и штрафные санкции. Вместе с тем применение смертной казни не решает проблему борьбы со взяточничеством и многократно доказало свою неэффективность.

В Древнем Китае систему противодействия коррупции разработали сторонники легизма (от лат. *lex* – ‘закон’), ярким представителем которого был Шан Ян (390–338 гг. до н. э.). Он говорил: «...когда законы не проводятся в жизнь, следует понимать, что их нарушают сверху. За малейшие проступки была предложена карательная политика в виде смертной казни, при этом доносительство как общественный институт являлось законным правом каждого» [44, с. 101].

Рассматривая вопросы борьбы с коррупцией, Г. Гегель обращал внимание современников на положительные меры, существовавшие во времена Древнего мира: «В Афинах существовал закон, предписывающий каждому гражданину отчитываться, на какие средства он живет: теперь же полагают, что это никого не касается» [47, с. 269].

Известно также изречение древнеримского историка Публия Корнелия Тацита (около 50–120 гг. н. э.): «Чем больше в государстве коррупции, тем больше законов» [42, с. 8]. С утверждением Тацита можно согласиться только отчасти. Коррупция не порождает законы, но заинтересована в таких законах, на основе которых возможно ее процветание. Если в подготовке проектов законов участвуют люди, склонные к коррупции, то они будут инициировать принятие законов, способствующих развитию коррупции. В то же время и позитивные участники законотворческого процесса, устанавливающие

значительное количество запретов, содержащихся в законах, невольно порождают коррупционные отношения. Следовательно, чем больше нормативных запретов, тем больше коррупции в государстве.

Итальянский философ и политический деятель Никколо Макиавелли (1469–1527) о коррупции говорил как о «системе грабежа со стороны чиновников, сравнивая ее с болезнью, которую вначале трудно распознать, но легко лечить, а позже – уже легко распознать, но почти невозможно лечить» [42, с. 8]. Являясь общим заболеванием государства, коррупция разрушала общество, его гражданскую добродетель [48].

В качестве коррупционных преступлений в царской России рассматривались две их формы: казнокрадство (присвоение бюджетных денег) и взяточничество, которое подразделялось на мздоимство (получение неправомερных преимуществ за совершение правомερных действий) и лихоимство (получение материальных благ за совершение незаконных действий). Понятие «лихоимство» вошло в русское законодательство во времена Петра I на основе его Указа от 24 декабря 1714 г. [49]. В России использовались и иные слова, указывающие на коррупционное поведение слуг государевых: «почесть», «поминки», «посулы».

По сохранившимся записям русских летописцев взятки (мздоимство) появились еще в Древней Руси и осуждались наряду с пьянством и колдовством. Впервые о «посулах» как незаконном получении чиновником вознаграждения говорится в Двинской уставной грамоте 1397–1398 гг. [50]. Об этом же есть сведения и в Псковской Судной грамоте 1397 г. [51], появившейся в тот же период времени.

Первое законодательное ограничение коррупционной деятельности в России было осуществлено при Иване III, а его внук Иван IV (Грозный) впервые ввел смертную казнь за получение взятки [52, с. 31]. Иваном IV (Грозным) была принята Судная грамота (1561), запрещающая «судити по посулам». Выявив факты получения взятки судебными чиновниками местного земского управления, царь велел их «казнити смертною казнью». Весьма интересен такой метод борьбы со взяточничеством, как передача имущества казненных взяточников тем, кто совершил на них донос: «...а животы их велети имати да отдавати тем людям, кто на них донесет» [53, с. 102].

С приходом на царствование династии Романовых противодействие коррупционным проявлениям не отличается стабильным характером. Периодически в зависимости от личности царствующей особы происходит усиление или ослабление борьбы со взяточничеством, в соответствии с чем резко отличаются и применяемые к коррупционерам меры ответственности.

Первый народный бунт антикоррупционной направленности произошел в 1648 г. и закончился расправой с двумя коррумпированными служащими, отданными толпе по указанию царя Алексея Михайловича, напуганного гневом подданных. Это событие послужило одним из поводов созыва в следующем году Земского собора и принятия свода законов Русского царства под названием «Соборное уложение», в котором нашли отражение вопросы уголовной ответственности, в том числе за взяточничество и иные проявления корыстных злоупотреблений по службе.

В Соборном уложении 1649 г. была предусмотрена ответственность должностных лиц судебных органов за принятие вознаграждения в виде «посула», но смертная казнь за это не применялась. Мера ответственности за аналогичное деяние отличалась в зависимости от должностного положения виновного. Боярин, окольный или иной думный человек уплачивал тройной размер цены иска лицу, против интересов которого совершил «неправду», у него удерживались «пошлины и пересуд и правой десяток взяти на государя», а также подлежало «отнять честь» (опозорить, посрамить, испачкать репутацию, покрыть позором). Если судья «не из думных людей», то в отношении него применялась «торговая казнь, и впредь им у дела не быти» (гл. X, ст. 5) [54].

«Мягкость» ответственности за совершенные должностные преступления не способствовала снижению коррупционных проявлений, в частности взяточничества. В последующие десятилетия с момента принятия Соборного уложения коррупция и взяточничество находились в состоянии стабильного развития.

При царе Алексее Михайловиче был создан Приказ Тайных дел (1655), который представлял собой личную канцелярию царя. Основной его функцией был контроль за деятельностью приказов, система которых действовала со времен Ивана Грозного. Контроль носил как гласный (открытый), так и негласный (тайный) характер [55,

с. 6–7].

В допетровский период наибольшее развитие получили две формы коррупционных отношений: «посулы» и «почести». «Посулы» были собственно взятками в современном понимании этого слова, а «почесть» и отдельная плата за составление бумаг не преследовались законом [56, с. 141–146]. «“Почесть” носила характер своеобразного соглашения, в обмен на которую приказные люди как бы брали на себя обязательство благожелательно отнестись к челобитчику» [57, с. 38].

Подношения, имевшие характер «посула», передавались чиновникам за нарушение закона [56, с. 144]. «Посулы»-взятки преследовались по закону во все времена. Во время правления Петра I сохранялись подношения чиновникам деньгами и натурой «в почесть», кормление приказных обедом, плата за оформление дел и дача «посулов», которые, по мнению П. В. Седова, глубоко укоренились и остались в наследство последующему времени [58, с. 206].

При Петре I коррупция и взяточничество в России достигли максимального расцвета. Повальные злоупотребления чиновников впервые были осознаны как препятствие развитию страны. Среди должностных лиц было распространено взяточничество. Наиболее преуспел в этом приближенный к царю А. Д. Меншиков. Чиновники считали занимаемую государственную должность предоставленной возможностью улучшить свое материальное положение за счет народа. Такое отношение к службе и связанным с ней коррупционным возможностям имеет причину. Еще в Древней Руси на чиновниках стали практиковать византийский принцип: им не платили жалованья, но позволяли кормиться за счет подношений народа [59]. На уровне правящей власти считалось, что легче и дешевле чиновника накормить за счет народа, чем за счет царской казны. По этой причине до XVIII в. служилые люди на Руси жили благодаря так называемому кормлению.

При Петре I все слуги государевы впервые стали получать фиксированную ежемесячную плату, а взятки (подношения) в любой форме были признаны преступлением. При названном царе произошла заметная переориентация деятельности государственных органов на борьбу с государственными и должностными преступлениями. В обнаружении и преследовании государственных и должностных преступников наибольшее распространение получили тайные методы расследования. Для решения этой задачи Петр I в 1701 г. создал

Преображенский приказ, функции которого впоследствии были переданы созданной в 1718 г. Тайной розыскных дел канцелярии. Доносительство о государственных преступлениях царскими указами вменялось в обязанность всем подданным. Более того, законодательство указанного периода пыталось распространить доносы и на другие сферы жизни общества.

Изобличенных в казнокрадстве и взяточничестве привлекали по нормам Соборного уложения 1649 г., не утратившего актуальности на протяжении двух столетий с момента принятия. Однако меры ответственности за взяточничество, содержащиеся в Соборном уложении 1649 г. и иных правовых актах, не обеспечивали эффективности в борьбе с коррупцией и взяточничеством. Понимание этого побуждает Петра I усилить ответственность за корыстные преступления. Теперь за взяточничество, совершаемое служилыми людьми, стали применять различные виды телесных наказаний, изъятие (конфискацию) имущества и смертную казнь. Вначале эти меры применялись в отношении получателей взятки, но в 1713 г. Петр I ввел уголовную ответственность за дачу взятки. В следующем году указом была установлена ответственность за пособничество в совершении корыстного злоупотребления по службе и за недонесение о совершении этих преступлений [60, с. 591]. Принимаемые Петром I меры положительного эффекта не давали.

В целях предупреждения взяточничества и других корыстных злоупотреблений по службе он ввел новый порядок прохождения государственной службы для воевод, которые не могли находиться на этой должности более двух лет. Данный срок мог быть продлен только в том случае, если имелась письменная просьба жителей города о том, чтобы данное должностное лицо продолжало исполнять свои обязанности [60, с. 591].

Следует отметить непоследовательность и избирательность Петра I в деле борьбы с коррупцией. Он довольно снисходительно относился к финансовым злоупотреблениям своих соратников при условии, что те были полезны в его начинаниях, а их преступные деяния для окружающих были скрыты. Так, царь закрыл глаза на то, что во время завоевания Прибалтики полководец Б. П. Шереметев присвоил себе все награбленное на захваченных территориях. По его приказу солдаты сгоняли людей с завоеванных территорий, не обращая внимания на их

происхождение и звания, и гнали в поместья графа Б. П. Шереметева для превращения их в землепашцев и других нужных ему рабов [61, с. 69]. После смерти Петра I его жена, взошедшая на престол под именем Екатерина I Алексеевна, фактически перечеркнула предшествующие достижения в борьбе с коррупцией. В одном из первых указов она повелевает приказным людям жалованья не выдавать, «а довольствоваться им от дел по прежнему обыкновению с челобитчиков» [49]. Таким образом, Екатерина I разрешила «кормление от дел».

Правление племянницы (Анны Иоановны), а затем дочери (Елизаветы Петровны) Петра I не отличалось серьезностью в вопросе борьбы с казнокрадством и взяточничеством. Отсутствие склонности к управлению государством делало цариц всецело зависимыми от окружавших их фаворитов. Приближенные, которым они доверяли, злоупотребляли своим положением, что в итоге способствовало массовому воровству на всех уровнях.

С теми же проблемами столкнулась Екатерина II, во времена царствования которой также процветали фаворитизм и стяжательство [62]. Первые годы ее правления характеризовались стремлением к борьбе со взяточничеством. Ко времени ее вступления на престол в России глубоко укоренилась система мздоимства, произвола и других злоупотреблений среди чиновников. Для искоренения коррупции и воровства среди чиновников необходима была основательная реформа государственного строя, что оказалось невозможным ни в те времена, ни в более поздние [63, с. 208, 212].

Следуя опыту Петра I, Екатерина II вновь назначила чиновникам жалованье. На этот раз оно выплачивалось вовремя и было намного выше, чем при Петре I. Теперь императрица имела право требовать от чиновников честности и соблюдения законов. Однако стремление государевых людей к наживе было сильнее доводов разума. Проведенные вскоре проверки показали: чиновники массово воровали. Императрица была возмущена происходящим в государстве. Коррупция охватила всю систему государственного управления. Не служила образцом для подражания и сама Екатерина II. Причиной тому послужило явление под названием «фаворитизм», которое к моменту царствования Екатерины II приобрело всеобщий характер и было интегрировано в систему государственного управления.

Павел I, взошедший на престол после смерти Екатерины II, начал

активную борьбу с коррупцией в Российском государстве. В опале оказались фавориты и ближайшие соратники Екатерины II, злоупотреблявшие ее доверием. Стремление Павла I навести в стране железный порядок вызвало недовольство не только отстраненных от власти чиновников, но и ближайшего окружения царя, что привело к его убийству. Не менее сложной оставалась ситуация и во времена царствования Александра I, которому докладывали о коррупционных злоупотреблениях сенаторов. Так, в результате специальной проверки были вскрыты «злоупотребления вопиющие и по глупости губернатора, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые» [64].

Понимая, что «различного рода подношения оказывают разлагающее влияние на персонал административных учреждений, правительство Александра I приняло специальный Указ “О воспрещении приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам”. Это запрещение мотивировалось необходимостью “предупредить всякого способа к послаблению и упущениям по службе”» [57, с. 41]. Однако во времена царствования Александра I это не повлияло на взяточничество, которое приобретало бесхитростные и заранее продуманные формы. Например, один чиновник, обещая похлопотать перед судьей, брал взятку отдельно с истца и ответчика. Поскольку одна из сторон всегда выигрывала, то «честный» чиновник возвращал деньги другой стороне со словами извинения, мол, сила не взяла [65, с. 34].

В 1820 г. Александр I инициировал принятие документа, согласно которому государственным чиновникам запрещалось участвовать в приобретении имущества, продажа которого была поручена им правительством.

Правосудие над коррупционными чиновниками восторжествовало во время правления Николая I. На исходе его царствования под судом находилось 2540 чиновников [66, с. 177]. При Николае I чиновникам не разрешалось брать на себя казенные подряды и поставки в учреждениях, где они служили, входить в долговые обязательства с подрядчиками и поставщиками в этих учреждениях, выступать «по месту службы» в качестве поверенных других лиц. В целях контроля за чиновниками, а также выявления фактов коррупции при Николае I впервые были введены в практику регулярные ревизии.

Представляют интерес дополнения к Уставу о службе гражданской. Речь идет о третьем пункте Положения «О порядке увольнения от службы и определения вновь в оную неблагонадежных чиновников» от 7 ноября 1850 г. (позднее – ст. 788 Устава о службе по определению от правительства 1896 г.). Данная норма позволяла увольнять чиновников по усмотрению начальства без объяснения причин, мундира и пенсии. Основанием для увольнения могло послужить недоверие в случае злоупотреблений, которые нельзя было доказать. При этом предание служащих суду за служебные преступления зависело не столько от суда или прокурорского надзора, сколько от их собственного начальства.

Устав о службе гражданской жестко ограничивал чиновничество в гражданских правах и предусматривал безусловное подчинение государственного служащего не только закону, но и воле вышестоящего начальника.

В то же время взяточничество и казнокрадство не ослабли, а обрели четкую форму. Многие знали, кому из чиновников, за что и сколько следует давать взятку. Значительные суммы были присвоены графом П. А. Клейнмихелем. Будучи любимцем царя, граф считался главным казнокрадом, вором и мздоимцем. Он присвоил значительные суммы денег, «отпущенные на меблирование Большого Зимнего дворца в 1837 году» [67].

Николай I привлекал к суду крупных коррупционеров, но не всех. Например, П. А. Клейнмихель так и не понес ответственности за казнокрадство в особо крупных размерах. Пользуясь благосклонностью царя, граф лестью и обманом убедил его в своей непогрешимости. Со временем все было забыто, и граф снова был допущен ко двору. Николай I не обращал внимания на мелких взяточников и относился к ним снисходительно. В целом времена правления этого государя характеризовались активной борьбой с хищениями государственных средств, сокращением крупной коррупции, несмотря на то, что мелкая коррупция процветала. Начало царствования Александра II ознаменовалось либеральными реформами и сменой старых, скомпрометировавших себя министров. Впервые в русском языке стало широко употребляться слово «гласность», а пресса получила возможность обличать коррумпированных чиновников. Реформы судебной системы и местного управления способствовали снижению

числа поводов для дачи взяток. Например, введение суда присяжных заседателей сделало неэффективной дачу взятки судье, а отмена винного откупа – взятки чиновникам казенных палат.

Царствование Александра II происходило в условиях бурно развивающегося капитализма, что привело к появлению новых форм злоупотреблений. На смену традиционному кумовству, мздоимству и лихоимству пришли сращивание высшего чиновничества с бизнесом, взаимопроникновение государственного управления и предпринимательства. Этому способствовали условия неизменной зависимости чиновников только от начальства («третий пункт») и отсутствия выборности должностных лиц. Старые поводы для коррупционных отношений скоро сменились новыми, связанными с развитием предпринимательства: необходимостью получения концессий на строительство железных дорог, государственных субсидий и т. п.

Коррупция в системе государственной службы получила новый стимул в связи с развитием в стране капиталистического социально экономического уклада: «Эффективным средством коррумпирования крупных правительственных чиновников для российских предпринимателей стало их привлечение к учреждению акционерных обществ, предложения тех или иных должностей в советах и управлениях частных фирм» [57, с. 42]. Происходило сращивание промышленной и финансовой олигархии с представителями правительственной бюрократии, что для последних являлось завуалированной формой подкупа [68, с. 127].

Активного противодействия коррупции со стороны государства в этот период не наблюдается. Близкое окружение царя составляют его родственники, занимающие ключевые позиции в государственных органах. Они же в числе первых допускают коррупционные отношения. Не был безгрешным и сам император. На получение им взяток указы вал А. И. Дельвиг [68, с. 183]. Вместе с тем нельзя утверждать, что ни каких мер для борьбы с коррупцией не предпринималось. Существенным фактором борьбы с воровством и коррупцией считается система публикации имущественного положения чиновников империи. Ежегодно выходили книги под названием «Список гражданским чинам...» (определенного ведомства), в которых отражалось имущественное положение чиновников и их близких.

В годы правления Александра II среди чиновников высшего ранга получило широкое распространение участие в учреждении акционерных обществ, что способствовало извлечению ими незаконных прибылей. Например, многие коррупционные скандалы того времени связаны с деятельностью частных железнодорожных компаний. Ряд крупных чиновников вошли в состав этих компаний, причем, как правило, они в качестве вклада в дело денег не вносили, а использовали свой так называемый административный ресурс [66, с. 99–100]. Подобное положение дел вынудило Александра III установить запрет высшим чиновникам на участие в деятельности акционерных предприятий [66, с. 101]. Был введен запрет на получение чиновником комиссии при размещении государственного займа. Одним из главных направлений борьбы с данным злоупотреблением стала реорганизация системы железных дорог, превратившейся в одну из главных сфер коррупции и финансовых нарушений. Александр III пресекал вмешательства своих близких родственников (великих князей) в деятельность министерств, а заподозренных в злоупотреблениях отправлял в отставку. В этот период был начат процесс ужесточения ответственности за взяточничество.

Александр III в 1884 г. установил новые ограничения для государственных служащих. Высшим должностным лицам было запрещено участвовать в железнодорожных, пароходных и промышленных компаниях, входить в правления акционерных обществ и т. п. Была произведена смена руководителей, но на этот раз – на консервативных министров патриотического направления. Однако и они не избежали упреков в коррупции. Председатель Комитета финансов А. А. Абаза почти открыто занимался крупной биржевой игрой на курсе рубля. В обществе говорили о получении взятки от иностранных банкиров министром финансов И. А. Вышнеградским, о злоупотреблениях министра путей сообщения А. К. Кривошеина. Максимальным наказанием для провинившихся в таком случае обычно становилась отставка [69, с. 15]. В XIX в. коррупция фактически превратилась в механизм государственного управления.

Рост коррупции в начале XX в. был связан не только с увеличением числа чиновников, но и со значительным количеством разнообразных сделок: с недвижимостью и землей, передаваемой для извлечения полезных ископаемых, с поставками и военными заказами и др. В

период Русско-японской, а затем и Первой мировой войны рост коррупции вызвал необходимость как усиления ответственности за получение взяток, так и отказа от ненаказуемости за взяткодательство [70, с. 61].

Российское законодательство XIX – начала XX в. предусматривало несколько составов преступлений, связанных с коррупцией должностных лиц. С 1845 г. основным законодательным актом, регулировавшим ответственность чиновников за мздоимство и лихоимство, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1866, 1885 гг.; Уголовное уложение 1903 г.). Оно содержало специальную шестую главу «О мздоимстве и лихоимстве», состоящую из 13 статей. Однако законодательное определение этих понятий отсутствовало. В названной главе упоминался термин «взятка» (ст. 402 и другие статьи Уложения 1845 г.). Уголовная ответственность за мздоимство выражалась в двукратном денежном взыскании против цены подарка, который получал взяточник (ст. 401 Уложения 1845 г.). В Уложении 1845 г. назывались две формы получения взятки: взятка-благодарность и взятка-подкуп. Должностное лицо органа государственного управления кроме штрафа подвергалось освобождению от занимаемой должности. Если должностное лицо, получившее взятку, допускало «чего-либо противного обязанностям службы», то оно наказывалось в виде лишения свободы на срок от одного до трех лет или сечения розгами от 60 до 80 ударов и направления в арестантские роты на срок от двух до шести лет (ст. 402 Уложения 1845 г.) [71].

В Уложении 1845 г. перечислены различные формы вымогательства взятки должностным лицом (ст. 406 и 407):

- путем угрозы или под страхом притеснения;
- всякое требование подарков, платы, ссуды или каких-либо услуг, прибылей или иных выгод;
- всякие поборы деньгами, вещами;
- незаконные наряды обывателей на свою или чью-либо работу;
- требование, сопряженное с истязанием или иным явным насилием над личностью.

В Уложении 1845 г. впервые появились ранее неизвестные уголовному праву царской России составы преступлений:

- противозаконный сбор денег или чего-нибудь иного на подарки и

угощения чиновников и других лиц, т. е. вышестоящего руководства, со стороны должностных лиц волостного и сельского управлений, а также писарей и их помощников (ст. 408);

–содействие мздоимству и лихоимству, соучастие в вымогательстве взятки (ст. 409);

–дача взятки крестьянином должностному лицу от имени общины (ст. 411) [72, с. 392–396].

Новая редакция Уложения 1845 г., состоявшаяся в 1866 г., существенно не изменила содержание уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за мздоимство и лихоимство. Статья 336 Уложения 1866 г. дает определение лихоимства – «родовое понятие, объединяющее в себе поборы, вымогательство взяток и получение взяток без вымогательства» [73, с. 44–45].

Уголовное уложение 1903 г. предусматривало ответственность служащих, вступающих в запрещенные им по роду службы имущественные сделки (ст. 682). В соответствии со ст. 683 Уголовного уложения наказывался служащий, «на коем лежит обязанность наблюдения за имущественными предприятиями, или заключения, утверждения или исполнения подряда, поставки или иного имущественного договора, или производства торга, или надзора за указанными действиями, виновный в воспрещенном ему законом участии в сих предприятиях или договоре, или в залогодательстве по договору от своего имени или от имени своей жены, или через подставное лицо».

Важным этапом на пути совершенствования ответственности за взяточничество и лихоимство было издание Свода законов (1832, 1842, 1857 гг.), в котором этим деяниям посвящена гл. 6 разд. 5 т. 15. Статья 336 содержала упоминание о трех видах лихоимства: незаконных поборах под видом государственных податей; вымогательстве вещами, деньгами и припасами; взятках с просителей по делам исполнительным и судебным. Таким образом, взяточничество рассматривалось как составная часть лихоимства. Под взяткой понимались всякого рода подарки, которые делались чиновникам для ослабления силы закона. При вынесении виновным наказания учитывались следующие правила: не смотреть на чины, достоинства и прежние заслуги; если обвиняемый докажет, что взятки были приняты на его имя без его ведома, то наказывать того, кто принял взятку; учитывать степень преступления и

происшедшие от того последствия [74, с. 342–343].

Впервые термин «коррупция» в правовой науке России появился в 1913 г. А. Я. Эстрин в работе «Взятничество» определил данное социальное явление как «подкупаемость и продажность государственных чиновников, а также общественных и политических деятелей» [75, с. 5]. Смена государственного строя и формы правления после Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти коммунистов не устранила коррупцию на государственной службе. Каждое десятое уголовное дело, рассмотренное в 1919–1920 гг. судами в Москве, касалось взятничества и иных должностных преступлений [76].

Понимание наличия угрозы, которую представляла коррупция для молодого государства, побудило советское руководство принять решение о подготовке нового законопроекта о взятничестве, где «наказание за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр., и т. п.) должны быть не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ» [77, с. 70].

По истечении шести месяцев с момента установления власти рабочих и крестьян в срочном порядке был принят Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взятничестве». Им установлена уголовная ответственность за взятничество: дачу взятки, подстрекательство к даче и получению взятки, пособничество и прикосновенность о взятничестве. За это преступление предусмотрена мера наказания в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет, с принудительными работами после отбытия наказания на тот же срок. Однако фактически нередко применялись более высокие сроки лишения свободы, вплоть до высшей меры наказания – расстрела. Дела о взятничестве входили в компетенцию Особого революционного трибунала при Всероссийской чрезвычайной комиссии, который при постановлении приговора руководствовался «исключительно интересами революции и не связан какими-либо формами судопроизводства» [78, с. 218]. Декретом в равной мере устанавливалась ответственность за покушение и оконченное взятничество. Впервые дано понятие субъекта должностных преступлений [79]. Должностными лицами согласно ст. 1 Декрета признавались «лица, состоящие на государственной или общественной службе в РСФСР (как-то: должностные лица Советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений

кооперативов и профессиональных союзов и т. п. учреждений и организаций или служащие в таковых)» [79, с. 62].

В 1921 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет «О борьбе со взяточничеством», которым отменялась установленная Декретом «О взяточничестве» 1918 г. уголовная ответственность за недонесение о взяточничестве. Новацией Декрета 1921 г. явилась норма, освобождавшая от ответственности лицо, давшее взятку, но своевременно заявившее о вымогательстве взятки или содействовавшее в изобличении и предании суду взяткополучателя [80, с. 169–170].

В дальнейшем ответственность за взяточничество предусматривалась уголовными кодексами РСФСР (1922, 1926, 1960 гг.) и, соответственно, республик, входящих в состав Советского Союза. Мера пресечения постоянно ужесточалась, но не ограничивала масштабы злоупотреблений чиновников.

В период реализации советской властью новой экономической политики возникла предпринимательская деятельность, которая послужила расцвету коррупции и коррупционных отношений. Взяточничество признается формой контрреволюционной деятельности, за которую расстреливали. По этому поводу Ф. Э. Дзержинский в циркулярном письме отмечал: «Всем известно, каких размеров достигло взяточничество во всех областях хозяйственной деятельности Республики и что особенно широкое распространение этого зла отмечается именно на транспорте. Мы должны отдавать себе отчет в том, что взятка имеет глубоко классовый характер, что она есть проявление мелкобуржуазной частнокапиталистической стихии, направленное против основ ныне существующего строя» [81, с. 55]. По распоряжению Ф. Э. Дзержинского чиновников его ведомства (на тот момент занимал должность народного комиссара путей и сообщений), пойманных на взятке, расстреливали. В конце 1920-х гг. борьба с коррупцией приобрела характер массовых карательных компаний. Так, в одном из циркуляров Народного комиссариата юстиции РСФСР 1927 г. значилось: «В течение... месяца... повсеместно и единовременно назначить к слушанию по возможности исключительно дела о взяточничестве, оповестив об этом в газете, дабы создать по всей республике впечатление единой, массовой и организованно проводимой судебно-карательной кампании» [82].

Взятками считались не только традиционные способы передачи

предмета взятки должностному лицу за его действия или бездействие по службе, но и любые подарки. Взяткой признавалась и работа по совместительству в двух и более учреждениях, находящихся между собой в товарообменных партнерских взаимоотношениях.

С началом коллективизации в 1929 г. взяточничество распространилось и в сельской местности. В связи с этим пленум Верховного суда СССР определил: «Все случаи получения должностными лицами магарыча, т. е. всякого рода угощения в каком бы то ни было виде, подлежат квалификации как получение взятки» [83].

Коррупция считалась буржуазным пережитком, поэтому в СССР было принято говорить, что по мере строительства социализма «в нашем молодом государстве» она постепенно исчезает. «Взяточничество, – написано в вышедшей в 1957 г. брошюре в помощь юристам, – в современных советских условиях стало относительно редким явлением» [83]. Первые три десятка лет советской власти коррупционные проявления были сведены к минимуму. Этот период характеризуется отсутствием крупных взяточников, мелкие же мздоимцы были всегда. Высшие чиновники обладали всеми доступными благами. Претендовать на большее они не могли по причине жесткого партийного контроля, сравнимого с дамкловым мечом [10, с. 73–74].

В советском государстве коррупция как социальное явление замалчивалась. Нет явления – отсутствует и проблема, требующая усилий по ее разрешению. Практически нигде не упоминался термин «коррупция», вместо него использовались понятия «взяточничество», «злоупотребление служебным положением». Взятничество советской пропагандой представлялось как «социальное явление, порожденное условиями эксплуататорского общества» [84, с. 31]. Одним из главных достижений революции 1917 г. считалась ликвидация эксплуататорского класса. Советское государство позиционировалось как первое в мире, где отсутствует основа для взяточничества, в качестве которой называлась эксплуатация человека человеком. Имеющиеся факты взяточничества советская идеология объясняла как пережитки буржуазного прошлого. Их причиной выступали недостатки в работе партийных, профсоюзных и государственных органов в области воспитания трудящихся [84, с. 32].

До начала 1980-х гг. тема коррупции открыто не поднималась.

Первым громким делом стало дело фирмы «Океан» [85], затем «Сочинское дело» [86], потом дело директора Елисеевского гастронома в Москве Ю. К. Соколова [87], который в итоге был расстрелян.

История борьбы советской власти с коррупцией весьма специфична.

Во-первых, коррупция и как понятие, и как явление в официальных нормативных документах и практической деятельности не признавалась.

Во-вторых, причины возникновения названного явления связывались с условиями, присущими буржуазному строю.

В-третьих, высшие советские партийные чиновники были неприкосновенными.

В-четвертых, с коррупцией среди государственного аппарата боролись исключительно представители этого аппарата.

Наличие коррупции в социалистическом обществе и ее постоянное воспроизведение объясняется многими факторами, которые заметны при анализе соотношения социалистической идеологии с внутренними установками и потребностями граждан советской страны.

Идеология советского общества декларировала обязательность трудовой деятельности для каждого трудоспособного гражданина. В соответствии со ст. 12 Конституции СССР 1936 г. «труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: “кто не работает, тот не ест”» [88]. Уклоняющихся от этой обязанности граждан преследовали по закону. Таких граждан на основании постановления районного (городского) суда выселяли в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения [89]. Фактически речь идет о лишении этих граждан свободы.

В 1977 г. была принята новая Конституция СССР, которая закрепила не обязанность, а право на труд. Согласно ст. 40 «граждане СССР имеют право на труд, — то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера» [90]. Несмотря на очевидный нормативный прогресс в регламентации отношения граждан к труду, ситуация в стране практически не изменилась. Лица, не занимающиеся общественно полезным трудом,

назывались тунеядцами. В Уголовном кодексе СССР содержалась статья, предусматривавшая ответственность за тунеядство.

Следует заметить, что в наше время проблема борьбы с тунеядством актуализировалась в Беларуси после принятия 2 апреля 2015 г. Президентом Республики Беларусь Декрета № 3 «О предупреждении социального иждивенчества» [91]. Декретом установлена обязанность граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих в республике, иностранных граждан и лиц без гражданства, не участвующих в финансировании государственных расходов или участвующих в таком финансировании менее 183 календарных дней в истекшем году, уплатить сбор в размере 20 базовых величин.

В равной степени граждане СССР преследовались и за нетрудовые доходы, под которыми понимались любые материальные ценности, получаемые вне связи с заработной платой по основному месту работы. Советская пропаганда к нетрудовым доходам относилась, например, результаты труда (овощи, выращенные на собственном приусадебном участке, предметы ремесла и т. п.), произведенные за рамками общественного труда (вне времени по основному месту работы) и реализованные на рынке. В период проведения кампаний по борьбе с нетрудовыми доходами, проводившихся на основании специальных нормативных актов вплоть до распада Советского Союза, под сомнение ставились и доходы, полученные по наследству, в результате выигрыша в лотерею или проценты по вкладу в Сберегательном банке.

Советским государством была сформирована общественная модель, закрепленная в Конституции СССР, согласно которой собственность на всевозможные средства производства признавалась общенародной или колхозно-кооперативной. Труд «приобретал “непосредственно-общественный” характер, а те, кто трудились, одновременно являлись и сохозяевами средств и продуктов производства» [92]. Предпринимательская деятельность и ее результат – частная собственность – находились под запретом. Его нарушителей ожидала строгая даже по меркам советского законодательства уголовная ответственность.

Разрешенной формой занятости оставался труд только на государство. Советская пропаганда «объявляла трудящихся сохозяевами общественной собственности, работающими на самих себя» [92], но при этом не учитывала истинные потребности строителей

социализма, которые не могла удовлетворить сложившаяся советская система. Справедливости ради заметим, что при социализме советским гражданам бесплатно предоставлялось образование, медицинское обслуживание, жилье (после определенного времени) и т. д.

Несмотря на это, личная выгода как существенный стимул экономических отношений оставалась основным мотивом экономического поведения советского человека. Подтверждением тому служит экспертное свидетельство Е. С. Варги: «За редкими исключениями каждый человек в Советском Союзе стремится к тому, чтобы увеличить свои доходы. Как и при капитализме, это составляет главное содержание жизни людей» [93, с. 216–217]. Советский академик предупреждал о вредных последствиях для общества, построенного исключительно на принципе «вознаграждение по труду», т. е. на материальной корысти, что неизбежно приведет к социальной поляризации и глубокому моральному разложению. Пропаганда указанного принципа и отсутствие его четких критериев формируют в сознании большинства людей стремление к обогащению любыми способами. В итоге люди ориентируют себя на повышение материального достатка «не только посредством больших трудовых усилий, но и с помощью спекуляции, хищений, казнокрадства и других средств» [93, с. 217]. Для описания многообразия изобретенных способов завладения имуществом государства [94] потребуется много времени, что, несомненно, представляет интерес, но выходит за рамки нашего исследования.

Человек в Советском Союзе все-таки находил возможность присвоить определенную часть общественного имущества и обратить его в личную собственность. Чтобы обратить в личную собственность некоторое количество общественных ресурсов, требовалось «вывести их из системы правовых и экономических отношений, определяемых правящей доктриной» [95, с. 103], согласно которой все в советском государстве пропагандировалось как народное достояние. На основе этой государственной идеологии появились пословицы и поговорки: «Неси с работы каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость», «Все вокруг народное, все вокруг мое» и др.

В стране, где существовал дефицит продуктов питания и широкого спектра товаров народного потребления, население массово совершало

хищения по месту работы (службы). С расхитителями социалистической собственности, называемыми «несуны», велась активная, но безрезультатная борьба. Мелкие хищения советских граждан были существенны для государства, но не шли ни в какое сравнение с хищениями должностных лиц на всех уровнях.

Имелись определенные условия для завладения «народным» имуществом, а следовательно, частью того, что, по мнению каждого советского гражданина, принадлежало ему. Первое условие было связано с положением гражданина в обществе (его статусом) – необходимо было занять определенную, желательнее более высокого уровня, должность в иерархической системе партийных и (или) управленческих органов государства. Обладателю должности предоставлялась власть, которая в условиях административно-командной системы распространялась на экономическую сферу, т. е. народное хозяйство.

Административно-командная система [96] в социалистическом государстве явилась одним из условий для возникновения коррупционных отношений на различных уровнях управления народным хозяйством. Ее отличительная особенность состоит в централизации управления экономикой советского государства. Промышленные и сельскохозяйственные предприятия были ограничены в принятии самостоятельных решений по вопросам хозяйственной деятельности. Они не имели экономической свободы, характерной для рыночной экономики. Принятие решений, т. е. прямое управление предприятиями, осуществляли центральные органы, среди которых доминировала партийная бюрократия. Они использовали административно-приказные методы управления. Органы государства также полностью контролировали производство, распределение и ценообразование товаров народного потребления, которых не было в достатке во все времена советского государства.

Занятие должности в органах советского государственного аппарата сулило материальные преимущества перед остальными гражданами. Преимущества очевидны, так как наиболее ценных должностных лиц административно-командная система «материально обеспечивает по максимуму – квартира, дача, спецбуфет... Чем полнее освобожден руководитель от забот о себе и семье, тем больше он принадлежит Системе» [97], которой преданно служит. Основанием

для выдвижения руководящих работников являлись «не творческие способности и компетентность, а исполнительность и способность не рассуждая выполнять приказы начальства, личное знакомство с руководителем. Предпочтение при выдвижении отдается тем, кто по своим деловым качествам не может составить конкуренции с выдвигающими» [97].

Занимая определенную должность, обретая статус, человек наделялся соответствующим объемом прав и обязанностей. Главное право состояло в возможности распоряжаться принадлежащим государству имуществом.

Многие представители верховной власти не удовлетворялись достигнутым статусом и соответствующим ему материальным обеспечением. Они, подобно должностным лицам нижестоящих звеньев, находили теневую сторону для приложения своей хозяйственной власти.

Вторым условием, способствующим частной «приватизации» государственных ресурсов, выступало наличие потребности в них со стороны значительной части населения страны.

Во времена перестройки и после нее рост коррупции происходил на фоне ослабления механизма государственной власти: сопровождался уменьшением централизованного контроля, уничтожением идеологических постулатов, экономической стагнацией, а затем и падением уровня развития экономики.

Сегодня коррупция и взяточничество сопровождают граждан на протяжении всей их жизни: в роддоме необходимо одарить врачей, чтобы роды прошли успешно [98]; чтобы ребенок попал в детский сад, не обходимо оказать «спонсорскую помощь» учреждению образования и нередко заведующему [99]; в школе хорошие оценки часто покупаются [100]; в вузах студенты сдают зачеты и экзамены за взятки [101, с. 20]; на работу многие устраиваются исключительно по знакомству [102]; даже за место на кладбище необходимо отдать определенную мзду [103]. На практике подобная ситуация порождает разгул так называемой теневой экономики, выводящей из легального оборота огромные ресурсы, прежде всего в виде налоговых поступлений, которые могли бы пойти на строительство детских садов, ремонт школ, развитие высшего образования и т. д. Эту проблему подробно изучил Л. М. Тимофеев. Истоки теневой экономики он

усматривает именно в коррупционном характере государственного управления, при котором чиновники всяческими способами стараются создать огромное число бюрократических барьеров (причем на законных основаниях) для субъектов предпринимательской деятельности, которым становится выгоднее увести бизнес «в тень» и платить из своего кармана коррумпированным государственным служащим [95, с. 105].

Приведенные исторические факты наводят на мысль о необходимости разработки эффективного механизма противодействия коррупции и взяточничеству в Беларуси. Помимо теоретического осмысления проблемы коррупции и взяточничества, правового урегулирования борьбы с ними нужно выработать комплексную концепцию противодействия этим вредным социальным проявлениям.

Следовательно, борьба с коррупцией и взяточничеством велась во все времена различными способами и методами, которые варьировались от сравнительно мягких до крайне жестоких. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что коррупция и взяточничество были и остаются явлениями всех времен и народов, независимо от этапов развития их государств. При этом необходимо признать, что коррупция и взяточничество оказывают отрицательное воздействие на нравственно-психологический климат в обществе, способствуют возникновению негативного отношения к проводимым политическим, экономическим и социальным преобразованиям.

1.3. Причины и условия, детерминирующие современные коррупцию и взяточничество

Многие явления, в том числе коррупция, возникают как следствие одной или нескольких причин. По нашему мнению, основной причиной коррупции и взяточничества выступает обстоятельство, отражающее сущностное содержание межличностных отношений между людьми. Дело в том, что формирование общественных отношений происходит в процессе взаимодействия субъектов. Социальное взаимодействие представляет собой систему взаимообусловленных социальных действий, связанных циклической зависимостью, при которой действие одного субъекта одновременно является причиной и следствием ответных действий других субъектов [104, с. 243].

В основе социального взаимодействия находятся как общественные, так и личные потребности индивидов. Разнообразие потребностей (материальных, духовных и др.) человека и постоянная необходимость их удовлетворения привели к исследованию возникающих между людьми отношений и поиску их закономерностей.

Лучшие и авторитетнейшие умы человечества выработали правила взаимоотношений между людьми. Более двух с половиной тысяч лет назад китайский философ Конфуций (552–479 гг. до н. э.) в качестве центрального понятия своего учения (книга «Лунь юй» – «Суждения и беседы») избрал принцип «жэнь» – гуманности и человеколюбия.

«Конфуцием сформулирован принцип, получивший в европейской традиции название “золотого правила нравственности”. Оно гласит: “Не делай другим того, чего не желаешь себе”» [105, с. 117]. В Европе этот принцип появился значительно позже – в эпоху Возрождения. Он интерпретировался по-разному, но неизменно выражал простой, краткий и емкий алгоритм действий: «Поступай с людьми так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой». Этот тезис стал золотым правилом в отношениях: давать людям то, что мы хотим получить от них для себя.

Учитывая приведенное правило, межличностные общественные отношения на протяжении многих веков формируются на взаимной выгоде, на основе принципа взаимного обмена: даю, чтобы и ты дал. Указанный принцип обуславливает подавляющее большинство коррупционных отношений. В качестве доказательства следует рассматривать отношения взяточничества, сформированные именно на его основе. Сложилось «мнение, в соответствии с которым взятки и прочие виды поощрения чиновников за их услуги оцениваются как взаимные одолжения в рамках повседневной деятельности и не имеют важного значения, а поэтому воспринимаются как естественное явление» [106, с. 69–70]. В итоге регламентированные нормами права общественные отношения искажаются в результате действий двух сторон: взяткодателя и взяткополучателя. И тот и другой нарушают запрет, установленный нормами не только права, но и нравственности.

Взяточничество – наибольшая составляющая коррупционных преступлений. Однако они не охватывают коррупционные проявления, формы и виды которых различны.

Различие проявлений коррупции со стороны должностных лиц не

влияет на наличие общего характерного признака их деяний. Во всех случаях он связан с личностью коррупционера и выражается в стремление улучшить свое материальное положение. Инициатива совершить преступление может возникнуть у коррупционера на основе внутреннего корыстного побуждения. При взяточничестве присутствует и внешний фактор, побуждающий к совершению преступного деяния. Им является взяткодатель, от которого нередко исходит инициатива дачи-получения взятки.

Следует заметить, что любому человеку свойственно стремление к материальному благополучию. Однако в ситуации с коррупцией это стремление превращается в навязчивую идею, реализация которой становится основной целью должностного лица, совершающего преступление, которое связано с получением взятки, либо иное преступление коррупционной направленности. Возможно, это объясняет наличие у бывших и действующих российских чиновников недвижимости и валютных счетов в банках за пределами России [107, с. 4].

Рассмотренный принцип представлен в психологии в виде правила взаимного обмена. Оно гласит: мы обязаны постараться каким-то образом отплатить за то, что предоставил нам другой человек [108, с. 43].

Правило взаимного обмена глубоко внедрилось в сознание людей благодаря социализации, которой они подверглись. Человек живет не сам по себе, а в обществе. Любое же общество подразумевает сотрудничество: ты помогаешь мне в этом, я помогаю тебе в том; ты делишься со мной мясом, я делюсь с тобой рыбой... Принцип «ты – мне, я – тебе» присущ не только людям, но и практически всем живым существам. Стремление быть благодарным изначально заложено в любом биологическом создании.

По нашему мнению, главной внутренней причиной получения должностным лицом взятки является осознанная неудовлетворенность своим материальным положением, компенсируемая на основе принципа взаимного обмена. Совершению взяточничества предшествует формирование у должностного лица ложного понимания того, что за оказанную им услугу (совершенное действие) он вправе получить (требовать при вымогательстве) встречное, как правило, материальное, предоставление от лица, которому эта услуга оказана либо в отношении

которого совершено действие, имеющее отношение к служебной деятельности должностного лица. Неудовлетворенность материальным положением имеет субъективный характер и не знает границ.

В научной литературе приводятся иные мнения по вопросу о причинах коррупции и взяточничества. В российских научных публикациях встречается упоминание о факторах коррупции. Например, В. М. Полтерович разделил их на следующие группы: фундаментальные, правовые, организационно-экономические, информационные, социальные и культурно-исторические [25, с. 35]. При этом остается неясным понимание термина «фактор», определение которого во многих источниках представлено разными значениями. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, фактор – «момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении» [8, с. 692]. Очевидно, что такое понимание термина «фактор» позволяет рассматривать существенную внутреннюю составную часть коррупции, но не ее внешнюю сторону. Приведенная формулировка не позволяет выделить то, что служит основой для возникновения коррупции как общественного явления и на что должны быть направлены меры противодействия.

В «Большой советской энциклопедии» фактор представлен как «причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты» [109, с. 458]. Причина же трактуется как явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления (в нашем примере она порождает коррупцию).

Белорусские исследователи рассматривают факторы коррупции, выделенные В. М. Полтеровичем, в качестве ее причин [110, с. 140; 111]. Безусловно, знание причин коррупции позволяет определить направления противодействия этому негативному явлению. Однако мы считаем, что представленные В. М. Полтеровичем группы факторов коррупции не следует рассматривать в качестве ее причин. Их содержательная сторона больше соответствует **условиям для коррупции**. Условие – та среда, в которой явление (в нашем примере это коррупция) возникает, существует и развивается.

Рассмотрим факторы-условия для коррупции в целях выявления их объективного существования в Беларуси. В качестве *фундаментальных условий для коррупции* выступают: несовершенство экономических институтов и экономической политики, государственное

вмешательство в экономику, контроль государства над ресурсной базой, монополизация отдельных отраслей экономики, неразвитость конкуренции, низкий уровень развития гражданского общества.

В экономической теории под институтом понимают систему правил, на основе которых действующие субъекты хозяйствования вступают в экономические отношения. Совокупность формальных и неформальных институтов образует экономическую систему. Формальные институты – регламентированные нормативными правовыми актами правила, относящиеся к экономической деятельности. К числу неформальных институтов причисляют традиции, а также правила, не предусмотренные нормативными правовыми актами, но практикуемые субъектами хозяйствования [112]. Особенность экономического развития Республики Беларусь и иных постсоветских республик в том, что, приобретя независимость четверть века назад, молодые государства встали на путь рыночных преобразований. Это повлекло замену старых административно-командных институтов на новые экономические институты. Формирование последних происходит в условиях конкуренции между субъектами хозяйствования внутри страны и еще более жесткой конкуренции на международном рынке, нередко сопровождаемой политическими и экономическими санкциями западных государств. В таких условиях вести речь о совершенстве экономических институтов не приходится, что, конечно, допускает появление и развитие коррупции. Республика Беларусь для достижения общественно значимых целей реализует *меры государственного воздействия на экономические процессы*. Государственное регулирование экономики ориентировано по многим направлениям. Например, государство регулирует вопросы капиталовложения в производство товаров и услуг и их реализацию.

Капиталовложение осуществляется за счет республиканского и местных бюджетов, а также частных внутренних и внешних инвестиций. Вопросы реализации товаров и услуг регулируются на законодательном уровне через институт государственных закупок. Иные направления государственного регулирования экономики также не исключают коррупционных отношений. При этом будет неверным считать экономическую политику государства фундаментальным условием для возникновения коррупции.

Не вызывает сомнений, что политика и экономика должны развиваться как две самостоятельные сферы. В то же время нельзя допустить беспредельного сокращения государственного вмешательства в экономику, что приведет к усилению политического влияния предприятий, в том числе входящих в транснациональные корпорации, и снижению роли государства как важнейшего политического института. Можно согласиться с тем, что государственным органам не следует чрезмерно вмешиваться в экономику. Их основная задача должна состоять в выполнении роли наблюдателя за законностью отношений, возникающих и развивающихся в экономической сфере.

Необходим *государственный контроль за ресурсами*, в том числе природными, для обеспечения правильного и целевого их использования. Такие явления в экономике, как монополизация ее отдельных отраслей, неразвитость конкуренции, низкий уровень развития гражданского общества, по нашему мнению, не могут выступать условиями для коррупции. Например, возникновение монополии (за исключением государственной) может быть следствием коррупции, а высокий уровень конкуренции не исключает коррупционных отношений в целях устранения конкурента. Низкий уровень развития гражданского общества не рассматривается как условие для коррупции, так как это явление было характерно во все времена и для всех народов.

Анализ рассмотренных выше условий не позволяет отнести их к фундаментальным. Логичным было бы выделить эту группу в экономический блок и назвать его экономическими условиями для коррупции.

В числе *правовых условий для коррупции* названы: отсутствие четкой и понятной законодательной базы (в том числе в связи с ее чрезмерно частым изменением), регулирующей экономические процессы; возможность влияния на судебные решения; несоблюдение норм международного права; неадекватные меры наказания за коррупционные сделки; наличие норм, позволяющих субъективную трактовку нормативных правовых актов. Неотъемлемыми спутниками коррупции являются *несовершенство, пробелы и изъяны в законодательстве* государства. По причине недостатков нормотворческой деятельности законодательная база в любом

государстве может иметь определенные пробелы.

На заседании коллегии Министерства юстиции Республики Беларусь было отмечено низкое качество разрабатываемых государственными органами проектов нормативных правовых актов. Более 40 % проектов, поступающих в Министерство, согласовывается с замечаниями, без учета проектов, которые дорабатываются с участием специалистов Министерства. Среди основных недостатков упоминались:

1) обширная практика подготовки проектов актов Президента Республики Беларусь для урегулирования отношений в различных сферах общественной жизни, а иногда и в качестве механизма согласования с Президентом Республики Беларусь того или иного варианта действий, находящихся в исключительной сфере ответственности конкретного руководителя;

2) наличие нескольких нормативных правовых актов по одним и тем же вопросам, что вызывает правовую неопределенность, нарушает принцип стабильности и системности законодательства;

3) значительное количество отсылочных норм, что приводит к принятию большого количества подзаконных актов (норм);

4) использование в проектах нормативных правовых актов неединообразной терминологии, сложных правовых конструкций, делающих законодательство непонятным для людей, не имеющих специальной подготовки;

5) проблемы согласования с другими нормотворческими органами, проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов;

6) отсутствие у разработчиков проекта представления о целях, смысле, механизмах реализации предлагаемых подходов, неспособность обосновать и объяснить причины, по которым избран предлагаемый вид нормативного правового акта, проанализировать возможные последствия принятия такого документа [113].

Дефекты в НПА могут быть созданы специально (например, для препятствия развитию предпринимательства). Из-за коррупции не получает должного развития малый и средний бизнес [114]. Столкнувшись с проблемами правового характера, предприниматели оказываются перед выбором правомерного или неправомерного (коррупционного) поведения. Решение этих и иных проблем вынуждает предпринимателей обращаться к чиновникам, которые не

всегда оказывают бескорыстную помощь даже в случаях своей правомерной деятельности, т. е. требуют взятку. Если такой способ обеспечивает быстрое и эффективное разрешение проблем, то не исключено, что предприниматели могут воспользоваться им вновь. По нашему мнению, устранение недостатков законодательства является одним из главных условий противодействия коррупции и взяточничеству.

Коррупция и взяточничество могут существенно повлиять на развитие экономики, создать ситуации, когда государственный аппарат превращается в инструмент, служащий удовлетворению исключительно частных экономических потребностей. С экономической точки зрения коррупция и взяточничество рассматриваются как незаконные виды деятельности, связанные с использованием служебного, должностного положения для получения дохода [115, с. 59].

Влияние на судебные решения относится к коррупционным проявлениям. Считать эту возможность условием для коррупции по крайней мере некорректно. Однако таким условием может выступать слабость судебной системы, так как ее недостатки влекут возникновение и развитие коррупционных отношений. По мнению Ю. А. Нисневича, состояние судебной системы – «самая болезненная точка, которая всегда связана с коррупцией» [116]. Исторически так сложилось, что борьба со взяточничеством велась в первую очередь в отношении судей. Например, одно из первых упоминаний о коррупционных преступлениях в судебной системе можно встретить в Законах вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.). В ст. 5 раздела, относящегося к правосудию, говорится об освобождении судьи от занимаемой должности и уплате штрафа «в 12-кратном (размере)» по отношению к цене иска [34, с. 56]. *Несоблюдение норм международного права* также неоправданно называют условием для коррупции. Во-первых, непонятно, какие нормы международного права должны быть нарушены, чтобы считать это условием для коррупции. Не все международные правовые акты ратифицируются государствами в силу имеющихся отличий и особенностей, также не все являются совершенными. Что касается актов антикоррупционной направленности, то в них, например, определение понятия «коррупция» сформулировано только в аспекте уголовного права [117],

что, по нашему мнению, представляется неверным. В действительности понятие коррупции значительно шире, охватывает корыстные и некорыстные деяния различной направленности: уголовно-правовые, административные, гражданско-правовые и дисциплинарные.

Во-вторых, нормы международного права в условиях жесткой конкурентной борьбы между государствами мирового сообщества выступают в качестве рекомендаций в регулировании межгосударственных отношений и, соответственно, не могут являться основой таких отношений. В-третьих, нормы международного права, которые содержатся в актах, принимаемых организациями, имеющими статус международных (ООН, ВТО, ЮНЕСКО и др.), открыто либо завуалировано отвечают интересам лидирующих западных держав. Кроме того, следует помнить, что США и некоторые европейские государства постоянно находятся в состоянии информационной войны с Россией и ее союзниками, в числе которых Республика Беларусь.

Неадекватные меры наказания за коррупционные сделки можно представить следующим образом. Чиновник, в течение длительного времени злоупотребляя служебным положением, похитил большие денежные суммы, которые были переведены в офшорную зону. Обращение в доход государства арестованного имущества не компенсировало причиненный вред. Отбыв наказание, бывший чиновник благополучно выезжает на постоянное место жительства в другую страну, где легализует наворованные на родине деньги, которых достаточно для безбедной жизни. Такая ситуация вполне возможна, когда законодательство о государственной службе не содержит должных ограничений для государственных служащих. На примере Российской Федерации можно видеть, что некоторые бывшие высокопоставленные чиновники после выхода в отставку проживают в элитном доме в Майами (США) на берегу Атлантического океана, а другие (действующие чиновники) имеют за рубежом недвижимость стоимостью в несколько миллионов евро [107, с. 4]. Оказавшись в подобных условиях, многие чиновники могут стать на путь воровства. По этой причине обозначенное условие для коррупции возможно, но не характерно для Беларуси.

В нашей стране действует Закон Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь», которым установлены ограничения, исключающие возможность государственным служащим

иметь за рубежом недвижимость и денежные средства на банковских счетах [118]. *Наличие норм, позволяющих субъективную трактовку нормативных правовых актов*, является условием коррупционных рисков. Избежать этого можно в результате проведения криминологической экспертизы нормативных правовых актов, которая в настоящее время осуществляется в Научно-практическом центре Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

В качестве *организационно-экономических условий* для коррупции выделены: отсутствие государственного контроля или его недостаток, громоздкий и неэффективный бюрократический аппарат, трудности управления большой территорией, относительно низкая оплата труда государственных служащих, ограничения в доступе к инфраструктурным сетям, установление жесткого торгового протекционизма.

Отсутствие государственного контроля или его недостаток – существенное условие для появления и развития коррупции. Это условие характерно для любой страны, вне зависимости от ее масштаба, статуса на мировой арене. Вместе с тем слабая система контроля над распределением государственных ресурсов присуща крупным государствам, имеющим большую территорию. Осуществить контроль над распределением национальных ресурсов в небольших государствах проще. В Республике Беларусь функция государственного контроля возложена на Комитет государственного контроля и подчиненные ему территориальные органы. В соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах» эти органы в пределах своей компетенции осуществляют контроль за эффективным и рациональным использованием организациями и индивидуальными предпринимателями бюджетных средств и государственной собственности и др. [119]. Отметим эффективность деятельности Комитета государственного контроля в Беларуси. Примером тому служит выявление и соответствующее реагирование государственных контролирующих органов на факты вывода физическими лицами капитала из нашей страны [120]. Такие действия со стороны государственных служащих невозможны.

Громоздкий и слабый бюрократический аппарат может являться причиной неэффективного управления и, как следствие, коррупции и

взяточничества. В Республике Беларусь количество государственных служащих меньше, чем в аналогичных по территории и населению государствах. Бюджету чиновники обходятся дешевле, чем в других странах. В Беларуси реализуется программа по оптимизации системы государственного аппарата, который предполагается сократить на четверть [121], что позволит снизить расходы на его содержание, повысить мобильность и эффективность всей системы. Решение названной проблемы не устранил коррупцию, но будет способствовать сокращению количества коррупционных проявлений, в том числе взяточничества.

Трудности управления большой территорией испытывают немногие государства, в числе которых Россия, США и Китай. Для Беларуси эта проблема не характерна.

Относительно низкая оплата труда государственных служащих может выступать условием коррупционных проявлений. Недостаточное материальное обеспечение названной категории людей как причина коррупции носит частный характер. В соответствии с результатами оценки опроса общественного мнения, проведенного исследовательским центром Института приватизации и менеджмента, невысокая заработная плата государственных служащих – наименее важная причина коррупции в Республике Беларусь. На первое место руководители малых и средних предприятий поставили корыстолюбие государственных служащих, на второе – терпимость общества к коррупции, на третье – высокую степень государственного регулирования экономики [122].

Корыстолюбие – свойство людей с низким нравственным уровнем, которое проявляется при недостаточном материальном обеспечении служащих. Данное качество человека в какой-то степени связано с уровнем оплаты его труда. Дело в том, что в деятельности государственных служащих много неоправданных рисков, страха и отрицательной мотивации, что препятствует самореализации способных работников и снижает их инициативность. Низкая заработная плата приводит к естественному отрицательному отбору: в чиновники идут не самые способные [123], наделенные невысокими моральными качествами. С течением времени чиновник, не удовлетворенный своим материальным положением, проявляет корыстолюбие, что реализуется посредством формирования

коррупционных отношений. В то же время высокая плата за труд не может быть гарантией недопущения взяточничества со стороны должностного лица. Так, Ю. А. Нисневич, недоумевая, заметил: «Чем больше вы им (чиновникам. – А. Х.) платите, тем больше почему-то они воруют» [116].

Ограничения в доступе к инфраструктурным сетям – нетипичное для Беларуси условие, влекущее возникновение коррупции. Объекты строительства подключаются к электрическим сетям и инфраструктуре городов на общих основаниях. Важным обстоятельством, препятствующим коррупционным злоупотреблениям в этой сфере, является установление фиксированной платы за пользование сетями инфраструктуры. В таком случае строительные организации могут планировать свои расходы на присоединение к сетям, а энергетики и коммунальщики не вправе требовать заключения дополнительных соглашений на выгодных для них условиях. Установление жесткого торгового протекционизма (тарифные и нетарифные барьеры) первоначально подразумевало защиту внутреннего рынка от иностранной конкуренции посредством установления различных ограничений. Они же могут повлечь возникновение коррупции, которая выходит на международный уровень.

К *информационным условиям для коррупции* относятся: непрозрачность государственного механизма, информационная асимметрия, реальное отсутствие свободы слова и печати, наличие оффшорных зон, отсутствие исследований проблемы коррупции.

Прозрачность государственного механизма предполагает возможность доступа представительских институтов к информации о деятельности органов государственного управления. *Непрозрачность государственного механизма* следует рассматривать как условие формирования коррупционных тенденций в этой области. Данная проблема в большей степени характерна для России, где многие служащие являются открытыми или скрытыми противниками прозрачной модели государственной службы [124, с. 14; 125]. Нельзя считать, что указанная проблема не актуальна для Беларуси. Однако действующая система законодательства нашей страны позволяет нейтрализовать ряд негативных проявлений в государственном аппарате управления, связанных с его непрозрачностью: исключается коммерческая деятельность государственных служащих; ограничена

возможность предоставления ими платных услуг при распределении экономических льгот и финансовых кредитов, а также их участия в акционировании предприятий и др.

Рыночный механизм порождает неполную и *асимметричную информацию*. Возникают проблемы с применением ценового механизма регулирования доступа к благам и ресурсам. Коррупция выступает как форма замещения рыночного ценового механизма регулирования системой, основанной на создании привилегий для отдельных экономических субъектов, предоставлении им экономических льгот [126, с. 268]. Информационная асимметрия оказывает отрицательное влияние на рынок труда [127, с. 283], что влечет дисбаланс в экономическом развитии государства. В свою очередь дефекты в экономике, как было отмечено, являются условием для возникновения коррупционных отношений.

Под свободой слова имеется в виду право каждого человека публично выражать свои мысли, идеи и суждения, распространять их любыми законными способами, а также право на получение информации. Соответственно понимается свобода печати и СМИ. Вопрос о свободе слова и печати носит политический характер и представляется сложным для любого государства. Во многих государствах, которые считают себя правовыми, отмечается *несоблюдение свободы слова и печати*. Не отвлекаясь на рассуждения о значении, об особенностях реализации права на свободу слова и печати в отдельных государствах, отметим такую негативную тенденцию мирового сообщества, как активизация информационных войн.

Информационная война представляет собой организованное на государственном уровне вмешательство в информационное пространство другого государства [128]. В связи с этим концепция свободного распространения информации работает также и в интересах деструктивных организаций (экстремистских, террористических). По этой причине к вопросу о свободе слова и печати необходимо относиться с позиции безопасности государства и общества. Свобода слова и печати допустимы при условии, что распространяемая информация позитивна, направлена на единение народа и укрепление государственности. В противном случае необходим контроль, вплоть до цензуры, особенно если это касается глобальной сети Интернет, посредством которой распространяется негативная информация.

Наличие офшорных зон нельзя рассматривать как условие для коррупции. Скорее всего, коррупция способствует появлению и развитию офшорных зон. Они привлекательны для бизнеса, поскольку характеризуются низкими ставками налога, упрощенным порядком регистрации компаний и конфиденциальностью финансовых операций. В то же время офшорные зоны позволяют легализовать доходы, полученные от преступной деятельности, в том числе коррупционной направленности.

Социальными условиями для коррупции выступают: существование клановых структур; традиция nepотизма, эксплуатация дружеских связей; традиция дарения, подношения подарков-взятки.

Наличие клановых структур – распространенное историческое явление, основанное на противопоставлении «свой – чужой». В обществе оно рассматривается как пережиток прошлого, но при этом существует до сих пор.

В широком смысле клановые структуры предполагают протекционизм в управлении. С ключевых постов вытесняются лица, являющиеся для лидера чужаками. К управлению привлекаются близкие и дальние родственники, земляки, друзья и преданные люди. В Беларуси существуют законодательные ограничения для распространения такого явления. Статья 33 Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» предусматривает основание для отказа в приеме на государственную службу в случае «близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, родные братья, сестры, а также родители, дети, родные братья и сестры супругов) с государственным служащим, если их служебная деятельность будет связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них» [118].

Иначе обстоят дела во многих государствах, в том числе странах СНГ. В бывших республиках Средней Азии и Казахстане сохраняется влияние местных клановых и родоплеменных групп [23], то же характерно и для многонациональных республик Российской Федерации. Например, в Калмыкии подавляющее большинство городского и сельского населения идентифицируют себя с определенной племенной группой. Борьбу за власть ведут три главные племенные группировки: торгутская, дербентская и бузавская. Подобные процессы происходят и в других многонациональных

субъектах России [23].

Традиция nepoтизма и эксплуатация дружеских связей могут выступать и проявлением коррупционных отношений, и условием для развития коррупции. Дело в том, что первопричина nepoтизма – коррупционное поведение высокопоставленного государственного чиновника, который использует служебные возможности (полномочия) и дружеские связи для предоставления близким родственникам должностей в государственном аппарате или крупных бизнес-структурах. Nepoтизм признается разновидностью коррупции и в современном мире фиксируется в большинстве государств, где высшие чиновники не могут напрямую передать свою власть детям или иным родственникам. Вместе с тем имеются исключения, касающиеся некоторых восточных государств бывшего СССР. Например, в Конституции Азербайджана нет возрастного ценза для кандидата в президенты, а это значит, что на пост может претендовать сын действующего главы государства [129, с. 4].

Традиция дарения, подношения подарков рассматривается как элемент культуры и норма деловых отношений. В высококонтекстных культурах (культуры японцев, арабов, испанцев, турков и др.) значительная часть коммуникации протекает на невербальном уровне, а успех в переговорах зависит в большей степени от дружеских отношений и доверия сторон друг к другу, чем от положений, содержащихся в контракте. Условием надежных деловых отношений является дарение подарков. В деловых отношениях низкоконтекстных культур (культуры США, Германии, Швейцарии) отсутствует элемент неформальности. Бизнес формализован и развивается на основе законов и договорных условий. В Беларуси также отсутствуют неформальные отношения, предшествующие деловым сделкам. Частные случаи не свидетельствуют о системности данного явления, их следует воспринимать как условие для совершения взяточничества.

К *культурно-историческим условиям для коррупции* относятся сложившаяся система норм бюрократического поведения, массовая культура, формирующая снисходительное отношение к коррупции, особенности исторического развития, придание малого значения понятиям честности и чести. Важным условием возникновения коррупционных отношений является *система правил*, сложившихся в определенной социальной общности. Чиновник с невысокими моральными устоями,

чья деятельность ограничена хорошо продуманными жесткими рамками, будет вести себя достойно. В свою очередь, человек приличный (но слабый) при попадании в соответствующую среду быстро научится действовать по ее негласным правилам [4, с. 4].

Формирование системы определенных правил происходит под воздействием различных социальных условий. В их числе можно выделить процесс воспитания, сложившуюся в обществе систему культурных норм, принадлежность субъекта к социальной группе и др.

Появление *массовой культуры* связано с развитием средств массовой коммуникации. Средствами массовой коммуникации являются СМИ (газеты, радио, телевидение и др.), средства массового воздействия (реклама, кино, массовая литература и др.) и технические средства коммуникации (интернет, телефон). Перечисленные средства массовой коммуникации в той или иной степени оказывают влияние на общество. Особенно это проявилось в начале XXI в., когда, с одной стороны, широкие массы населения приобщены к достижениям культуры, а с другой – средства коммуникации задействованы в механизме манипуляции общественным сознанием. Неуправляемый процесс развития массовой культуры может повлечь негативные последствия, в том числе и формирование снисходительного отношения к коррупции.

Рассмотрев причины и условия коррупции, можно сделать вывод, что их подавляющее большинство прямо или косвенно относится к нормативному правовому регулированию. Следовательно, многие условия для совершения взяточничества имеют объективный характер. Их можно локализовать посредством принятия НПА, исключающих коррупционные риски. При этом очень важна последовательность в реализации таких документов.

По нашему мнению, определенную роль в выявлении и устранении условий для коррупции и взяточничества может сыграть криминалистика. Одна из функций этой науки – прогнозирование развития преступной деятельности.

В целях выявления условий для коррупции криминалистическое прогнозирование должно осуществляться в процессе проведения экспертизы нормативных правовых актов. Методами, которые целесообразно использовать в ходе проведения такой экспертизы, выступают криминалистический анализ и матрицирование. Главное

содержание криминалистического анализа – разработка и осуществление познавательных процедур, направленных на наиболее полное изучение общественных отношений, складывающихся между субъектами (государственными и негосударственными организациями) в исследуемой сфере деятельности (например, в экономике), порядка формирования и обеспечения материально-технической основы взаимоотношений между ними. В первую очередь анализу должна быть подвергнута деятельность, приносящая доходы.

Метод криминалистического матрицирования используется в целях своевременного выявления противоправного поведения заинтересованных лиц, а также признаков коррупционных правонарушений (преступлений). В процессе применения данного метода обращаются к ранее разработанным матрицам по различным направлениям деятельности должностного лица, подозреваемого в коррупции. В основе разработки таких матриц – система нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в исследуемой сфере. Сопоставление матрицы с действительным состоянием дел в организации обеспечит обнаружение дефектов, изучение которых позволит выявить признаки коррупционного преступления и принять адекватные меры. В ходе экспертизы может быть создана модель криминальной деятельности, связанной с совершением взяточничества, на основе которой определяются отражательные возможности элементов его материальной структуры, прогнозируются последствия деяния и разрабатываются меры, направленные на его предотвращение. Только на такой основе возможна подготовка рациональных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению коррупционных рисков.

ГЛАВА 2

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ЕГО ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Криминалистическая характеристика взяточничества: понятие, структура и значение для формирования частной

методики расследования

Методика раскрытия и расследования преступлений – одно из главных средств в арсенале следователя, борющегося с преступлениями. Отсутствие методики, а также ее недостаточная разработанность составляет проблему на этапе раскрытия и расследования преступлений. По сложившейся традиции формирование современных частных методик раскрытия и расследования преступных деяний основывается на их информационных моделях, в качестве которых рассматривается криминалистическая характеристика преступлений.

Понятие «криминалистическая характеристика преступлений» ученые-криминалисты начали активно использовать с середины 1970-х гг. С тех пор оно прочно укоренилось не только в системе криминалистической науки, но и в практической деятельности следователя.

В научный оборот термин «криминалистическая характеристика преступлений» введен Л. А. Сергеевым и А. Н. Колесниченко. Первое развернутое представление данного понятия было предложено Л. А. Сергеевым в 1966 г. В автореферате кандидатской диссертации он рассмотрел содержание КХП. В числе элементов характеристики были названы:

- 1) способы совершения преступления;
- 2) условия, в которых совершаются преступления, и особенности обстановки;
- 3) обстоятельства, связанные с непосредственными объектами преступных посягательств, субъектами и субъективной стороной преступления;
- 4) связи преступлений конкретного вида с другими преступлениями и отдельными действиями, не являющимися уголовно наказуемыми, но имеющими сходство с данными преступлениями по некоторым объективным признакам;
- 5) взаимосвязи между указанными группами обстоятельств [130, с. 45].

По мнению А. Н. Колесниченко, «общая криминалистическая характеристика данного вида преступлений» относится к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик [131, с. 10]. Идея А. Н. Колесниченко и Л. А. Сергеева была

подхвачена многими учеными-криминалистами, которые стремились внести свой вклад в развитие учения о КХП.

Со времени первого упоминания понятия по настоящее время написано большое количество научных статей, учебно-методических и монографических работ, в которых рассматривается КХП. Одни ученые считают, что криминалистическая характеристика преступления – это «научно разработанная система сведений» [132, с. 372], другие представляют ее как «систему данных» [133, с. 5], третьи видят в ней «совокупность признаков, комплекс данных» [134, с. 24].

Авторы учебной литературы не только по-своему формулируют определение понятия «криминалистическая характеристика преступлений», но и имеют собственное представление о количестве и наименовании элементов, ее наполняющих. Например, в учебнике криминалистики под редакцией И. Ф. Пантелеева и Н. А. Селиванова КХП представлена как «совокупность таких данных, которые способствуют раскрытию преступления и имеют криминалистическое значение» [135, с. 454]. В учебнике под редакцией Р. С. Белкина отсутствует развернутое определение понятия «криминалистическая характеристика преступлений», но она рассматривается в качестве вероятностной модели события [136, с. 688]. В курсе лекций по криминалистике О. Я. Баев трактует КХП как систему «элементов отдельного вида преступлений, значимых для расследования конкретных преступлений этого вида, и взаимосвязей между этими элементами» [137, с. 230].

В упомянутых учебных изданиях в части, посвященной методике расследования взяточничества, отсутствует дефиниция понятия «криминалистическая характеристика взяточничества». В равной степени это относится и к методикам расследования иных преступлений. По всей видимости, авторы методик расследования, содержащихся в учебной литературе, руководствуются общим определением понятия «криминалистическая характеристика преступлений» как научной категории. Такой подход позволяет в общем определении понятия «криминалистическая характеристика преступлений» заменить термин «преступление» словом, обозначающим конкретный вид преступного деяния. Иначе потребовалось бы в каждом конкретном случае рассмотрения преступлений определенного вида формулировать оригинальное определение их криминалистической

характеристики, что, по нашему мнению, не является правильным и не имеет практической значимости.

Наличие формулировок понятий криминалистических характеристик определенного вида преступлений оправдано в монографических и диссертационных исследованиях. Например, криминалистическую характеристику взяточничества «предлагается рассматривать как иерархическую, по степени криминалистической значимости, систему элементов, определяемых способом и механизмом его совершения, характером субъектов указанной деятельности, сферой и особенностями основной хозяйственной и административной деятельности, в которой задействованы вовлеченные лица» [138].

Оригинальность предложенной Н. Н. Лашко дефиниции понятия «криминалистическая характеристика взяточничества» состоит в указании на иерархичность системы элементов, образующих эту характеристику. В качестве элементов криминалистической характеристики взяточничества исследователь называет способы и механизм совершения взяточничества, виды предметов взятки (в том числе источники их появления), основные особенности субъектов, виды действий, совершаемых за взятку, способы сокрытия средств, переданных и полученных в виде взятки [138].

Высказав мнение об иерархичности системы элементов, образующих криминалистическую характеристику взяточничества, Н. Н. Лашко не упоминает субъекта преступления в качестве главного ее элемента. Анализ способов и механизма совершения взяточничества предшествует рассмотрению основных особенностей субъектов и видов их действий, совершаемых за взятку.

Субъект взяточничества (в равной степени взяткополучатель, взяткодатель или посредник во взяточничестве) – основное звено преступной системы. В иерархии элементов криминалистической характеристики субъект взяточничества занимает центральное положение. Он же определяет выбор способа совершения преступного деяния и необходимые для этого средства.

Ученые относят взяточничество к группе должностных преступлений [139], что является верным по отношению к его подсистеме – получению взятки (ст. 430 УК). Справедливо данное утверждение и в случаях, если в даче взятки или в посредничестве во взяточничестве участвуют должностные лица, что происходит не всегда.

По этой причине в законодательстве Республики Беларусь указанная группа противоправных деяний именуется преступлениями против интересов службы (гл. 35 УК). Вне зависимости от того, как называется группа преступлений, к которой относится взяточничество, их основным отличительным признаком выступает совершение преступного деяния должностным лицом.

Наличие общего признака позволило А. Л. Сергееву разработать методику расследования должностных преступлений в сфере деятельности органов местного самоуправления [140]. Ориентируясь на субъектный состав должностных преступлений, в том числе взяточничества, исследователь разработал их криминалистическую характеристику. По его мнению, криминалистическая характеристика должностных преступлений – это «система данных о взаимосвязанных между собой элементах в виде личности виновных, противоправных действий должностных лиц органов местного самоуправления, которые осуществляются посредством конкретных способов, следов реализации преступных намерений, используемых системно для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения данных противоправных деяний» [140, с. 31]. В качестве элементов криминалистической характеристики должностных преступлений, совершаемых в сфере деятельности органов местного самоуправления, названы: 1) понятие должностного лица как основа криминалистической характеристики; 2) цель, умысел и мотивы совершения должностного деяния; 3) законодательные и иные правовые нормы, определяющие полномочия и функции должностных лиц; 4) обстановка преступления, т. е. то место, где создаются условия для преступных действий должностных лиц; 5) особенности обстановки, влияющие на механизм и способы их совершения; 6) имущественный, физический и моральный вред [140, с. 31–69].

Следовательно, А. Л. Сергеев рассмотрел общегрупповую криминалистическую характеристику должностных преступлений, совершаемых в сфере деятельности органов местного самоуправления.

В. Ф. Ермолович в монографии также высказался о возможности разработки общегрупповой КХП. По его мнению, криминалистическая характеристика преступлений «представляет собой совокупность (комплекс) криминалистически значимых сведений о группе (виде) преступлений» [141, с. 264].

Представленных определений понятий «криминалистическая характеристика преступлений» и «криминалистическая характеристика взяточничества» достаточно, чтобы отметить разнообразие авторских подходов к их конструированию. Рассмотрим некоторые особенности приведенных дефиниций.

1. Разный смысл, вкладываемый в сущность КХП. В одном случае КХП – это «значимые признаки», в другом – «данные», «сведения», в третьем – «элементы».

2. Понимание большинством авторов КХП как системного образования. Аналогично и криминалистическая характеристика взяточничества представлена как «система элементов». Имеется также мнение, что КХП – это «совокупность данных». Рассматривая КХП как систему, следует иметь в виду, что ее элементы должны образовывать некую целостность и находиться в отношениях и связях друг с другом. В действительности множество элементов, образующих КХП, не имеет четкой количественной определенности, а связи между ними не всегда усматриваются. Данный факт подтверждает мнение В. Ф. Ермоловича: КХП – это «совокупность (комплекс) криминалистически значимых сведений» [141, с. 264]. Усмотреть связь между элементами криминалистической характеристики взяточничества практически невозможно, что объясняется общим характером содержащихся в ней сведений.

1. Разное понимание сферы реализации данных (сведений) криминалистической характеристики. Речь идет как о «раскрытии преступлений» [135, с. 454], так и о «расследовании преступлений» [142, с. 407]. Однако расследование преступлений не всегда связано с их раскрытием, так как в практике встречаются преступления, которые только расследуются при условии наличия исходной информации о лице, совершившем преступление. В то же время в ходе расследования осуществляется, как отметил Р. С. Белкин, процессуальная деятельность, направленная на выяснение всех обстоятельств совершения преступления, виновных в нем лиц, а в конечном счете – на раскрытие преступления [143, с. 65]. Указанный подход позволяет понимать раскрытие преступления в широком смысле как деятельность, направленную на установление всех обстоятельств предмета доказывания и завершение предварительного расследования. В узком смысле раскрытие преступления – это

получение разноплановой информации (ориентирующей, доказательственной) в объеме, позволяющем выдвинуть версию о совершении преступления определенным лицом, в ситуации, когда все контрверсии проверены и опровергнуты [144, с. 25].

Учитывая специфику взяточничества, можно говорить об использовании сведений его криминалистической характеристики на этапе выявления преступления, т. е. в период до возбуждения уголовного дела. Речь идет о ситуациях, когда органы, осуществляющие ОРД, производят задержание взяточника с поличным. Предоставленные следователю материалы ОРД служат основанием для возбуждения уголовного дела. На это указал А. Л. Сергеев, рассматривая КХП должностных преступлений. По его мнению, данные КХП подлежат использованию «системно для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения данных противоправных деяний» [140, с. 31].

2. Несогласованность позиции ученых при указании на необходимость наличия в содержании КХП только криминалистически значимых элементов. Мы согласны с мнением С. Н. Чурилова, который заметил, что криминалистическую науку интересуют объекты, участвующие в акте отражения преступления, а также результаты этого отражения, т. е. то, что «составляет информационную основу для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений определенного вида» [145, с. 46]. Элементы криминалистической характеристики не должны дублировать уголовно-правовую, криминологическую и иные характеристики преступления. Видовая КХП «содержательней и ценней для следственной деятельности, если в ней больше и детальней представлены элементы, имеющие криминалистическое значение» [135, с. 458].

Однако нередко среди элементов криминалистической характеристики упоминаются сведения, не имеющие отношения к криминалистике. Например, в учебнике под редакцией И. Ф. Пантелеева и Н. А. Селиванова содержится информация о наиболее распространенных мотивах и целях совершения преступлений. Здесь же подчеркивается, что они не выступают элементами уголовно-правовой и криминологической характеристик. В то же время, признавая мотив и цель элементами уголовно-правовой характеристики преступлений, авторы учебника считают, что для большинства умышленных

преступлений мотив и цель не являются необходимыми признаками субъективной стороны преступного деяния. Следовательно, в таком случае мотив и цель должны быть отнесены к КХП.

Авторы рассматриваемого учебника не акцентируют внимание на том, что мотив и цель – необязательные элементы уголовно-правовой характеристики отдельных *составов* преступлений. Во всех преступлениях, совершаемых по неосторожности, такие элементы также отсутствуют. Для любого умышленного преступления характеры мотив и цель, тесно связанные между собой. Это значит, что их следует рассматривать как элементы уголовно-правовой характеристики. Обосновывая свою позицию, авторы анализируемого издания приводят неудачный пример о совершении поджогов в целях сокрытия хищений материальных ценностей в организации. Однако здесь надо говорить не о мотиве или цели совершения преступления, а о его способе. Поджог в данном случае не имеет самостоятельного мотива и цели, он является способом сокрытия первичного преступления (хищение), т. е. поджог выступает элементом в системе способа совершения хищения.

Современные исследователи также не избежали указанных ошибок. В качестве элементов криминалистической характеристики взяточничества (иных должностных преступлений) они по-прежнему называют «цель, умысел и мотивы» [140, с. 37] совершения деяния. Трактовка целей и мотивов деяния, особенно в сочетании с рассмотрением умысла виновного, не содержит ничего нового, а только то, что имеет отношение к уголовному праву. Тем не менее, это не послужило препятствием для диссертационного исследования мотивационно-смысловой сферы личности преступника в аспекте ее криминалистической характеристики [146].

3. Рассмотрение КХП в качестве информационной [147, с. 63] или вероятностной модели [136, с. 688]. При этом КХП, как считают авторы учебника под редакцией Р. С. Белкина, играет роль своеобразной матрицы: «накладывается» на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель. В этом состоит ее практическая значимость [136, с. 688]. Как использовать такую матрицу в практической деятельности, авторы издания не говорят. По нашему мнению, рассматривать криминалистическую характеристику взяточничества в качестве матрицы не представляется возможным по следующим причинам. Первая причина объективна. Она обусловлена

тем, что «вследствие своеобразия процесса отражения и действия принципа индивидуальности отмеченная система не может быть неизменной и жесткой» [148, с. 21]. Утверждение представляется верным как в отношении частной методики расследования, так и ее составной части – КХП. Разработав ту или иную методику расследования, ученые не всегда утруждают себя внесением в нее коррективы в связи с изменившимися условиями совершения преступлений определенного вида. Это же касается и частной методики расследования взяточничества. Внесение изменений требуется в первую очередь в части криминалистической характеристики взяточничества, которая наиболее динамична.

Вторая причина имеет субъективный характер: криминалистические характеристики одного и того же вида преступлений представляются учеными по-разному. Не является исключением и криминалистическая характеристика взяточничества.

Например, в учебнике под редакцией Р. С. Белкина рассматривается родовая криминалистическая характеристика должностных преступлений, в рамках которых подлежит описанию взяточничество. В ней выделены следующие общие элементы: субъекты преступлений, предмет преступления, объективная сторона действий должностного лица, мотивы преступления. Авторы книги осуществили привязку элементов криминалистической характеристики к элементам состава преступления. Отмечено, что, «определив объекты и объективную сторону рассмотренных выше преступлений (должностных. – А. Х.), мы тем самым определили не только основные элементы предмета доказывания, но и элементы криминалистической характеристики этих преступлений» [136, с. 853].

В курсе криминалистики под редакцией О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова криминалистическая характеристика взяточничества представлена следующими элементами: субъекты взяточничества, физическая деятельность субъектов взяточничества, способ совершения взяточничества, место и время совершения взяточничества, предмет взятки, психическая деятельность субъектов взяточничества, обстановка совершения взяточничества [149, с. 484–510].

В учебнике под редакцией В. Д. Грабовского и А. Ф. Лубина в разделе, посвященном расследованию взяточничества и коррупции,

криминалистическая характеристика содержит сведения о субъектах взяточничества и коррупции, современных тенденциях и особенностях передачи предмета взятки [150, с. 134–140].

На основе рассмотрения различных мнений о криминалистической характеристике взяточничества закономерен вопрос: какую из перечисленных криминалистических характеристик следует использовать в качестве матрицы при расследовании взяточничества? По всей видимости, ответ зависит от мнения и авторитетности ученых, разработавших КХП определенного вида преступлений.

Третья причина относится к свойствам матрицы. В качестве матрицы нельзя использовать то, что «носит не достоверный, а вероятностный характер» [136, с. 688]. Утверждение, касающееся КХП, следует признать верным. Получается, что криминалистическая характеристика взяточничества в силу ее неопределенности не может быть матрицей. Если все же представить, что КХП является матрицей, то она фактически преобразуется в криминалистический метод матрицирования, что вызовет возражения и научный спор.

Впервые такой метод расследования, как матрицирование, предложен А. В. Дуловым. Применительно к расследованию должностных преступлений под матрицей он понимал «установленную в ходе следствия совокупность фактов, характеристик, закономерностей, общих требований, регулирующих деятельность учреждения, должностного лица, требований к изделию, к производственному или иному процессу. Матрица сопоставляется с изучаемым объектом, дает возможность выявить отклоняющиеся или отсутствующие элементы либо элементы, не предусмотренные типовой схемой (матрицей)» [151, с. 168]. Матрица также трактуется как «отражение (схема) должной структуры и порядка какого-либо процесса или объекта» [152, с. 166].

Исследователи различают два вида криминалистических матриц: материальные и идеальные. Примером материальных матриц Д. Ю. Симинягин называет слепки со следов ног на сыпучей поверхности. В качестве идеальных матриц он рассматривает «нематериальные объективно существующие информационные комплексы, описывающие различные явления» [153, с. 197].

Мнение Д. Ю. Симинягина позволяет любое описание считать матрицей, что не верно, так как не всякое описание в идеале отражает

предмет или явление. Указанный подход позволил П. П. Ивахову и Д. В. Лапикову в качестве матриц назвать уголовно-правовой и уголовно-процессуальный законы, криминалистические знания, описание криминалистической структуры преступления и ее отдельных элементов, описание среды, в которой паразитирует преступление, и отражения в ней его структуры [154, с. 239–245].

Вопрос об отнесении уголовно-правового и уголовно-процессуального законов к разновидностям матрицы неоднозначный. С уверенностью можно отметить, что эти законы определяют сферу и границы деятельности уполномоченных лиц. Вместе с тем имеется мнение, что указанные акты составляют нормативную матрицу в различных сферах деятельности. Например, применительно к судебной экспертной деятельности, как считают А. В. Дулов и А. Е. Гучок, метод криминалистического матрицирования позволяет «создать нормативную матрицу, т. е. модель процессуального и материального закона» [155, с. 219]. По мнению названных авторов, понятия «матрица» и «модель» аналогичны. Мы же думаем, что приведенные понятия имеют существенное различие, однако объединены общим фактом: являются результатом действий человека. Созданная модель позволяет познать неизвестный (либо известный) предмет в его отсутствие в момент исследования, а матрица представляет собой идеальную форму, с которой сравнивается исследуемый предмет (явление). Проведенное выше различие между понятиями «модель» и «матрица» не подтверждает мнение о матричной предназначенности упомянутых законов.

Не является матрицей и система криминалистических знаний, которая имеет не императивный, а рекомендательный характер. Это же касается и КХП как совокупности не только криминалистических, но и иных знаний, заимствованных из других научных областей (уголовное право, криминология и др.).

Анализируя криминалистическую характеристику взяточничества, нельзя не обратить внимания на ее структуру и содержание. В связи с этим отметим существенное различие во взглядах ученых-криминалистов на структурный состав общей КХП. Так, О. Я. Баев в криминалистической характеристике выделил восемь элементов (данные о механизме образования следов, способах совершения преступлений, личности преступников, мотиве, месте и времени

совершения преступлений, виктимологических особенностях потерпевших), но оставил открытым список возможных элементов структуры [137, с. 230]. В. А. Гамза упоминает 17 элементов [156, с. 7], а С. Н. Коновалов – 19 [157, с. 101]. По-разному рассматривая элементы КХП, ученые сходятся в отношении отдельных их видов. В качестве общих элементов характеристики исследователи называют: способ совершения преступления, предмет преступного посягательства, обстановку совершения преступления, механизм следообразования, сведения о личности преступника и потерпевшего. Однако перечислением только этих элементов криминалистической характеристики не ограничивается авторский подход в их выделении и рассмотрении. К КХП также относят элементы, не имеющие криминалистического значения: например, способ дачи заведомо ложных показаний [158], материальный ущерб [159]. Знание способов дачи заведомо ложных показаний способствует определению тактики производства допроса, что должно рассматриваться в прикладной части методики расследования. Установление размера причиненного деянием материального ущерба является задачей следователя. Знание о материальном ущербе позволяет правильно квалифицировать совершенное деяние.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что не существует единого подхода к определению структурных элементов КХП и их количества. Отсутствует общий взгляд и на структуру криминалистической характеристики взяточничества. Ранее мы уже обращали внимание на ее конструктивные особенности, рассматриваемые в учебной литературе [136, с. 853; 149, с. 484–510; 150, с. 134–140]. Свою специфику имеет криминалистическая характеристика взяточничества в частной методике расследования данного вида преступлений, адресуемой практическим работникам. Например, в пособии для следователей и оперативных работников правоохранительных органов криминалистическая характеристика взяточничества содержит сведения о следующих элементах: субъекте взяточничества, взаимоотношениях, сложившихся между участниками взяточничества, о мотиве и цели взяточничества, способах совершения взяточничества и предмете взятки [160, с. 47–58]. Перечисленные элементы традиционны при криминалистическом описании взяточничества. Исключение составляет рассмотрение

взаимоотношений, сложившихся между участниками взяточничества. Авторы указанного пособия считают, что «во взаимоотношениях между взятополучателем и посредником особого внимания заслуживает вопрос о времени их знакомства, что может свидетельствовать о начале преступной деятельности. Установление обстоятельств, характеризующих знакомство взятополучателя и посредника, может привести к раскрытию другого преступления» [160, с. 52].

Считаем, что изучение взаимоотношений между субъектами взяточничества – важное направление следственной деятельности, ориентированной на познание взаимосвязей между такими субъектами. Однако выделять взаимоотношения участников взяточничества как самостоятельный характеризуемый элемент нецелесообразно. Сведения о взаимосвязях при совершении взяточничества соотносимы с таким элементом криминалистической характеристики, как личность преступника. В пределах ее описания следует анализировать возможные взаимосвязи с иными элементами преступной структуры, в том числе и с иными участниками взяточничества.

В частной методике расследования взяточничества отсутствует информация о том, как должны быть использованы те или иные сведения об элементах криминалистической характеристики в практической деятельности, не указывается значение криминалистической характеристики взяточничества для его расследования. Такая ситуация приводит к независимому положению криминалистической характеристики в рамках соответствующей методики расследования и, как следствие, к ее исключению из системы методических рекомендаций по расследованию. На указанный факт можно обратить внимание, ознакомившись с некоторыми практическими разработками, адресуемыми следователям. Например, в методических рекомендациях по расследованию преступлений, связанных с получением взятки (Проанализированы методические рекомендации по расследованию преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 430 УК (получение взятки). Они подготовлены в 2014 г. для методического обеспечения предварительного расследования), отсутствует раздел, рассматривающий КХП. Эти методические рекомендации содержат четыре части. В первой анализируется уголовно-правовая

характеристика и проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 430 УК. Осуществлен правовой анализ основных элементов состава преступления: объекта и объективной стороны преступления, субъекта и субъективной стороны преступления; разграничены взяточничество и провокация, а также инсценировки взятки.

Во второй и третьей частях методических рекомендаций приведены обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании взяточничества, особенности возбуждения уголовного дела, типичные следственные ситуации и алгоритм действий следователя при производстве предварительного расследования. Четвертая часть содержит методические рекомендации по производству отдельных процессуальных и следственных действий.

Проанализировав методические рекомендации, можно сделать вывод, что отсутствие в них криминалистической характеристики взяточничества — следствие признания ее малозначительности. Например, вызывает сомнение практическая значимость для расследования содержащейся в КХП информации о статусном положении взяточполучателей: должностные лица, не являющиеся руководителями (налоговые инспекторы, инспекторы госстраха, преподаватели средних и высших учебных заведений и т. д.); руководители структурных подразделений организаций, предприятий и учреждений; руководители организаций, предприятий и учреждений; заместители руководителей организаций, предприятий и учреждений; государственные служащие и т. д. [160, с. 50]. По нашему мнению, разработка методических рекомендаций для практических работников должна осуществляться с привлечением ученых. Такой подход к решению вопроса обеспечит взаимовыгодное обогащение знаниями.

В тоже время исследователи указывают на значимость КХП, которая позволяет на первоначальном этапе расследования преступления «выдвинуть и верно формулировать версии» [137, с. 230] в отношении неизвестных обстоятельств при отсутствии или минимальном количестве исходной информации. Указанный подход возможен при наличии связей между отдельными элементами КХП.

Другие ученые указывают на возможность выдвижения обоснованных версий при наличии устойчивых корреляционных связей между отдельными элементами КХП [161, с. 222]. При этом

обращается внимание на закономерный характер связей между ее элементами.

Корреляция – особый вид связей. В словаре С. И. Ожегова термин «корреляция» понимается как «взаимная связь, соотношение» [8, с. 241]. В специальной литературе корреляционной называется связь, где воздействие отдельных факторов проявляется как тенденция (в среднем) при массовом наблюдении фактических данных. В корреляционной связи отсутствует полное соответствие между факторными и результативными признаками в отличие от функциональной связи, где такое соответствие наблюдается. Примером корреляционной связи может быть зависимость между размерами активов банка и суммой его прибыли [162, с. 65].

Установить корреляционные связи между элементами КХП затруднительно. Единственным ученым, который исследовал корреляционные связи и объявил об их установлении между элементами криминалистической характеристики убийств, является Л. Г. Видонов. В последующем репрезентативность его исследования была раскритикована А. М. Лариным [163, с. 145].

Р. С. Белкин по этому поводу заметил, что никто не последовал примеру Л. Г. Видонова и не исследовал корреляционные зависимости между элементами КХП. Проще описывать элементы характеристики, нежели заниматься трудоемким процессом выявления корреляционных связей между ними [161, с. 221].

О. Я. Баев не упоминает корреляционные зависимости между элементами криминалистической характеристики отдельного вида преступлений, но указывает на наличие взаимосвязи между ними. Он выделяет два типа взаимосвязей: однозначные и статистические.

Установление взаимосвязей первого типа не вызывает затруднений, так как они очевидны и не вызывают сомнений. В качестве примера О. Я. Баев в работе указал на следующее: если совершенное убийство было сопряжено с изнасилованием, то однозначно, что преступником (или одним из исполнителей) был мужчина. Такая информация обеспечивает принятие решения о направлении поиска преступника на первоначальном этапе расследования. Вместе с тем исследователь считает, что большинство взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики относятся к статистическим. Выявить их можно в результате научных исследований, проведенных на

основании специально разработанной анкеты в отношении определенного минимально допустимого количества расследованных уголовных дел [137, с. 231].

А. А. Бессонов отрицает необходимость выделять связи в качестве самостоятельного элемента КХП: если она является системой, то наличие связей составляющих ее элементов и так очевидно [164, с. 55]. Мнение А. А. Бессонова верно частично. При системном образовании связи между его составляющими безусловны. Однако является ли криминалистическая характеристика системой сведений о преступлениях? Не все ученые отвечают на этот вопрос положительно.

Д. Д. Каплун, рассматривая значимость КХП как основы для построения информационных моделей события преступления и возможных преступников, отводит для нее роль элемента криминалистического прогнозирования [165, с. 92]. В целом мы соглашались с данным суждением, но заметим, что КХП как типовая информационная модель преступления служит основой для построения вероятностной модели события преступления, а также может быть использована для краткосрочного прогноза практического характера (например, для прогноза поведения взяточника при производстве допроса, возможного противодействия с его стороны и т. д.).

С. Г. Павликов отметил: практическое значение КХП заключается в том, что ее изучение позволяет правильно «диагностировать следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном и последующем этапах расследования» [166, с. 46]. По нашему мнению, типичные следственные ситуации в состав криминалистической характеристики взяточничества включать не стоит по следующим причинам. Во-первых, следственная ситуация – самостоятельная криминалистическая категория. Во-вторых, она в большей степени относится к организации расследования и в меньшей – к механизму преступления.

Кроме практического значения ученые отводят КХП роль критерия оценки деятельности следователя. Как считает В. Н. Исаенко, «умение использовать в расследовании данные, составляющие КХП отдельных видов, стало рассматриваться в качестве одного из факторов, определяющих уровень служебной подготовки следователей» [167, с. 41]. С приведенным мнением трудно согласиться, так как умение пользоваться КХП не может выступать главным фактором оценки

качества работы следователя, ведь затруднительно проявить умение работать с таким несовершеннолетним «средством», как КХП.

При рассмотрении криминалистической характеристики взяточничества важен вопрос о ее уровне либо видах. Понятие «взяточничество» охватывает три самостоятельных, но взаимосвязанных уголовно-правовых состава: получение взятки (ст. 430 УК), дачу взятки (ст. 431 УК) и посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК).

Вопрос о видах КХП является проблемным. Н. А. Селиванов предложил два вида криминалистической характеристики преступлений: индивидуальную и типовую. Индивидуальная криминалистическая характеристика определяет конкретное преступление, типовая же представлена исследователем как совокупность типичных данных о преступлениях конкретного вида и связанных с ним обстоятельств [168, с. 130]. Классификация КХП, предложенная Н. А. Селивановым, нашла своих сторонников и противников. Спорным оказался вопрос об индивидуальных КХП. Поддерживая идею о необходимости существования индивидуальной КХП, А. А. Фокина говорит: «Составить типологическую характеристику совокупности можно лишь в результате исследования входящих в нее единиц. Поэтому в каждой из них должны быть выделены элементы, учтены имеющиеся между ними связи, характер взаимодействия с иными явлениями» [169, с. 18].

Мы разделяем мнение ученых, отрицающих необходимость выделения криминалистических характеристик конкретного преступления. По этому поводу Р. С. Белкин заметил, что результатом познания единичного преступления является не его криминалистическая характеристика, а описание его обстоятельств. Далее исследователь делает вывод: «...нет и не может быть характеристики отдельного, конкретного преступления» [136, с. 687–688]. Такого же мнения придерживается С. Н. Чурилов. Он считает ошибочными рассуждения о существовании криминалистической характеристики конкретного преступления [170, с. 168]. Результатом познания преступления выступает не его криминалистическая характеристика (она также не является целью расследования), а установление всех его обстоятельств, входящих в предмет доказывания, что достигается посредством собирания доказательств, достаточных для изобличения виновного лица.

Типовая КХП как ее вид признается большинством ученых-криминалистов. Она понимается как совокупность сведений о наиболее устойчиво повторяющихся отдельных обстоятельствах совершения преступления, которые могут иметь поисковое значение в установлении лиц, совершивших аналогичные преступные деяния.

Следует заметить, что разработанные типовые КХП не являются чем-то раз и навсегда сформированным. Они требуют постоянной корректировки и совершенствования с учетом специфики и особенностей совершения преступлений в современных условиях. Однако, как заметил В. Н. Исаенко, при достаточно распространенной практике разработки типовых КХП отдельных видов авторы соответствующих работ уходят от освещения практических возможностей использования содержащихся в них сведений [167, с. 44].

Некоторые исследователи выделяют иное количество уровней КХП. Например, Г. А. Густов различает общую криминалистическую характеристику, криминалистическую характеристику вида (группы) преступлений и криминалистическую характеристику отдельного преступления [171, с. 44].

Особенности взяточничества, наличие общих признаков, характерных для преступлений, входящих в эту группу, позволяют говорить о единой общей криминалистической характеристике. Она формируется в результате обобщения данных, содержащихся в видовых характеристиках получения взятки, дачи взятки и посредничества во взяточничестве. Несмотря на различие во взглядах на понятие и содержание криминалистической характеристики взяточничества, ученые-криминалисты сходятся в понимании ее места в криминалистической методике. Не вызывает сомнений, что результативность современной следственной деятельности во многом зависит от уровня разработанности криминалистической методики, которая служит для следователя рабочим инструментарием. Однако современная методика расследования взяточничества – малоэффективная теоретическая система.

Главную причину проблем, связанных с частными методиками расследования, А. С. Шаталов видит в невозможности использования субъектами расследования полезной информации, содержащейся в методических рекомендациях [172, с. 155]. По нашему мнению, не менее важной причиной возникших проблем реализации методики

расследования является КХП.

Частные криминалистические методики имеют традиционное построение и содержат две основные части, в которых отражаются теоретические и практические основы процесса раскрытия и расследования преступлений. В качестве теоретической основы этого процесса выступает КХП. Практические основы процесса расследования образуют систему определенных рекомендаций, оптимизирующих деятельность при производстве конкретных следственных действий.

Учение о КХП, на основе которого до настоящего времени формируются методики расследования, прочно вошло в научный арсенал криминалистики и превратилось в теоретическую часть частных криминалистических методик. Вместе с тем ученые и практики давно обратили внимание на ее абстрактность [173, с. 243].

Абстракция предполагает отвлечение от ряда свойств изучаемого предмета, объекта. Для научного исследования преступлений, а тем более для расследования конкретного преступления, необходимо выявить максимальное число элементов, составляющих его, связи между ними и т. д.

На недостатки КХП указали видные ученые Р. С. Белкин, И. Е. Быховский и А. В. Дулов, которые отметили, что комплекс сведений, составляющих содержание криминалистической характеристики преступления, ничего нового для науки и практики не дает [174, с. 55]. В связи с этим мнения исследователей разделились. Одни усомнились в значимости КХП как научной и практической категории [163, с. 124–125; 175, с. 79], другие предложили совершенствовать КХП [176, с. 323–326], а третьи обосновали замену понятия КХП другими терминами [177, с. 240–244].

Многие ученые не обратили либо не пожелали обратить внимания на вывод, сделанный Р. С. Белкиным [161, с. 223–224]. Они продолжают отстаивать учение о КХП, несмотря на все проблемы, которые не имеют разрешения. Мнение Р. С. Белкина о КХП как абстрактном понятии, а также понимание низкого уровня ее практической значимости определило необходимость осуществления познания преступлений на иной информационной основе. В качестве такой основы выступили материальные элементы криминалистической структуры преступления (в монографии используется равнозначное

понятие «материальная структура преступления»), а в рассматриваемом нами случае – взяточничества.

2.2. Материальная структура преступления как основа формирования частной методики расследования взяточничества

Понимание преступления как системного образования предполагает обнаружение в нём материальных элементов, связанных между собой в структуру.

По этому поводу А. В. Дулов заметил: «Надо найти такую совокупность материальных объектов, которая обязательно имеется в системе, характерна для такого явления, как преступление, познание которой обеспечит полное выявление всех обстоятельств преступления» [178, с. 9]. С этой целью применяется метод криминалистического анализа (данный метод мы рассмотрим в п. 2.3). А. В. Дулов, рассматривая существующие разновидности метода криминалистического анализа, применяемого при исследовании преступления, первым упоминает структурный анализ [179, с. 54–59].

Структурный анализ преступления представляет собой исследование, которое направлено на выявление всей совокупности материальных элементов, образующих преступление. Основанием для выделения материальной структуры может служить их свойство к образованию (восприятию) следов различной природы как на самих структурных элементах преступления, так и в окружающей обстановке. Благодаря этим следам представляется возможным познать оставившие их объекты [180, с. 341–344].

Исследуя преступление, считал А. В. Дулов, необходимо выявить совокупность взаимосвязанных материальных элементов, которые обязательно имеются при совершении преступления. Данные элементы образуют криминалистическую структуру преступления [151, с. 35]. В качестве общих элементов, характерных для многих преступлений, исследователь называет: субъект (лицо, совершившее преступление), объект (предмет, лицо, на которое направлено преступное воздействие), орудие преступления [178, с. 11].

Соглашаясь с мнением А. В. Дулова о необходимости выявления в преступлении совокупности материальных элементов и

целесообразности использования в этих целях метода криминалистического анализа, мы хотели бы обратить внимание, что эти действия возможны не только на этапе научного познания преступления как объекта криминалистического исследования, но и на этапе следственной деятельности.

Криминалистическое исследование преступления для определения его материальных элементов не обязательно должно основываться на эмпирической базе, т. е. определенном массиве раскрытых и расследованных уголовных дел. Конечно, эмпирическая база позволяет более объективно исследовать и представить преступление в криминалистическом аспекте. Однако мы считаем, что такое исследование возможно с момента криминализации общественно опасных деяний, т. е. с появления в УК нормы, предусматривающей уголовную ответственность за деяние, признаваемое преступным.

Для наиболее полного представления возможности криминалистического исследования преступления на этом этапе и выявления составляющих его материальных элементов необходимо рассмотреть предшествующие этому действия. Они имеют отношение к упомянутой ранее криминализации общественно опасных деяний.

Под **криминализацией деяний** мы понимаем признание законодателем определенных сформировавшихся в обществе отношений общественно опасными и установление уголовной ответственности за деяния, связанные с ними. Признание законодателем деяния опасным играет ключевую роль в решении вопроса об установлении уголовной ответственности за его совершение. При этом не имеет значения, для кого криминализируемое деяние представляет опасность. В ряде случаев деянию объективно опасность может быть не характерна, но когда им затрагивается интерес государства, то это выступает обязательным условием его криминализации. Такой взгляд не соответствует представлению оснований для криминализации деяний, под которыми Л. М. Прокументов понимает «появление общественно опасного деяния с достаточно высокой степенью общественной опасности (появление новых общественных отношений – объекта посягательства), а также повышение степени общественной опасности деяния» [181, с. 35].

Следует заметить, что Л. М. Прокументов также считает, что общественная опасность деяния появляется не всегда. Она

устанавливается, признается в различных условиях развития государства и общества. В качестве примера можно вспомнить криминализацию деяния, названного в советский период спекуляцией. В постсоветский период и настоящее время спекуляция уже не уголовно наказуемое деяние, а разновидность предпринимательской деятельности. Очевидно, что одно деяние в разных условиях общественного развития воспринимается по-разному на законодательном уровне: в одном случае признается опасным для общества и государства, а в другом, наоборот, оценивается как общественно полезная деятельность, стимулируемая и поощряемая государством. В последнем случае предпринимательская деятельность не противоречит интересам государства, которое, более того, извлекает из нее выгоду в виде занятости населения и уплачиваемых в бюджет налогов. Для идеологии советского государства изначально была неприемлема предпринимательская деятельность, по своей сути частнособственническая, допускавшая наемный труд, что повлекло признание ее общественно опасной и уголовно наказуемой.

Результатом криминализации деяния является принятие законодательным органом государства нормы права, предусматривающей уголовную ответственность за совершение этого деяния. Вновь принятая уголовно-правовая норма имеет свою структуру [182; 183], в которой один или несколько элементов отражают состав запрещенного деяния [184]. Состав преступления служит отправной точкой в момент квалификации деяния, совершенного в реальности. Это достаточно важное обстоятельство при решении вопроса об ответственности виновного лица за инкриминируемое ему деяние.

Состав преступления, используемый для квалификации деяния, представляет собой научную, нормативно не закрепленную категорию уголовного права. Первое представление о материальной структуре преступления формируется на основе его уголовно-правового состава, который имеет абстрактный характер и сохраняет свое состояние вне зависимости от каких-либо обстоятельств. На основе анализа состава преступления возможно построение модели его материальной структуры, которая также будет абстрактной. Данная модель является наиболее общей и содержит определенное количество структурных элементов, которые можно выделить с учетом конструкции состава данного преступления. В дальнейшем при совершении преступлений данного вида

количество структурных элементов может, как совпадать, так и отличаться от общей модели в большую или меньшую сторону. В момент совершения преступного деяния в реальную взаимосвязь вступают конкретные материальные составляющие преступной структуры. Говорить об их абстрактности уже не приходится. Абстрактная модель преступного деяния превращается в материальную основу, которая позволяет его познать в процессе расследования. Описывая криминалистическую (материальную) структуру преступлений, А. Е. Гучок рассматривает в ней только материальные объекты, к которым относит: субъекта, совершающего преступление, объект преступного посягательства, средство совершения преступления, предмет преступного посягательства, предмет преступления [185, с. 62; 186, с. 57]. Выделенная А. Е. Гучком совокупность материальных элементов является наиболее общей, которую следует рассматривать как типовую криминалистическую (материальную) структуру преступления. Она результат научного обобщения, а составляющие ее элементы представлены в оптимальном, максимально исчерпывающем количестве. Следует отметить, что в ранних работах А. Е. Гучок использовал понятие «криминалистическая структура преступления» (см. например: *Гучок А. Е. Криминалистическая структура преступления. Минск, 2007*), а затем пришел к выводу, что более точным выражением структуры преступления с точки зрения криминалистики является понятие «материальная структура преступления» [185]. Для структуры преступлений любого вида или группы, в том числе и взяточничества, характерно определенное количество материальных элементов. Это те же элементы, которые выделены в типовой структуре преступления, но их количество и сочетание различаются. Указанная особенность позволяет говорить о типичной структуре каждой разновидности преступных деяний.

Структура конкретного преступления определенного вида может отличаться от типичной структуры. Количество элементов одного вида не является постоянной величиной и меняется в зависимости от особенностей совершаемого преступления. Не постоянен и количественный показатель определенного элемента структуры преступления.

Субъектов посягательства может быть несколько, а в ряде случаев величина этого структурного элемента характеризуется

множественностью, например, преступление совершено организованной преступной группой, состав которой исчисляется несколькими десятками человек. Объектов посягательства также может быть несколько, например, преступление совершено в отношении нескольких человек. Более того, объекты могут различаться по своей природе. Одновременно это может быть и человек и организация. Количественный показатель предмета преступного посягательства и средства совершения преступления также может меняться при совершении некоторых деяний.

Криминалистический анализ структуры преступления не ограничивается выделением ее элементов. Целью дальнейшего изучения является познание их признаков, специфических свойств, приведших к преступному деянию, а также особенностей отражаемой в пространстве следовой картины.

Познание преступления, основанное на данных о его типовой и типичной криминалистической структуре, позволяет в ходе расследования установить материальные элементы структуры конкретного преступного деяния.

На первоначальном этапе они могут быть не в полном объеме представлены необходимой для расследования информацией. Изучение взаимосвязей, закономерно существующих между элементами материальной (криминалистической) структуры преступления, позволяет выявлять недостающую информацию об отдельных элементах и, тем самым, решать уголовно-процессуальные задачи по установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

Таким образом, для формирования сведений о типичной материальной (криминалистической) структуре (построение соответствующей информационной модели) отдельного вида или группы преступлений, а затем использования их в процессе раскрытия и расследования конкретного криминального события, необходимы знания о его уголовно-правовом составе. Только при условии правильного представления о структуре преступлений определенного вида или группы, ее материальных элементах и связях между ними, можно разработать эффективные методы, приемы и средства ретроспективного познания расследуемого события, прогнозирования и пресечения продолжаемой преступной деятельности.

Учение о материальной структуре преступления представляет собой новый концептуальный подход к его криминалистическому познанию. В

равной степени и КХП является определенным способом понимания, трактовки преступления. Она также рассматривается учеными как концепция.

Каждая из упомянутых концепций, следует заметить, имеет право на существование. Но, в тоже время, они требуют развития и совершенствования в сочетании друг с другом.

Проводя сравнение между двумя упомянутыми информационными моделями (криминалистическая характеристика и криминалистическая (материальная) структура) преступления, следует отметить следующее.

Во-первых, КХП является абстрактным понятием, а для криминалистической структуры, учитывая ее материальную сущность, – это не свойственно.

Во-вторых, элементы КХП, как считают многие ученые, имеют корреляционные связи и зависимости, но и это, с учетом выше изложенного, не всегда возможно установить. Связи между материальными элементами преступления имеют функциональный характер.

В-третьих, сведения об элементах КХП реализуются в практической деятельности как ориентирующая информация. Информация об одних материальных элементах преступления, полученная в ходе расследования преступления, создают основу для познания других, неизвестных или менее известных структурных элементах.

В-четвертых, не все элементы КХП, в отличие от элементов его материальной структуры, имеют криминалистическую значимость. КХП составляют сведения о криминалистических, уголовно-правовых и криминологических элементах.

В-пятых, выделение и познание материальных элементов структуры преступления определяют целевую направленность практической деятельности и обеспечивают достижение значимых результатов при расследовании преступлений. Указанный подход наиболее полно раскрывает гносеологическую составляющую материальной структуры преступления как криминалистической категории. Только при условии обеспечения практической результативности «такой научный подход к использованию криминалистической категории имеет право на существование» [187, с. 32].

Объединение рассмотренных учений позволяет охватить комплекс разноплановых криминалистических взглядов на преступление, соединить

их между собой и образовать на этой основе взаимосвязанную систему, по сути, представляющую собой новую криминалистическую концепцию. Под концепцией мы понимаем «комплекс взглядов на что-либо, связанных между собой и образующих взаимосвязанную систему» (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Концепция>). Формирование новой криминалистической концепции позволит определить стратегию и тактику действий.

Стратегию действий можно представить в виде их общего, не детализированного плана, рассчитанного на длительный период, по выявлению и раскрытию преступной деятельности, определенной категории социума, для которой такая деятельность является жизнеобеспечивающей. Разработка стратегии, в этом случае, необходима, чтобы опережать преступность в не прекращающейся борьбе с нею и указывать на возможные способы ее ликвидации.

Тактическая составляющая предлагаемой концепции является не только инструментарием реализации стратегической цели, но, главным образом, она призвана обеспечивать решение промежуточных тактических задач, непременно возникающих в период расследования конкретных уголовных дел. По сути тактика ориентирована на обеспечение результативной, малозатратной следственной деятельности.

Мы считаем, что знания о данных информационных моделях (криминалистическая характеристика и материальная структура преступления) в равной степени должны быть использованы при формировании частных методик расследования преступлений и, в частности, преступлений коррупционной направленности. Следует заметить, что ученые указывают на имеющиеся проблемы методик расследования коррупционных преступлений [188, с. 206] и отмечают необходимость их совершенствования [189].

Проанализируем общие материальные элементы структуры коррупционных преступлений, в числе которых взяточничеству отводится ключевая позиция. Детальному рассмотрению материальной структуры взяточничества посвящены другие разделы данной работы (см. п. 2.3.–2.5.).

В структуре коррупционных преступлений можно выделить такие материальные элементы как субъект, объект, предмет и средства преступного посягательства. Для некоторых преступлений рассматриваемой группы характерно наличие и такого элемента как

предмет преступления. Материальный характер этих элементов является их общим признаком, отличающим от одноименных элементов состава преступления.

Общим элементом материальной структуры любого коррупционного преступления является субъект, его совершающий и характеризующийся признаками должностного лица.

Субъекты коррупционных преступлений характеризуются следующими чертами, имеющими важное криминалистическое значение:

- осуществляют преступную деятельность в ходе реализации должностных функций;
- наделены специальными должностными полномочиями.

Субъекты коррупционных деяний из числа должностных лиц, как правило, высокообразованны, владеют знаниями, позволяющими скрывать преступную деятельность в течение длительного времени.

Криминалистический анализ субъекта предполагает изучение его личностных свойств во взаимосвязи с криминогенными признаками объекта коррупционных преступлений. Одним из важнейших условий результативности борьбы с коррупцией является своевременный сбор и реализация достаточно полной информации о коррумпированной деятельности должностных лиц. Анализ субъекта конкретного коррупционного преступления необходимо основывать на общей информации о нем, содержащейся в криминалистической характеристике данного вида преступлений. Следовательно, изучая в процессе расследования уголовного дела материальные элементы структуры преступления, нужно использовать обобщенные сведения о них из криминалистической характеристики. Тем самым, мы утверждаем, что сведения из криминалистической характеристики целесообразно использовать при изучении материальных элементов структуры преступления.

При исследовании субъекта существенное значение имеют его свойства. Они подразделяются на несколько классов: параметрические, физические, химические, биологические, психические, психологические и социальные. Каждый из этих классов составляет основу для множества других производных свойств: например, производными психологических свойств выступают деятельностно-психологические, социально-психологические, рефлексивно-психологические и духовные свойства человека.

Параметрические свойства отражают информацию о размерах человеческого тела и его частей. Изучаются как анатомические свойства человека. При совершении преступлений проявляются в виде информации о росте человека, размере его ноги, длине кисти руки и др.

Физические свойства (качества) характеризуют механические возможности человеческого тела. В следах совершенного преступления отражаются такие качества человеческого организма, как быстрота, сила, выносливость, ловкость и др. Например, совершая карманную кражу, преступник демонстрирует незаурядную ловкость рук. При ходьбе, беге возникают не только традиционные следы ног, но и следы локомоционных движений, содержащие информацию об определенных свойствах человека [190, с. 132].

Химические свойства отражают информацию о составе веществ, образующих человеческий организм, его ткани, органы и системы. На месте совершения преступления эта информация содержится в следах крови, слюны, мочи, спермы, потожирового вещества и др.

Биологические свойства характеризуют особенности жизни организма, телесную (соматическую) организацию человека.

Психические свойства относятся к характеристике нервно-психической деятельности как процесса отражения человеком внешних воздействий на его организм через органы чувств (сенсорную организацию). Обнаруживают себя в реакциях организма на эти воздействия и в психических образах объектов взаимодействия.

Психологические свойства характеризуют телесно-психические возможности человека как субъекта рефлексивной, предметно-практической и совместной деятельности людей. Обнаруживают себя в суждениях, продуктах деятельности, поступках, поведении, знаково-символических формах информационной коммуникации и человеческих отношениях. В процессе преступной деятельности человек проявляет особенности своих действий, поступков, поведения.

Социальные свойства характеризуют положение человека в общественных связях и отношениях. Включают коммуникативные и правовые свойства субъекта общественного взаимодействия. Коммуникативные свойства обеспечивают контактность человека в любом социальном взаимодействии. Правовые свойства наиболее часто проявляются как результат противоправной деятельности субъекта, наделенного полномочиями в системе совместной жизнедеятельности.

Эти полномочия закреплены как функциональные обязанности субъектов социального взаимодействия, что имеет отражение в соответствующих нормах. Их невыполнение граничит с нарушением уголовно-правовых норм, что и приводит к ответственности.

Для каждого конкретного преступления не требуется в полном объеме информация о всех свойствах личности субъекта совершения преступления. Для некоторых преступлений свойства субъекта могут быть конкретизированы с учетом необходимости выявления самых существенных. Например, Г. А. Шумак, рассматривая должностные преступления, выделил наиболее важные признаки, характеризующие субъекта:

- осуществление преступной деятельности в ходе выполнения своих профессиональных функций;
- наличие специальных познаний или профессионального опыта;
- возможность оказания противодействия выявлению и раскрытию хищения на основе знания системы защиты объекта и ее недостатков [191, с. 138].

Для большинства коррупционных преступлений, в том числе взяточничества, субъект совершения преступления характеризуется признаками должностного лица (субъект совершения взяточничества описывается в пункте 2.3.).

Объект преступного посягательства рассматривается в криминалистике как комплексное понятие, отличающееся от соответствующего уголовно-правового элемента состава преступления. В криминалистической (материальной) структуре преступления объект как один из ее элементов представляет собой материальную систему, на которую направлено преступное посягательство. Это может быть человек, имущество, деньги, иные ценности, жилье и иные объекты собственности, недвижимость, транспортные средства, предприятия, учреждения, «государство, в лице его органов, чьи интересы нарушаются противоправным деянием» [185, с. 63]. Этот перечень охватывает максимальное количество возможных объектов преступного посягательства. Для коррупционных преступлений преимущественно характерны такие объекты как предприятия и учреждения. Критерием выделения этих объектов в качестве элементов криминалистической структуры преступления является их свойство неизбежно и закономерно формировать следы при совершении преступления. В процессе

расследования следы подлежат обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию. На основе следов может быть получена информация о субъектах, их оставивших.

Необходимо иметь в виду, что сам объект как единое целое также может являться целью преступной деятельности. Это происходит в тех случаях, когда умысел виновного ограничивается причинением вреда объекту посягательства. Например, ст. 218 УК предусматривает ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества (автомобиль, дом, иное строение и др.) выступает объектом посягательства, совершаемого в целях причинения вреда в виде его уничтожения или повреждения. Объект преступного посягательства может быть простым и сложным, единым и множественным, многоуровневым. Особенности объекта определяют специфику деятельности субъекта и механизм преступления, что сказывается на его следовой картине, следах-отражениях, той первооснове, на которой базируется вся криминалистическая деятельность [192, с. 284].

К объектами преступного посягательства относятся: человек (единолично или группа людей), имущество (движимое и недвижимое), компьютерные и иные электронные системы, денежные средства, ценные бумаги, транспортные средства, предприятия и учреждения, фирмы, государственные органы. Действия в отношении объекта могут быть как связаны с причинением ему вреда, так и не связаны.

Рассматривая *человека* в качестве объекта преступного посягательства, следует исходить из того, что «именно человек (общество) является главным элементом в системе государства и права... Человек, его права, свободы, гарантии их реализации провозглашаются высшей ценностью общества и государства. Это значит, что все общественные и государственные институты должны быть организованы и осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы максимально полно оберегать, сохранять, ценить законные права и интересы каждого человека. Это высшая ценность, т. е. главный критерий оценки любых ситуаций, требующих принятия решений в деятельности государственных органов, негосударственных организаций и в жизни людей» [193, с. 164]. В результате преступных действий на человека оказывается определенное непосредственное воздействие. К подобного рода деяниям относятся, в частности, насильственные преступления.

Разнообразием отличительных особенностей характеризуется такой объект преступного посягательства, как *имущество*. Оно охватывает множество различных вещей, находящихся в собственности физических и юридических лиц.

Компьютерные и иные электронные системы – объект преступного посягательства с момента появления в УК гл. 31 «Преступления против компьютерной безопасности». *Транспортные средства* как объекты посягательства редко встречаются среди норм УК. Наиболее типичным примером транспортного средства как объекта посягательства выступает неправомерное завладение и поездка на нем без цели хищения, т. е. угон (ст. 214 УК).

Предприятия, учреждения и фирмы являются объектом преступного посягательства многих преступлений, относящихся к различным разделам УК, но в первую очередь это преступления против порядка осуществления экономической деятельности.

Применительно к должностным хищениям понятие объекта, отмечает Г. А. Шумак, весьма синтетично. К нему относится звено хозяйственного механизма, в рамках которого развивается преступление. Чаще всего это определенное предприятие, учреждение, организация. В ряде случаев объект рассматривается несколько уже: конкретный производственный участок, цех, магазин, склад. Иногда объект хищения может охватывать совокупность предприятий, учреждений, организаций, связанных общей хозяйственной деятельностью [194, с. 51].

Государственные органы как объекты преступного посягательства можно выделить в некоторых составах преступлений. При этом следует иметь в виду, что совершаемым преступлением нарушаются интересы именно государственного органа. Например, объектом посягательства в ст. 231 УК «Уклонение от уплаты таможенных платежей» является таможенный орган.

Объекты преступного посягательства при совершении взяточничества и иных коррупционных преступлений имеют свою специфику.

С точки зрения криминалистического учения о материальной структуре преступления *предметом преступного посягательства* следует считать материальный элемент деяния, который определяет целевую направленность деятельности субъекта посягательства.

Действия в отношении данного элемента структуры преступления не сопряжены с причинением ему вреда. Цель преступника – завладеть этим предметом и незаконно распорядиться по своему усмотрению.

Объект и предмет преступного посягательства в ряде случаев могут соотноситься как общее и частное [195, с. 103]. Это характерно для тех преступлений, где предмет посягательства выступает в качестве элемента материальной системы, которая в структуре преступления является объектом посягательства. Например, при совершении квартирной кражи помещение, в котором она совершена, рассматривается как объект преступного посягательства, а все похищенное из помещения – как предмет преступного посягательства. Другой пример: в материальной структуре разбойного нападения потерпевший выступает объектом посягательства, а отнятые у него деньги (золотые украшения) – предметом посягательства. Приведенные примеры указывают на целевую направленность совершенных преступных деяний.

Предметом преступного посягательства может являться практически любой *материальный объект*, представляющий преступный интерес: жилые помещения (дома, квартиры, коттеджи), денежные средства и иные ценности, транспортные средства, предметы и вещества, запрещенные в гражданском обороте (оружие, наркотические средства, отравляющие вещества) и т. д.

Предметом посягательства может быть и то, что характеризуется как *нематериальный объект*. В первую очередь в качестве такого предмета следует назвать и н ф о р м а ц и ю, хотя мы считаем ее материальной по причине материальной основы ее происхождения. Такая позиция может показаться спорной, но мы свое мнение по данному вопросу аргументировали ранее [196, с. 56].

Информация может являться предметом как завладения, так и различных манипуляций с нею. В первом случае информация подлежит копированию и последующему использованию в противоправных целях. Согласно ст. 352 УК «Неправомерное завладение компьютерной информацией» ответственность предусмотрена за несанкционированное либо неправомерное завладение информацией, хранящейся в компьютерной системе. С позиции рассмотрения материальной структуры данного преступления компьютерная система – объект преступного посягательства, а информация, хранящаяся в ней, –

предмет посягательства, которому вред не причиняется. В другом случае в результате преступного проникновения в компьютерную систему, сеть, машинные носители, хранящие информацию, последняя подвергается изменению, в нее вносятся фрагменты заведомо ложной информации (ст. 350 УК).

Развитие информационных технологий, а также объективные процессы, происходящие в мировой экономике, способствовали появлению нового предмета преступного посягательства – *криптовалюты*. Она представляет собой разновидность цифровой валюты, которая имеет вид электронных денег, используемых в качестве альтернативных или дополнительных валютных средств [197]. Имеют место первые случаи хищения криптовалюты в Беларуси [198], которые показали неготовность правоохранительных органов противодействовать таким преступлениям. Если в Беларуси это единичный и мелкий случай хищения криптовалюты, то за рубежом это активно развивающийся вид хищений, приносящий потерпевшим огромные убытки. Так, в Японии в результате хищения криптовалюты собственникам причинен ущерб, эквивалентный 534 млн. долларов США. Хищение совершено в результате хакерской атаки в отношении крупнейшей в Японии биржи цифровых валют [199].

Средство совершения преступления как научное и прикладное понятие в равной степени используется в криминалистике и уголовном праве, но его смысловое содержание в этих науках различается. Устранение терминологической нестыковки будет способствовать интеграционным процессам, получившим развитие в науках, обеспечивающих борьбу с преступностью [200].

М. В. Салтевский определяет средства совершения преступления как материальные объекты, используемые для достижения преступного результата. В процессе преступного события средства совершения преступлений взаимодействуют с элементами материальной обстановки, в результате чего образуются следы-отражения. Последние несут информацию о взаимодействующих объектах и участвующих в преступлении лицах, источниках энергии и причинах следообразования, а также о других обстоятельствах, имеющих криминалистическое значение [201, с. 24]. А. В. Наумов относит к средствам совершения преступления предметы внешнего мира (например, орудия, приспособления, химические вещества или другие предметы) либо

физические процессы (например, электрический ток), которые использует преступник для воздействия на потерпевшего, предмет и объект преступления [202, с. 26].

По мнению Н. А. Бабия, средствами совершения преступления являются «предметы, устройства, механизмы, приспособления, используемые в процессе совершения преступления» [203, с. 61]. Очевидно, что формулировки ученых не дают исчерпывающего ответа на вопрос о возможных средствах совершения преступлений и не позволяют представить средства совершения взяточничества.

М. В. Салтевский разделил средства совершения преступлений на четыре группы: 1) орудия; 2) оружие; 3) источники повышенной опасности (машины, механизмы, вещества); 4) силы и явления природы [201, с. 26–28]. Приведенная классификация указывает на общий характер понятия «средство совершения преступления», но виды средств совершения преступлений, перечисленные исследователем, выходят за рамки понимания их как материальных объектов.

В УК не проводится различия между понятиями «средство совершения преступления» и «орудие совершения преступления». Большинство специалистов в области уголовного права не акцентируют внимание на том обстоятельстве, что орудия также являются средством совершения преступления, но не все средства могут рассматриваться в качестве орудий. По нашему мнению, указанная ситуация – следствие нормативного закрепления данных понятий в одно сочетание слов. Например, ч. 6 ст. 61 УК «Конфискация имущества» предусматривает специальную конфискацию, которая состоит в «принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства орудий и средств совершения преступления».

Отсутствует также четкое представление о названных понятиях в учебной литературе. Например, Н. А. Бабий в качестве орудий совершения преступления рассматривает «предметы, устройства, которые используются для разрушающего воздействия на предмет преступления или для причинения физического вреда» [203, с. 61]. Такое понимание орудия совершения преступления не в полной мере отражает его сущность. С криминалистической точки зрения речь идет о причинении вреда объекту посягательства, имеющему материальный характер, но не предмету преступления.

По мнению Н. В. Вискова, единственными материальными

предметами, способствующими достижению преступного результата, являются именно средства [204]. Подобное мнение вызывает возражение, так как и орудия совершения преступлений, являясь разновидностью средств преступления, обеспечивают наступление результата преступной деятельности.

Отдельные авторы основным отличием средств от орудий преступления видят непосредственное воздействие последних на объекты посягательства [205, с. 33]. Получается, что средством преступления может быть любой материальный предмет, способствующий наступлению преступного результата, однако в том случае, если эти предметы напрямую воздействовали на объект преступления, их следует рассматривать как орудия преступления. Приведенное мнение не в полной мере соответствует действительности, так как наряду с орудиями в качестве средств совершения преступления могут использоваться иные материальные вещества, которые отличаются своим агрегатным состоянием, образующим самостоятельную группу средств. Например, ядовитое вещество, использованное для совершения убийства, является средством совершения преступления, но не подпадает под определение понятия «орудие совершения преступления». Это вещество имеет специфическое агрегатное состояние, а также характеризуется особенностями воздействия на материальный объект посягательства. Мы согласны с мыслью, что понятие «средства» родовое по отношению к понятию «орудия» [202, с. 24; 206, с. 95].

В качестве средств для субъекта преступления ученые рассматривают преимущественно орудия, инструменты, вещества и подобные материальные предметы. Однако имеется мнение, что средствами преступления необходимо считать все то, что использовалось преступником в ходе совершения преступного деяния. С точки зрения И. Л. Марогуловой, к средствам совершения преступления относятся и предметы, используемые для защиты или маскировки [207]. С таким подходом трудно согласиться, поскольку тогда потребуется признавать средством совершения преступления широкий перечень предметов, используемых преступником, например перчатки, специальную одежду, обувь, маску, тряпку для уничтожения следов на месте преступления и др. Эти предметы не могут рассматриваться в качестве средств совершения преступления по нескольким причинам: используются в

иных целях (защита, маскировка субъекта преступления); их наличие или отсутствие не влияет на преступный результат; не оказывают воздействия на иные структурные элементы преступления; могут выступать в процессе совершения преступных действий как составные, неотъемлемые части какого-либо структурного элемента. В предлагаемом И. Л. Марогуловой варианте таковым является человек, совершающий преступное деяние.

Проведенный анализ средства совершения преступления позволяет увидеть спектр проблем, связанных с ним в теоретическом и практическом аспектах. Несомненно, наличие характерной специфичности средств, используемых для совершения преступлений определенных видов и групп преступлений, а также отдельных преступлений конкретного вида.

На основании осуществленного ранее исследования мы пришли к выводу, что «с криминалистической точки зрения под средством совершения преступлений следует понимать материальный объект, находящийся во взаимосвязи с иными элементами преступной структуры, обеспечивающий целевую направленность субъекта посягательства на достижение преступного результата» [208, с. 30]. Выбор того или иного средства совершения преступления в каждом конкретном случае зависит от избранного субъектом способа действий.

Разнообразие видов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК, а также значительное количество способов их совершения позволяет разделить средства совершения преступления на следующие группы:

- 1) орудия (топор, лом, кирпич и др.);
- 2) оружие (пистолет, ружье, револьвер, штык-нож и др.);
- 3) транспортные и иные технические средства, механизмы (автомобиль, мотоцикл, бензопила и др.);
- 4) документы (организационные, распорядительные, информационно-справочные и др.);
- 5) вещества (психотропные, взрывчатые, лекарственные и др.);
- 6) животные (собаки, обезьяны, змеи и др.);
- 7) предприятия, учреждения, фирмы (лжепредприятие, офшорная фирма и др.);
- 8) информация и ее материальные носители (вербально выраженные и воспринятые адресатом деструктивные сведения и др.);

9) компьютерная техника и программное обеспечение (компьютер, нетбук, вредоносная программа и др.) [208, с. 30].

В криминалистической структуре предмета преступления играет самостоятельную роль. Для большинства уголовно наказуемых деяний, в структуре которых выделяется такой элемент, как предмет преступления, характерно его существование независимо от совершенных преступных действий, образующих объективную сторону преступления. Данный элемент преступной структуры «отличается от других элементов тем, что в отношении него не совершается преступное посягательство, и он не используется как средство совершения преступления» [194, с. 53].

Наличие названного элемента в структуре преступления характерно для многих общественно опасных деяний. В качестве примера предмета преступления в его криминалистическом понимании можно назвать деньги, наркотики, иные материальные вещи как предметы взятки и т. д. [209].

Обобщив изложенное, можно сделать следующие выводы об элементах материальной структуры преступления.

1. Субъектом совершения преступления может быть только человек, в результате преступных действий которого на нем и на других элементах преступной структуры образуются следы, представляющие интерес для расследования.

2. Объект как один из элементов материальной структуры преступления представляет собой систему, на которую направлено преступное посягательство. Это может быть человек, имущество, деньги, иные ценности, жилье и иные объекты собственности, недвижимость, транспортные средства, предприятия, учреждения, а в ряде случаев «государство в лице его органов, чьи интересы нарушаются противоправным деянием» [185, с. 64]. Критерием выделения этих объектов в качестве элементов материальной структуры преступления является их свойство неизбежно и закономерно формировать следы совершения преступного деяния. На основе исследования следов на объекте может быть получена информация о субъектах, их оставивших.

С предметом преступного посягательства связана целевая направленность противоправных действий. Как правило, предметом преступного посягательства выступает тот материальный объект,

которым преступник завладевает противоправным путем.

3. В уголовном праве и криминалистике отсутствует единообразное понимание средств совершения преступления и их классификация. В структуре системы преступления средство совершения преступления – один из входящих в нее материальных элементов, обеспечивающий достижение преступного результата.

Средство совершения преступления обладает определенными свойствами, позволяющими воспринимать отражения и отражаться в виде материальных и идеальных следов, способствующих воспроизведению модели произошедшего события. Представляется приемлемым использование в уголовном праве и криминалистике формулировки, согласно которой *средство совершения преступления* – это материальный объект, находящийся во взаимосвязи с иными элементами преступной структуры, обеспечивающий целевую направленность субъекта посягательства на достижение преступного результата.

Криминалистическое понятие средств совершения преступления включает все предметы и явления материального мира, которые так или иначе взаимодействовали при совершении преступления с иными структурными элементами и несут о них информацию. Данный элемент в структуре преступления обеспечивает достижение его результата.

4. В материальной структуре предмет преступления занимает особое положение. Его выделение возможно на основе отличительных признаков в сравнении с предметом преступного посягательства и средством совершения преступления.

Анализ имеющих место критических замечаний, высказанных в связи с новыми подходами к построению информационной модели преступления, позволяет сделать вывод о нежелании отдельных ученых уходить от давно сложившихся стереотипов относительно отдельных криминалистических проблем. Значительно проще отстаивать раз и навсегда занятую позицию, критиковать тех, кто пытается искать новые пути решения научных и практических проблем.

Следует отметить, что методика расследования отдельных видов преступлений не является окончательно сформировавшейся частью науки криминалистики. В качестве теоретической основы для ее формирования предлагается в равной степени использовать знания о КХП и криминалистической (материальной) структуре преступления.

Только на такой основе возможна разработка эффективной частной методики расследования.

2.3. Формирование деструктивного поведения субъекта взяточничества и криминалистический анализ его личности

Субъекты коррупционных преступлений, в числе которых и взяточники, характеризуются следующими чертами, имеющими важное криминалистическое значение:

- осуществляют преступную деятельность в ходе реализации должностных функций;
- наделены специальными должностными полномочиями.

Субъекты коррупционных деяний из числа должностных лиц, как правило, высокообразованны, владеют знаниями, позволяющими скрывать преступную деятельность в течение длительного времени.

Изучение субъекта совершения любого коррупционного преступления предполагает познание его юридических признаков, а также личностных свойств во взаимосвязи с криминогенными признаками объекта посягательства. Исследованию общих юридических признаков субъектов коррупционных преступлений посвящена работа А. В. Баркова [210]. В данном исследовании мы уделили внимание свойствам личности должностного лица как субъекта взяточничества и их проявлениям в его деятельности.

Одним из важнейших условий результативности борьбы с коррупцией и взяточничеством является своевременный сбор и реализация достаточно полной информации о коррумпирующей деятельности должностных лиц. Анализ субъекта конкретного взяточничества необходимо основывать на общей информации о нем, содержащейся в криминалистической характеристике данного вида преступлений. Тем самым мы утверждаем, что некоторые сведения из криминалистической характеристики целесообразно использовать при изучении не только взяточника, но и иных материальных элементов структуры преступления. Практика изучения личности подозреваемого (обвиняемого) во взяточничестве часто не способствует достижению целей расследования уголовного дела, что обусловлено как субъективными, так и объективными причинами (загруженность следователей, их недостаточная профессиональная подготовка и др.).

По этой причине проблема изучения личности субъекта совершения взяточничества остается актуальной. Психологи рассматривают склонность к коррупции (соответственно, и к взяточничеству) как неотъемлемое свойство каждой конкретной личности, проявляющееся в период психологических неурядиц, стрессов, проблем и т. п. По мнению О. В. Ванновской, «оно базируется на потребности материальной компенсации недополученного в ходе развития личности, усиливается у людей с редуцированным восприятием моральных норм, с приоритетом потребительства во внутренней системе ценностных ориентаций» [211, с. 155; 212].

Основываясь на приведенной позиции, О. В. Ванновская выявила «признаки и закономерности формирования коррупционной личности государственных служащих:

- госслужащие с низкой нормативностью поведения и высокой общительностью более подвержены явлению коррупции, выше ее оценивают и придают большее значение деньгам;

- чем больше стаж работы в государственной службе, тем выше риск возникновения профессиональной деформации, в том числе и склонности к коррупции, и др.» [211, с. 156].

С мнением психологов следует согласиться, но признаки формирования коррупционной личности, о которых они говорят, всего лишь следствие иных объективных проявлений, влияющих на человека. Именно они, имея деструктивную составляющую, по нашему мнению, лежат в основе формирования личности коррупционера.

Рассмотрим общие основы формирования деструктивного поведения личности [213; 214], которые имеют непосредственное отношение к субъекту взяточничества.

Что же оказывает влияние на возникновение свойств (качеств) человека, способствующих формированию деструктивных свойств (качеств) его личности? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Требуется всестороннее и глубокое исследование различных факторов, которые в итоге приводят к отклонениям в сознании личности. В рамках нашего исследования обратим внимание на отдельные негативные факторы, отрицательно влияющие на личность человека и потенциально способствующие совершению коррупционных преступлений. Выявление таких факторов в процессе расследования уголовных дел позволяет определить стратегическое направление профилактической

деятельности государственных органов, осуществляющих противодействие коррупции и взяточничеству.

Значимым аспектом в формировании личности субъекта взяточничества является воспитательный процесс, предшествующий моменту совершения преступления и сопутствующий развитию личностной установки на преступную деятельность. Представляется недопустимым воспитание личности молодого человека, в основе которого лежат негативные примеры при отсутствии их отрицательной оценки. На особенностях воспитания человека в современный период мы акцентируем внимание в заключительной главе данной монографии, посвященной проблемам профилактики коррупции и взяточничества (см. п. 4.1.).

Процесс воспитания и формирования личности человека длительный и связан с восприятием, оценкой и накоплением разноплановой информации (сведений). При этом сформировавшаяся на определенном жизненном этапе личность способна меняться в результате информационного воздействия.

Наличие информации, возможность ознакомления с ней – благо для современного человека. Однако только в том случае, если информация носит позитивный (полезный) для него характер. Доступ человека к информации деструктивного характера в ряде случаев лучше ограничить, ведь не все люди в равной степени устойчивы к восприятию негативной информации.

Под *негативной (деструктивной) информацией* мы понимаем такие «сведения, которые целенаправленно оказывают воздействие на сознание человека, вызывают отрицательные эмоции и могут существенно влиять на психологическую структуру (свойства) его личности, приводят либо могут привести к противоправным деяниям. Такая информация может являться основой для формирования у человека устойчивой ориентации на совершение преступлений» [215, с. 137] и иных противоправных деяний.

Главный источник информации, который оказывает воздействие на сознание человека, выступает одним из факторов, влияющих на формирование личности, – это средства массовой информации. Под средством массовой информации согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» понимается форма периодического распространения массовой информации с

использованием печати, вещания теле- или радиопрограммы, глобальной компьютерной сети Интернет [216].

В век технологического прогресса современные люди не представляют свою жизнь без СМИ. Основное назначение этих средств – доведение информации до широких слоев населения как внутри государства, так и за его пределами. Важно, чтобы информация носила объективный и позитивный характер. Многое зависит от содержания и способов ее представления.

СМИ, распространяя определенного рода информацию, могут, как провоцировать совершение преступлений, так и быть пособниками преступников. В первом случае распространяемая через СМИ информация может способствовать развитию ксенофобии либо ее содержание характеризуется экстремистской направленностью. Такая информация побуждает отдельных личностей к совершению преступлений. Свидетельством тому являются события, произошедшие во Франции 7 января 2015 г. В офис сатирического журнала *Charli Hebdo* ворвались вооруженные люди и убили 12 человек [217, с. 6]. Мотив преступления – месть за опубликованную в журнале карикатуру на пророка Мухаммеда. СМИ также могут оказать содействие преступной деятельности, например, способствовать терроризму, для которого характерно наличие двух целей. Одна из них основная, связанная с идеологической концепцией, а вторая вспомогательная – запугать властные структуры, общественность и добиться от них реализации основной цели. В достижении вспомогательной цели террористам способствуют средства массовой информации (газеты, радио, телевидение), которые часто нагнетают страх в обществе, к чему и стремятся преступники, совершая насильственные преступления.

Посредством негативной информации сегодня формируется негативная модель общественного сознания. В условиях демократии и свободы слова любые идеи и элементы пропаганды через СМИ проникают в сознание обывателя. Поток низкокачественных иностранных сериалов, кинокартин, несущих идеи насилия и вседозволенности, влияет на психику людей, а в отдельных случаях содействует формированию отрицательных свойств личности и приводит к совершению различных преступлений.

Не вызывает сомнения, что СМИ используются как государственными, так и иными организациями для пропаганды

различных взглядов, идей, учений и т. д. С точки зрения изучения психологического воздействия на людей понятие «пропаганда» трактуется как механизм скрытого принуждения. Наиболее характерным, отражающим сущность пропаганды является определение английского теоретика Л. Фрезера, который полагает, что «пропаганду можно определить как искусство принуждения людей делать то, чего бы они не делали, если бы располагали всеми относящимися к ситуации данными» [218, с. 521]. Американский ученый Г. Лассуэлл подчеркивал: не цель, а метод отличает управление людьми с помощью пропаганды от управления ими при помощи насилия, бойкота, подкупа или других средств социального контроля [218, с. 521].

Мы считаем, что основой для формирования деструктивной личности взяточника служит процесс воспитания на отрицательных примерах без должной их оценки, подпитываемый общим негативным информационным сопровождением.

В ходе расследования уголовных дел изучению подлежит личность лица, совершившего преступление. В научной литературе выделяют четыре направления изучения личности обвиняемого: уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, криминологическое и криминалистическое [219, с. 23]. Отдельно друг от друга они не существуют. Так, вопрос о психическом здоровье лица значим для уголовно-правового направления исследования, так как уголовной ответственности подлежит только вменяемое лицо. Состояние невменяемости лица имеет значение и для уголовно-процессуального направления, например для решения вопросов об обязательности или необязательности предварительного следствия, о необходимости участия защитника в производстве по уголовному делу. Важен этот вопрос и для криминалистического направления исследования. Он служит основанием для выдвижения версий о психическом состоянии субъекта, определяет тактические приемы производства отдельных следственных действий в отношении невменяемых лиц.

Вопрос о вменяемости субъектов совершения взяточничества обычно не возникает, так как ими являются должностные лица, у которых психическое состояние здоровья определяется при назначении их на должность. Однако неизбежны исключения из этого правила. Психические отклонения должностного лица возможны в процессе осуществления им профессиональной деятельности. На основе

профессиональной деградации не исключены и иные проявления вредных склонностей, влекущих за собой криминальные деяния. Вызывает недоумение и крайнюю обеспокоенность случай, когда два работника прокуратуры были задержаны в связи с несанкционированным оборотом наркотических средств [220]. На практике вопрос о вменяемости может возникнуть в отношении взяткодателей или посредников во взяточничестве, не являющихся должностными лицами, но это исключительные случаи. Чаще возникают ситуации дачи взятки в состоянии алкогольного опьянения, что не исключает уголовной ответственности даже при осознанном раскаянии в момент наступившего протрезвления.

Криминалистический аспект в познании личности обвиняемого определяется основным назначением данной науки и предполагает изучение широкого диапазона ее свойств. Криминалистикой разработаны методы, средства, приемы и рекомендации по организации практической деятельности, направленной на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. Это позволяет выделить несколько направлений криминалистического изучения личности.

Первое направление связано с раскрытием и расследованием преступлений. В данном случае криминалистика призвана установить конкретное лицо, совершившее преступление, и определить его основные качества, т. е. дать ответы на вопросы: кто он? что он из себя представляет? Для решения указанной задачи используются все существующие достижения криминалистической техники: осуществляется обнаружение и изъятие следов рук, ног, зубов, следов биологического происхождения, изучается почерк личности и т. д.

Второе направление связано с предупреждением преступлений. Криминологическое и криминалистическое изучение социальных, биологических и психологических аспектов личности позволяет выявить причины преступности и конкретного преступления, предотвратить его. В ряде случаев познание причин преступлений связано с выявлением свойств личности обвиняемого [221, с. 57–58].

Вместе с тем недостаточно выявить конкретные характерные свойства (качества) личности подозреваемого (обвиняемого). Необходимо углубленно изучить все то, что послужило основой для их формирования. В этих целях в ходе расследования целесообразно

использовать разработанный в криминалистике *метод криминалистического анализа*. Для представления его значимости в познании личности субъекта взяточничества рассмотрим данный метод более детально.

В научной криминалистической литературе одним из первых об анализе как методе логики упомянул немецкий ученый-криминалист Эрих Анушат. В книге «Искусство раскрытия преступлений и законы логики» он не говорит непосредственно о криминалистическом анализе, а указывает на возможность применения анализа и синтеза как методов логики во время расследования преступлений. По мнению автора, эти методы используются для «умственного наблюдения» в практической деятельности по расследованию преступлений [222, с. 23].

Приступая к рассмотрению анализа как метода криминалистических исследований, следует помнить, что данный общенаучный метод наиболее полно представлен в философии, логике, социологии и других науках. Необходимо учесть, что существует большое количество видов анализа в зависимости от области научных исследований и практической деятельности (экономический, технологический, химический, психологический, социологический, биологический и т. д.).

Современные ученые-криминалисты также указывают на существенную значимость методов, основанных на логике. Однако особое внимание в исследованиях, несмотря на определенное количество методов логики, они уделили анализу как общенаучному методу, применяемому в теории криминалистической науки и в практике по расследованию преступлений.

Н. П. Яблоков в структуре исследования выделяет аналитическую стадию, сущностью которой является движение мысли от общих и отдельных качеств объекта. При этом ученый усматривает предел анализа: исследуемый объект детализируется до уровня элементарных признаков, что исключает его дальнейшее деление.

Анализ, используемый в криминалистике, Н. П. Яблоков представляет в качестве фундаментального приема, не зависящего от вида исследуемых объектов. Сосредоточив внимание на практическом применении анализа, ученый видит в нем средство построения криминалистических информационных и доказательственных систем [148, с. 58].

По мнению Р. Г. Зорина, криминалистическому анализу подвергаются не только элементы преступного деяния, но и материалы уголовного дела [223] как результаты деятельности следователя.

В сочетании с иными методами познания криминалистический анализ, считает Г. А. Густов, обеспечивает надлежащую глубину исследования криминалистической ситуации и различных объектов. Аналитическая деятельность пронизывает весь процесс предварительного следствия – от принятия дела к производству до завершения расследования [224, с. 26].

Формулируя определение понятия «криминалистический анализ», ученые указывают одно направление его использования: познание преступления (преступной деятельности) в процессе его расследования. Например, Н. В. Кручинина представила криминалистический анализ как совокупность познавательных процедур, направленных на наиболее полное познание преступления в целях его раскрытия и решение других задач уголовного судопроизводства. Она же назвала четыре основных направления использования криминалистического анализа для познания преступления:

- 1) изучение структуры преступления;
- 2) познание общих закономерностей образования следов-отображений;
- 3) исследование последствий совершенного преступления;
- 4) исследование противоречий, порождаемых преступлением [225, с. 5].

Заслуживает внимания первое направление использования криминалистического анализа: изучение структуры преступления. Выделив его, Н. В. Кручинина не отметила материальные особенности структурного построения преступления и специфику исследования его элементов. Вместе с тем она стала одним из первых ученых, выделивших структуру преступлений.

Рассматривая метод криминалистического анализа, Э. И. Оржинская приходит к выводу, что это «метод подхода к выявлению преступной деятельности, ее механизма во времени ее становления и развития, сущность которого состоит в условном расчленении исследуемого объекта (преступной деятельности) на отдельные составные части» [226, с. 54]. Представленное мнение верно, но оно лишь частично отражает возможность применения

криминалистического анализа. Данный метод используется в процессе повседневной деятельности следователя по расследованию преступлений.

Содержание метода анализа в каждой области научных исследований и практической деятельности имеет свою специфику, зависит от объекта исследования. По нашему мнению, криминалистический анализ призван обеспечить изучение всех объектов криминалистики.

Для эффективного осуществления криминалистического анализа необходимы определенные знания об объектах познания. Затруднительно анализировать отдельные элементы, не имея представления о структуре объекта, к которому они относятся. По этой причине «методологическую основу криминалистического анализа составляют знания криминологии, уголовного права, теоретических основ криминалистики» [179, с. 52] о преступлении и других объектах криминалистики. Данный метод основывается на теоретических знаниях о преступлении, накопленных уголовно-правовой наукой.

Сущность метода криминалистического анализа А. В. Дулов видит в максимальном использовании знаний криминалистики для изучения информации, которую приходится обрабатывать при расследовании уголовного дела. Чтобы использование этих знаний сформировалось в научный метод, ученый предлагает разработать четкий порядок, последовательность действий по применению средств и операций, что и создает структуру метода криминалистического анализа. А. В. Дулов считает, что метод криминалистического анализа призван реализовать системный подход при изучении преступления: «...так как метод криминалистического анализа является средством реализации в криминалистике системного подхода к исследованию, то при определении его общей структуры надо иметь в виду, что системный подход, в свою очередь, включает системно-структурный, системно-функциональный, системно-исторический (генезисный), системно-коммуникационный, системно-прогностический подходы» [179, с. 53]. Вышесказанное же определяет содержание метода криминалистического анализа, его элементов и этапов применения. Для познания личности взяточника в процессе раскрытия и расследования преступления применяется **субъектно-функциональный анализ**. Являясь разновидностью криминалистического, он предлагает исследование

функций субъекта взяточничества, осуществляемых для достижения преступного результата. В процессе анализа исследуются сознательные волевые действия, проявления функций человека в наступивших последствиях преступления.

Субъектно-функциональный анализ позволяет:

– выявить совокупность функций человека, осуществление которых обеспечивает достижение целей преступления;

– изучить существующие возможности совершения определенной функции конкретным лицом;

изучить особенности выполнения функции при совершении преступления конкретным лицом;

– установить психологические, профессиональные особенности, навыки, свойства, состояние человека в момент совершения преступления через анализ механизма действий и их результата;

– выделить совокупность взаимосвязанных действий человека, которые не могут быть произведены без предварительной сознательной подготовки и которые характеризуют реализацию заранее разработанного способа совершения преступления [227].

В ходе применения данного анализа можно также установить причинную связь между особенностями осуществления действий (функций) взяточника и его психологическими качествами, умениями и особыми профессиональными навыками. Кроме того, субъектно-функциональный анализ обеспечивает возможность выявления всего, что послужило основанием для формирования конкретных свойств (качеств) личности взяточника, определило мотивацию и направленность криминального умысла.

Изучение личности взяточника необходимо осуществлять по двум основным направлениям:

– изучение признаков, свидетельствующих об отнесении личности к категории должностных лиц, что позволит правильно выбрать тактические средства в определенной криминалистической ситуации. Неверное определение статуса лица, совершившего преступное деяние, влечет за собой не только ошибки в его квалификации на этапе досудебного производства, но и в его тактическом обеспечении.

Например, в процессе предварительного следствия деяние Б. было квалифицировано по ч. 2 и 3 ст. 430 УК. Предварительному расследованию предшествовала ОРД на основании заведенного дела

оперативного учета. Было осуществлено значительное количество ОРМ, в числе которых – прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативный эксперимент. В ходе судебного разбирательства суд установил, что обвиняемый Б. не является должностным лицом. Пользуясь своим служебным положением, Б. предоставлял С., заместителю директора коммерческой фирмы, информацию, что не классифицируется как юридически значимое действие. Информация, предоставленная С., помогла руководству фирмы в правильном выстраивании коммерческой деятельности, получении максимальной прибыли, заключении выгодных сделок и эффективном взыскании дебиторской задолженности с должников. Деяние Б. судом было переквалифицировано на ч. 3 ст. 433 УК «Принятие незаконного вознаграждения» [228];

– познание особенностей поведенческого характера должностного лица в различных ситуациях. От этого зависит эффективность задержания с поличным и изобличения взяточника. Например, «взяткодатель» Р. действовала под контролем сотрудников милиции. Она дважды в разные дни приходила к Г. на работу и склоняла принять взятку за предоставление торгового места, но Г. отказывался ее принять. Только третье посещение и попытка вручить взятку привели к тому, что Г. уступил настойчивой посетительнице, после чего был задержан [229, с. 169]. Такое поведение Г. свидетельствовало о его нежелании совершать преступление, что исключало какие-либо дальнейшие действия со стороны правоохранительных органов. Действия Р. и сотрудников милиции должны рассматриваться как провокация преступления.

Главное содержание познания личности взяточника – выявление признаков, характеризующих его как должностное лицо, а также изучение общественных отношений, складывающихся в процессе его деятельности на основе предоставленных полномочий.

Решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности конкретного должностного лица предполагает:

во-первых, необходимость соотнесения его должностного (служебного) положения с категорией должностей, предусматривающих в соответствии с законодательством ответственность за коррупционные преступления, в том числе за

получение взятки;

во-вторых, оценку его полномочий, в связи с которыми возможно совершение противоправных действий.

Закон «О борьбе с коррупцией» в ст. 1 называет две группы субъектов, имеющих отношение к коррупции [230].

К первой группе отнесены субъекты, совершающие правонарушения, которыми создаются условия для коррупции. Такими субъектами названы государственные должностные лица и лица, приравненные к государственным должностным лицам.

Вторую группу составляют субъекты собственно коррупционных правонарушений. К ним отнесены, кроме вышеназванных, иностранные должностные лица и лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц.

В категорию государственных должностных лиц согласно Закону о борьбе с коррупцией входят, например, лица, занимающие определенные должности, включенные в исчерпывающий перечень (Президент Республики Беларусь, депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе), иные государственные служащие [118] и др.

Перечень тех, кого следует относить к категории лиц, приравненных к государственным должностным лицам, содержится в абз. 4 ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией.

Важным направлением познания субъекта получения взятки является изучение и оценка его полномочий, в связи с которыми совершаются противоправные действия. Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова «полномочие – это право, предоставленное кому-нибудь на совершение чего-нибудь» [8, с. 449].

Полномочия субъектов правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений отражены в соответствующих НПА и должностных инструкциях. НПА, в которых содержатся полномочия изучаемых субъектов, подразделяются на три вида: Конституция (Основной Закон) Республики Беларусь, законы и подзаконные акты.

В качестве примера рассмотрим должностные полномочия

некоторых потенциальных субъектов взяточничества. На основе реализации ими полномочий затрагиваются интересы иных лиц, а также возможно возникновение коррупционных отношений, в ряде случаев приводящих к взяточничеству.

В Конституции содержится указание на отдельные полномочия высших и иных государственных должностных лиц. Например, Президент Республики Беларусь согласно ст. 84 Конституции наделен широкими полномочиями. Их обширный перечень, а в ряде случаев исключительный характер создает возможность нахождения президента в состоянии коррупционного риска. Имеют место примеры попыток установления коррупционных отношений с главой государства. Так, олигархи соседних стран предлагали президенту в качестве взятки 5 млрд. долларов США при условии продажи Белорусской калийной компании за поло-вину ее стоимости [231, с. 2].

Правовому статусу и полномочиям депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики посвящен специальный закон [232]. Реализация ими некоторых полномочий связана с коррупционным риском, возможностью установления коррупционных отношений.

Например, указанные должностные лица имеют право доступа в государственные органы, органы общественных объединений, организации, расположенные на территории Республики Беларусь. Обнаружив нарушения законности, они вправе направить представление в правоохранительные или контрольные органы. Осуществление этого права не исключает возможности совершения преступлений коррупционной направленности, в том числе получения взятки.

Кроме того, право законодательной инициативы, предоставленное депутатам Палаты представителей, также предполагает определенную опасность возникновения коррупционных отношений. Реализуя право законодательной инициативы, депутат Палаты представителей или группа депутатов на основе коррупционных отношений могут лоббировать интересы различных коммерческих организаций, противоречащие интересам государства. При этом коррупционные отношения, как правило, завуалированы, а совершаемые на их основе действия имеют высокую степень латентности. Выявить такие отношения возможно посредством проведения ОРД, которая в

отношении данных лиц специфична [233]. Должностной статус депутатов местного Совета соответствует такой категории должностного лица, как «представитель, уполномоченный участвовать в осуществлении государственной власти» (ст. 1) [234], т. е. представитель власти. В связи с этим не исключены коррупционные отношения представителя государственной власти с заинтересованными в таких отношениях субъектами [235].

Аналогично и представители общественности при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, отправлению правосудия выполняют функции представителей власти. Эти функции осуществляются не в связи с занятием должности в государственном органе, выполняются временно или по специальному полномочию и, как правило, не связаны с трудовой или служебной деятельностью лица. К таким лицам, в частности, относятся «члены добровольной дружины, внештатные сотрудники правоохранительных органов, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, участники объединений граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка, общественные инспекторы, народные заседатели» [236].

Не менее важным направлением при изучении личности взяточника является познание его характерных признаков, особенностей поведения в различных ситуациях, что весьма значимо для обеспечения эффективности задержания преступника с поличным. В целом для расследования значение имеют различные общие свойства субъекта. В их числе можно выделить физические, социально-демографические, биологические, психофизиологические и психологические.

Например, социально-демографические данные о личности (пол, возраст, образование, национальность и др.) позволяют определить круг лиц с точки зрения их вероятного участия в совершении преступления. В большинстве случаев познание указанных свойств субъекта возможно на основе изучения следов, оставленных им на объектах, относящихся к различным элементам преступной структуры [237].

На этапе подготовки к задержанию взяточника с поличным изучение личности должно вестись в целях познания его психологической структуры (свойств). Неполное владение информацией о свойствах

личности подозреваемого лица может привести к ошибкам при задержании. Простая же фиксация факта передачи-получения предмета взятки недостаточна для доказывания преступных намерений взяточников. Следует помнить, что современные взяточники благодаря СМИ осведомлены о методах работы правоохранительных органов. Владея информацией о возможном задержании сразу после передачи предмета взятки, они предпринимают различные меры предосторожности и противодействия. Зная об этом, не следует торопиться с моментом задержания, особенно в случаях, когда имеется заявление о вымогательстве взятки и заявитель сотрудничает с правоохранительными органами, оказывает им содействие в задержании преступника с поличным. В таком случае необходимо дождаться окончания встречи взяточполучателя и «взятодателя», получить информацию от заявителя («взятодателя») о поведении подозреваемого при получении взятки, а затем принимать решение о задержании с поличным.

Так, например, «проводился оперативный эксперимент по заявлению о вымогательстве П. взятки за оценку экскаватора. После получения акта оценки заявитель в кабинете П. достал из портмоне 120 тыс. рублей и со словами “как договаривались” протянул их последнему. Но тот взглядом и жестом руки указал на калькулятор, лежавший на столе, и “дал понять, что деньги надо положить под калькулятор”, что заявитель и сделал. После его ухода из кабинета туда сразу же вошли работники милиции, но на вопрос, получил ли он только что взятку за оценку транспортного средства, П. ответил отрицательно. По поводу же находившихся под калькулятором меченых денег заявил, что, когда он выходил к руководству подписать акт оценки, их подложил ему заявитель, который остался один в кабинете. Опровергнуть данное утверждение в процессе расследования не удалось. На руках и одежде подозреваемого отсутствовали следы “меченых” денег. На фонограмме разговор о деньгах (взятке) не зафиксирован. Он действительно выходил к руководству, а заявитель в его отсутствие оставался один в кабинете. В итоге расследование было прекращено в связи с недоказанностью участия П. в совершении преступления» [229, с. 175].

Как видно из примера, учет особенностей поведения личности в период, предшествующий получению предмета взятки, и в сам момент

ее передачи позволил бы избежать ошибок. Следует также иметь в виду, что собранная информация о личности взяточника обеспечивает возможность выбора тактических средств, применяемых при задержании преступника с поличным.

В целях задержания преступника с поличным в ситуации, когда имеет место информация о вымогательстве взятки, как правило, проводится оперативный эксперимент. Одновременно проверяется информация, содержащаяся в заявлении физического лица и послужившая поводом для начала оперативной проверки. Однако практика свидетельствует, что проведение оперативного эксперимента не всегда эффективно. В отдельных случаях негативную роль играют просчеты, допущенные работниками правоохранительных органов.

Например, был проведен оперативный эксперимент в отношении К. без предварительного оперативного осмотра будущего места происшествия. Отсутствие информации о месте передачи-получения предмета взятки привело к тому, что в период времени после ухода «взяткодателя» из кабинета К. и прихода туда оперативных работников он успел уйти из помещения через второй выходы спрятать полученные в качестве взятки деньги, которые так и не были найдены. В итоге цель оперативного эксперимента не была достигнута, а деньги оказались утерянными. Как следствие, предварительное расследование было прекращено за отсутствием в деянии состава преступления. Подобных примеров много, что указывает на необходимость тщательной подготовки к проведению оперативного эксперимента. Оперативные работники должны осуществлять рекогносцировку места, где будет проводиться данное ОРМ. Это необходимо для того, чтобы исключить возможность сокрытия (спрятать, выбросить в случае опасности) предмета взятки. В течение всего времени проведения оперативного эксперимента проверяемое лицо должно находиться в поле зрения оперативных работников. Необходимо осуществлять наблюдение не только за помещением, в котором происходит передача взятки, но и за прилегающей местностью [229, с. 171].

Проведение по предложенной схеме познания и анализа должностного положения, свойств личности субъектов коррупционных отношений позволяет выявить признаки взяточничества, своевременно решить вопрос о возбуждении уголовного дела и определить необходимые тактические средства раскрытия и расследования

преступления.

2.4. Объект и средство преступного посягательства при взяточничестве

Объект преступления – важный признак уголовно-правового состава. Существует тесная связь между ним и субъектом преступления. В результате осуществления своей деятельности субъект оказывает воздействие на объект преступления, что приводит к определенным изменениям в объекте, соответствующим действиям субъекта. Исследование изменений объекта позволяет познать и оценить действия субъекта с точки зрения соответствия целесообразности, логичности и правомерности их совершения.

Уголовно-правовое и криминалистическое понимание объекта преступления различается, что создает и теоретическую, и практическую проблему. Для ее решения необходимо рассмотреть развитие представлений об общем объекте преступления в уголовном праве и особенности его преломления в область криминалистического познания. На указанной основе можно выделить и проанализировать объект преступления как элемент материальной структуры взяточничества.

Еще в середине прошлого столетия ученые в области уголовного права указали на важность проблемы объекта преступления, недостаточную ее разработанность [238] и на наличие многих спорных аспектов учения об объекте преступления [239]. Казалось бы, что с тех пор все проблемы объекта преступления разрешились, но в действительности это не так. Сегодня проблема объекта преступления продолжает оставаться одной из самых сложных и спорных в теории уголовного права, а его понятие, как отмечают современники, является «наиболее дискуссионным в науке уголовного права» [240, с. 46].

Следует заметить, что на начальном этапе проблема объекта преступления разрабатывалась дореволюционными криминалистами. Например, В. Д. Спасович, формулируя определение понятия «преступление», утверждает, что это «есть посягательство на чье-либо право, охраняемое государством посредством наказаний» [241, с. 94]. А. Ф. Бернер в качестве объекта преступления видит общее и частное право, которое нарушается непосредственно и количественно [242, с.

400]. А. Ф. Кистяковский под объектом преступления понимал только человека «со всеми правами и учреждениями, которые им, как существом общественным, создаются» [243, с. 309].

По мнению С. В. Познышева, «объектом преступлений являются те конкретные отношения, вещи и состояния лиц или вещей, которые охраняются законом под страхом наказания. Их можно назвать для краткости правовыми благами» [244, с. 43].

Таким образом, можно заметить, что дореволюционные ученые, характеризуя объект преступления, усматривали в нем наличие как *абстрактной (общественные отношения), так и материальной (человек, вещи) составляющих*. Вне всякого сомнения, работы указанных авторов, несмотря на их содержательное различие, явились основой для дальнейшего изучения объекта преступления как уголовно-правового института. В послереволюционный период в советской литературе по уголовному праву сложился единый взгляд на объект преступления. Как заметил по этому поводу А. А. Пионтковский, «советская теория уголовного права, с первых лет ее существования, рассматривает объект преступления в качестве общественного отношения» [245, с. 133]. Такого понимания объекта преступления придерживалось большинство ученых советского периода.

В последние годы теория уголовного права пополнилась новыми концептуальными подходами к рассмотрению объекта преступления. Некоторые из них известны уголовному праву XIX в., но были популяризованы в наше время. Критический анализ основных концепций объекта преступления сделал Р. Д. Шарапов [246].

Незыблемым остается мнение об объекте преступления как охраняемых нормами уголовного права общественных отношениях. В связи с этим В. Н. Винокуров писал: «Фактические общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны – это социальное явление, не включающее в себя ничего материального, и, являясь основой правоотношений, составляют материальную предпосылку их возникновения. Элементами структуры общественных отношений являются субъекты отношений, их деятельность и предметы отношений» [247, с. 65]. Далее исследователь заметил, что «для вступления в общественные отношения необходим предмет, который бы представлял интерес для его участников (как потребность и цель взаимоотношений), поэтому он позволяет определить суть и специфику

конкретных общественных отношений». Автор ставит знак равенства между предметом отношений и непосредственным объектом: «Общественные отношения – это отношения по поводу каких-либо объектов, под которыми следует понимать все то, что входит в сферу потребностей людей» [247, с. 66–67]. Новый концептуальный подход к объекту преступления представлен в научном исследовании Г. П. Новоселова. Объектом любого посягательства, по его мнению, является человек [248, с. 51].

В теории уголовного права существуют и иные мнения относительно объекта преступления. Разнообразие концепций объекта посягательства рассмотрено белорусским ученым И. О. Грунтовым [244], который придерживается теории понимания объекта преступления как общественного отношения [249, с. 15; 250]. Исследователь отметил, что в научной и учебной литературе по уголовному праву Республики Беларусь в течение длительного времени придерживаются традиционной концепции общественных отношений как объекта преступного посягательства [251; 252]. Аналогичный подход закреплен и в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам применения права [253; 254].

В советском уголовном праве существовало множество взглядов ученых на понимание объекта взяточничества. Внимание всегда акцентировалось на представлении объекта получения взятки, несмотря на то, что и в советский период взяточничество охватывало несколько составов (получение и дача взятки). В советское время взяточничество относилось к группе должностных преступлений.

В начальный период (вторая половина XIX – начало XX в.), когда проблемы взяточничества начали осмысливаться с научной точки зрения, объект данного преступления еще не подвергался глубокому анализу. В советский период многие ученые непосредственным объектом взяточничества считали то, что фактически совпадало с родовым объектом должностных преступлений.

Проанализировав советский этап развития науки уголовного права, А. А. Пухов выделил шесть научных подходов определения объекта должностного преступления. Критерием для этого послужила общность (схожесть) научных взглядов. Считаем целесообразным рассмотреть эти подходы, ссылаясь на исследование А. А. Пухова: «Первоначально существовал научный подход, который определял объектом

должностного преступления “государственную дисциплину” (А. Н. Трайнин). Господствующим и принятым в советском уголовном праве определением объекта должностного преступления являлась “правильная, отвечающая интересам социалистического строительства работа государственного и общественного аппарата” (А. Н. Трайнин, М. Шаргородский, М. Красильников, З. Вышинская, В. Меньшагин, А. Герцензон, Н. Д. Дурманов, А. Б. Сахаров, Н. П. Кучерявый, В. Ф. Кириченко, Б. В. Волженкин, Б. В. Здравомыслов, Й. Й. Прапестис, Ю. И. Ляпунов). Идея третьего научного подхода заключалась в понимании под объектом должностного преступления государственного аппарата в целом (М. Исаев и А. Пионтковский). Суть четвертого – в признании объектом должностных преступлений “управления социалистическим государством и социалистическим хозяйством” (Б. С. Утевский). В рамках пятого подхода объект должностного преступления рассматривался с позиции личных качеств должностных лиц: “служебный долг (служебные обязанности) должностного лица”, “честность и неподкупность должностных лиц” (А. Жижиленко, М. Кожевников и П. Лаговьер, С. А. Голунский, Н. Дурманов, Г. Мишин). Шестой подход базировался на утверждении, что должностным преступлениям присущи два объекта: нормальная деятельность государственного аппарата и гарантированные законом права и интересы граждан (М. Шаргородский, К. Безносиков)» [255].

Не все советские ученые отождествляли объект взяточничества и родовой объект должностных преступлений. По мнению В. Ф. Кириченко и А. Я. Светлова, непосредственный объект взяточничества находится в зависимости от характера действий взяточполучателя. Указанные авторы считали, что если взятка получена за выполнение законного деяния, то имеет место один непосредственный объект посягательства, однако если в результате взятки совершаются незаконные действия, то преступник посягает на два объекта. С. Закутский отметил самостоятельный характер непосредственного объекта взяточничества, выделив его из совокупности родового и непосредственных объектов других должностных преступлений. В качестве непосредственного объекта взяточничества исследователь указал на публично-правовой характер оплаты служебной деятельности должностных лиц советского государственного аппарата.

А. А. Пухов сделал выводы: если под «объектом преступления

понимать общественные отношения, то родовым объектом должностных преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие соответствующее интересам службы содержание деятельности государственного, общественного и хозяйственного аппарата управления. В данном случае непосредственным объектом взяточничества будут являться общественные отношения, опосредующие публично-правовой характер оплаты служебной деятельности должностных лиц. Если же под объектом преступления понимать ценность, благо, то непосредственным объектом взяточничества будет выступать неподкупность должностных лиц. Неподкупность в данном случае выступает не как моральная категория, а как правовая ценность. Кроме всего прочего, неподкупность нарушается только взяточничеством, т. е. это та специфическая категория, которая отличает взяточничество от всех иных должностных преступлений» [255]. Объект преступления – основание (критерий) для построения Особенной части УК и объединения преступлений в главы по признаку единого родового объекта. В связи с этим правильное и единообразное определение объекта взяточничества имеет важное теоретическое значение для науки уголовного права, правоприменительной практики, а также для правильной квалификации уголовно наказуемых деяний.

В постсоветский период сохраняется проблема понимания и доктринального определения объекта взяточничества [256]. Наиболее приемлемым для правоприменительной деятельности считается определение объекта взяточничества, предложенное Б. В. Волженкиным: «Как и все преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, *взяточничество посягает на нормальную деятельность публичного аппарата управления* (курсив наш. – А. Х.)» [257, с. 166]. «Важнейшим условием правильного функционирования этого аппарата, – заметил Б. В. Волженкин, – является осуществление принципа публично-правовой, законной оплаты служебной деятельности должностных лиц. Должностное лицо обязано в своей деятельности руководствоваться интересами службы и может получать вознаграждение за свою службу <...> только в установленном законом порядке и ни в коем случае не частным образом от отдельных граждан и организаций, заинтересованных в том или ином действии (бездействии)

должностного лица» [257, с. 166]. Данное мнение поддерживает П. С. Яни [258, с. 75].

Ученые до сих пор указывают на проблему определения объекта взяточничества, замечая, что она не является только теоретической. Судам рекомендуется исследовать и учитывать объект взяточничества при назначении наказания. «При этом, – как считает В. Н. Борков, – недостаточно просто констатировать общественную опасность взяточничества и назвать разрушаемые общественные отношения, необходимо раскрыть их содержание, создав предпосылки для определения меры ущерба и индивидуализации ответственности» [259, с. 61].

Как «раскрыть их содержание» и как в дальнейшем на этой основе определять «меры ущерба», понимая, что объект преступления – определенная разновидность общественных отношений, В. Н. Борков не поясняет. Это, по всей видимости, невозможно. Сравнительный анализ позиций ученых в области уголовного права по рассматриваемому вопросу позволяет сделать вывод, что среди различия взглядов главным остается мнение об объекте взяточничества как общественном отношении. Высказанную мысль подтверждают и белорусские исследователи, уделившие внимание проблемам противодействия взяточничеству [260]. Рассматривая объект взяточничества с точки зрения общественных отношений, обеспечивающих, например, «нормальную деятельность публичного аппарата управления», затруднительно «раскрыть их содержание» по причине абстрактности данного элемента состава преступления. Получается замкнутый круг: с одной стороны, надо показать содержание этих отношений, которые, с другой стороны, не отражают действительность, т. е. являются абстрактными.

Решить обозначенную проблему посредством науки уголовного права из-за консервативности взглядов многих ученых не представляется возможным, по крайней мере, в настоящее время. Однако выход есть, и он проявляет себя в иной научной области, призванной исследовать реальность совершенного взяточничества, т. е. в криминалистике.

Криминалистика, по меткому выражению Г. Гросса, являясь наукой «о реальностях уголовного права» [143, с. 109], призвана изучать в первую очередь все материальное, что образует структуру

системы преступления. Один из элементов этой системы – объект преступного посягательства (в уголовном праве чаще используют термин «объект преступления»).

Объект преступного посягательства как элемент материальной структуры преступления существенно отличается от аналогичного элемента состава преступления, рассматриваемого традиционной и некоторыми новыми уголовно-правовыми концепциями. Упомянутые уголовно-правовые концепции неприемлемы для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия, используемого в криминалистике. Дело в том, что абстрактные по своей сути общественные отношения не отражают систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах. Уголовно-правовая концепция Г. П. Новоселова, в которой объектом преступления представлен человек, только частично отражает соответствующий криминалистической (материальной) структуре преступления элемент. Рассмотрев уголовно-правовые проблемы единообразного понимания объекта преступления, проанализировав с криминалистической точки зрения его общее представление и основываясь на этом, мы можем обратить внимание на особенности объекта взяточничества.

Любое упомянутое в Особенной части УК преступление, равно как и взяточничество, представляет собой абстрактную модель. Это характерно для уголовного права и является естественным для данной отрасли права. В дальнейшем в момент реализации преступного замысла, т. е. совершения, преступление проявляется в реальной действительности, что исключает возможность говорить о нем как об абстракции. В окружающей обстановке отражаются конкретные составляющие преступного деяния, кроме того, на них может быть оказано некоторое воздействие преступного характера, влекущее за собой изменения как окружающей среды, так и самих элементов преступной системы.

Определение объекта преступного посягательства как материального элемента взяточничества представляет определенную трудность, так как элемент преступной системы, на который оказывает воздействие субъект взяточничества, неочевиден.

Для понимания объекта посягательства с позиции криминалистики необходимо вспомнить, что общественные отношения, на которые

посягает взяточник, связаны с деятельностью «публичного аппарата управления» [257, с. 166]. В рамках этого системного образования субъект взяточничества осуществляет свою деятельность. Он реализует предоставленные ему полномочия, которые в момент совершения преступления используются против системы, вопреки ее интересам, когда нарушается нормальный, установленный законодательством, а также внутренними правилами порядок ее функционирования.

Что скрывается за понятием «публичный аппарат управления»? Данное понятие объединяет ряд самостоятельных терминов («публичный», «аппарат», «управление»), требующих рассмотрения как отдельно, так и в сочетании с другими.

Управление традиционно понимается как «процесс воздействия с определенной целью субъекта управления на объект управления» [261, с. 11]. Понятие «управление» в словарях русского языка представлено по-разному. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова управление – это «деятельность, направляющая и регулирующая общественные отношения через посредство органов государственной власти» [262]. В «Толковом словаре» С. И. Ожегова управление понимается как «деятельность органов власти» либо «крупное подразделение какого-нибудь учреждения, крупное административное учреждение» [263]. Энциклопедический словарь дает следующее определение понятия «управление»: элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ [264].

Анализ приведенных примеров и дальнейшее рассмотрение источников толкования слова «управление» позволяет сделать вывод, что оно является ключевым звеном в системе взаимосвязи между субъектом и объектом.

Понятие «публичный» применяется для обозначения того, «что не погружено в себя, не партикуляризовано и что, следовательно, связано с “другим”, заинтересовано в нем и живет его жизнью. Отсюда идея “публичности” указывает на связь с “обществом”, предполагает отношение к обществу как к целому» [265].

Понятие «публичное управление» (*public governance*) впервые упомянул в 1887 г. Вудро Вильсон в работе «Наука государственного

управления» [261, с. 14]. Термин «публичное управление» активно используется не только в научном обороте, но и в лексике государственных служащих различного уровня (федеральный, республиканский и местный) в Беларуси и России, в СМИ.

«Если рассматривать смыслы слов “публичный” и “управление”, то словосочетание “публичное управление” приобретает несколько иной смысл. А. Н. Чудинов в словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, дает следующее определение слову “публичный” – (по лат. *publicus*) явный, известный; для публики, для общества, для народа устроенный, общедоступный, всенародный» [261, с. 16].

Следовательно, можно согласиться с выводом, что под «публичным управлением» понимается открытое, гласное, происходящее в присутствии людей управление, предназначенное для публики, общества, находящееся в их распоряжении» [261, с. 16]. Аппарат управления представляет собой «совокупность органов, служб и подразделений, основной задачей которых является осуществление управленческих процессов» [266].

Таким образом, публичный аппарат управления следует рассматривать в качестве субъекта (в организационном плане), реализующего функцию управления (воздействия, влияния) в отношении объекта в целях обеспечения существования, сохранения и развития определенного системного образования, элементами которого является некоторое множество субъектов и объектов.

Реализация управленческой функции осуществляется посредством деятельности входящих в состав (штат) субъекта управления физических лиц. Они наделены соответствующими их статусу полномочиями и им предоставлено право принимать управленческие решения. Фактически речь идет о должностных лицах, которые единолично или коллегиально образуют субъект управления. В зависимости от организационного положения субъект управления ориентирован на осуществление управленческой функции в государственной или общественной сфере деятельности.

Деятельность должностных лиц в любом государстве регламентирована нормативными правовыми актами законодательного, а также подзаконного уровня. Она должна соответствовать следующим условиям:

осуществление деятельности должностного лица в пределах правил, установленных нормами законодательства;

согласование деятельности должностного лица с интересами государства и общества.

Соблюдение названных условий обеспечивает *нормальное функционирование субъекта управления, элементом (звеном) которого является каждое должностное лицо*, входящее в его состав. Несоблюдение же этих требований, совершение действий, выходящих за пределы предоставленных должностному лицу полномочий, приводят к различным нарушениям, которые с юридической позиции оцениваются как дисциплинарные (служебные), административно-правовые, гражданско-правовые проступки или уголовные преступления.

Таким образом, мы приходим к пониманию **объекта преступного посягательства** как элемента материальной структуры взяточничества, в качестве которого следует рассматривать предусмотренное белорусским законодательством значительное количество государственных и общественных органов (организаций), представляющих собой субъекты управления различного уровня, должностные лица которых совершили взяточничество.

Совершив взяточничество, должностные лица причиняют вред, т. е. посягают на нормальную деятельность того органа или организации, в которых осуществляется их служебная деятельность. Причиняемый вред может быть реальным, т. е. определяемым в денежном выражении, или условным, не имеющим фактического проявления. Вне зависимости от внешнего проявления причиненного вреда взяточник посягает на деловую репутацию того субъекта управления, звеном которого он является.

Вступая в процесс взаимодействия с объектом посягательства, субъект взяточничества в ряде случаев не может достичь преступной цели без использования иных объектов, предметов окружающей среды, которые облегчают достижение преступного результата и выполняют в криминалистической структуре роль средств преступления. Средства могут быть использованы на всех этапах развития взяточничества: подготовки, совершения и сокрытия. На каждом из этапов могут применяться различные средства, но на этапах подготовки и совершения преступления не исключается использование одного и того же средства. Средства совершения взяточничества содержат криминалистически значимую информацию об иных элементах его

структуры.

Анализ уголовных дел о взяточничестве позволяет сделать вывод: из представленного множества групп средств совершения преступлений чаще всего используются документы. Они фигурируют при совершении многих преступлений. Документы необходимо рассматривать в качестве средства совершения преступлений в экономической, финансовой, налоговой и других сферах человеческой деятельности. Впервые внимание на документы как средства совершения преступлений обратил Г. А. Шумак, который проанализировал один из видов коррупционных преступлений: хищения, совершаемые должностными лицами (ст. 210 УК). Исследователь отметил, что «наиболее распространенным средством совершения хищений являются различного рода документы (нормативные, учетные, удостоверяющие), содержащие материальный или интеллектуальный подлог» [191, с. 140].

При расследовании взяточничества необходимо изучать те документы, которые отражают служебную деятельность должностного лица. Именно в них могут содержаться сведения, указывающие на взаимосвязь взяточполучателя и взякодателя. Документы, регламентирующие деятельность должностного лица, могут содержать информацию о его незаконных действиях, совершенных в интересах дающего взятку или представляемых им лиц.

Анализ документов позволяет выявить различные злоупотребления должностного лица своими служебными полномочиями, в том числе совершенными за взятку. Указанные документы следует рассматривать как результат деятельности должностного лица с негативным содержанием, противоречащим законодательству и общественной нравственности.

В практике расследования встречаются случаи, когда должностное лицо не приняло решение, закрепленное в документе, но по обстоятельствам своей служебной деятельности должно было и могло принять это решение, придав ему форму документа. Отсутствие документа с положительным содержанием служит основанием для дальнейшей проверки деятельности должностного лица в целях выявления факта получения взятки за бездействие.

Документы выступают средством совершения преступления в системе действий должностного лица, т. е. взяточполучателя. Однако

следует помнить, что в совершении взяточничества принимают участие иные лица, в отношении которых также предусмотрена уголовная ответственность. Ими являются взяткодатель и посредник во взяточничестве, использующие иные средства совершения преступления. Необходимость их использования обусловлена различием в способах передачи предмета взятки. Не всегда денежная сумма передается взяточнику в наличной форме. Деньги могут быть перечислены на банковский счет (пополнение электронного кошелька, например Webmoney) взяткополучателя. В такой ситуации банковские или иные финансовые учреждения в системе взяточничества выступают в качестве средства совершения преступления. На подобную функцию организаций в системе преступной деятельности указали Е. Курицина и С. В. Шолохов. Они рассматривают юридическое лицо [267] и коммерческую организацию [268] в качестве орудия совершения преступлений. Оспаривая приведенное мнение, Н. В. Висков указал, что орудием совершения преступления может являться только материальный предмет, а юридическому лицу как абстрактной правовой конструкции не характерна овестьвленность [269]. Соглашаясь с мнением Н. В. Вискова об абстрактности понятия «юридическое лицо», мы считаем, что конкретные организационные формы юридических лиц в виде предприятий, учреждений, фирм могут выступать средством, но не являются орудием совершения преступления. Современные процессы глобализации обусловили развитие информационных технологий и компьютерной техники, что допускает их использование в обеспечении способа передачи предмета взятки. В связи с этим вопрос о противоречии между прогрессом и безопасностью остается открытым. Компьютерную технику, компьютерные программы как средства совершения преступлений следует рассматривать в самостоятельной группе технических средств совершения взяточничества. В некоторых случаях судами в качестве средства совершения преступления по делам, связанным со взяточничеством, признается техника иного назначения.

Например, по одному уголовному делу мобильный телефон, использованный обвиняемым для общения с потерпевшим, был конфискован в доход государства как средство совершения преступления [270]. По другому уголовному делу аналогичный телефон, несмотря на содержащуюся в нем значимую для определения вины

информацию, не рассматривался в качестве средства совершения преступления [271]. На основании вышеизложенного можно констатировать следующее:

1) отсутствие в теории уголовного права единого мнения об объекте преступления. В научной и учебной литературе по уголовному праву Республики Беларусь придерживаются традиционной концепции общественных отношений как объекта преступного посягательства. Проблема объекта преступления обусловила необходимость дальнейшей теоретической разработки данного института уголовного права. В результате появились новые взгляды на указанную проблему. В качестве объекта преступления предлагается рассматривать социальные блага (интересы) и человека;

2) неприемлемость уголовно-правовых концепций для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия криминалистики. Абстрактный характер общественных отношений, социальных благ (интересов) исключает возможность отразить систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах;

3) необходимость унификации научных категорий, которыми оперируют науки уголовно-правового цикла, обусловленная развивающимися интеграционными процессами. Реализация этого будет способствовать решению многих проблем теоретико-прикладного характера;

4) наиболее распространенное средство совершения коррупционных преступлений – различного рода документы. В них вносятся изменения, либо они могут быть специально оформлены в ходе преступной деятельности. Например, при злоупотреблении должностное лицо совершает действия по службе, не выходящие за пределы полномочий, но не в интересах службы, где должностное лицо вправе премировать работников, однако принимает решение о премировании того, кто этого не заслуживает.

2.5. Предмет взятки как элемент материальной структуры взяточничества

Нормы уголовного права, устанавливающие ответственность за взяточничество, должны адекватно отражать степень общественной

опасности данного вида преступлений и в полной мере обеспечивать реализацию уголовной ответственности в отношении лиц, виновных в их совершении. В нормах уголовного закона не должны содержаться формулировки, допускающие разнообразие в их толковании.

Для любого научного работника, а также в практике работы следователя, прокурора, судьи признаки состава, установленные законодателем, даже в случае их оценочного характера, должны быть однозначными и предельно ясными. Предмет взятки является сложным признаком преступления, на что обращают внимание многие ученые [272, с. 56].

В этом смысле законодательное определение предмета взятки и разъяснения Верховного Суда Республики Беларусь относительно ее признаков нельзя признать полностью удовлетворительными.

В соответствии с УК взятка может быть в виде «материальных ценностей» либо «выгод имущественного характера» (ст. 430 УК). Такая формулировка порождает ряд вопросов, которые частично урегулированы соответствующим постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве». Согласно п. 5 данного постановления «предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т. п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т. п.)» [273].

Таким образом, взятка представляет собой имущественную выгоду для должностного лица, которое выполняет (либо не выполняет) свои служебные действия в интересах ее дающего [274, с. 20–21].

В качестве **предмета взятки** выступают преимущественно *деньги*. Для этих целей используется как отечественная, так и иностранная валюта. Основным требованием к деньгам как к предмету взятки является нахождение их в обороте на момент совершения преступления. В настоящее время во многих государствах, в том числе Республике Беларусь, введены в оборот электронные деньги, что позволяет злоумышленникам использовать технические возможности многочисленных электронных платежных систем и интернета. В

ситуации использования электронных денег взяткодатели и взяткополучатели существенно затрудняют процесс их изобличения в совершении преступления. В целях передачи такого предмета взятки служит электронная почта взяткополучателя. Ему сообщается код электронных денег, которые затем обналичиваются в банкоматах компаний – гарантов Webmoney [275, с. 38].

Следует обратить внимание на еще одну разновидность электронных денег – криптовалюту. Ее появление обусловлено интенсивным развитием информационных технологий, а также объективными процессами, происходящими в мировой экономике. Криптовалюта – разновидность цифровой валюты, имеющей вид электронных денег. Она используется в качестве альтернативной или дополнительной валюты [197; 276]. В практике противодействия преступности известны первые случаи совершения преступлений, где предметом посягательства выступает криптовалюта [277, с. 226]. Учитывая высокий уровень латентности взяточничества, нельзя исключать, что при его совершении в качестве предмета взятки может использоваться криптовалюта, контроль оборота которой еще не урегулирован.

Предметом взятки могут быть *ценные бумаги*, к которым согласно ст. 144 Гражданского кодекса Республики Беларусь относятся: государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги и другие документы. Взятка в виде ценных бумаг не характерна для уголовной практики в Республике Беларусь. В зарубежных государствах подобная ситуация «выглядит в виде включения лица в акционеры какой-либо коммерческой организации путем передачи ему части акций» [278, с. 497]. В нашей стране подобное исключается изначально, так как в Законе «О государственной службе в Республике Беларусь» для государственных служащих предусмотрена обязанность передать такие акции на ответственное хранение в государственные органы (п. 3 ст. 22) [118]. Невыполнение этого условия лишает права на занятие государственной должности.

Деньги и ценные бумаги согласно ст. 130 ГК приравниваются к вещам и относятся к такой их разновидности, как движимое имущество. Предмет взятки в виде вещей может быть представлен

весьма значительным количеством объектов. Понятие «вещь» не относится к категориям уголовного права, а является объектом исследования гражданского права. В ГК все вещи разделены на две группы: недвижимые и движимые (ст. 130).

Следовательно, вещи, передаваемые в виде взятки, могут быть как недвижимыми, так и движимыми. В соответствии с гражданским законодательством к недвижимому имуществу относятся: «земельные участки, участки недр, поверхностные водные объекты и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе леса, многолетние насаждения, капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения, изолированные помещения, машино-места. К недвижимым вещам также приравниваются предприятие в целом как имущественный комплекс, подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, суда плавания “река – море”, космические объекты. Законодательными актами к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество» (ч. 1 ст. 130 ГК). Однако если предметом взятки выступает недвижимое имущество, то должностному лицу передается право собственности на него, которое оформляется соответствующей гражданско-правовой сделкой [279, с. 107].

Предметом взятки может являться *движимое имущество*, которое также выступает объектом гражданско-правовой сделки, вуалирующей коррупционные отношения.

Например, по одному из уголовных дел предметом взятки послужил автомобиль «Тойота Хайлюкс». В связи с необходимостью сокрытия факта безвозмездного получения автомобиля взяточдателем был составлен фиктивный договор купли-продажи между взяточником и третьим лицом, не осведомленным о коррупционной сделке. Оплату за автомобиль производил взяточдатель в несколько платежей [228]. Криминалистический анализ имущественного состояния должностного лица, заключенных им гражданско-правовых сделок может способствовать выявлению признаков коррупции, в частности взяточничества.

Не все виды недвижимого имущества могут быть предметом взятки. Например, леса, многолетние насаждения, участки недр, воды и

подобные объекты не могут являться предметом взятки, так как находятся в государственной собственности [279, с. 107].

Изъятые из гражданского оборота вещи (предметы), например оружие, наркотические средства, могут быть предметом взятки в связи с их имущественным характером. Однако дача-получение таких вещей (предметов) предполагает дополнительную квалификацию по статьям об ответственности за их незаконный оборот, что в равной степени касается и взяткодателя, и взяткополучателя [280].

Вещи, не относящиеся к недвижимости, в том числе деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется (ч. 2 ст. 130 ГК).

Понятие «выгоды имущественного характера» как предмет взяточничества также неоднозначно. Следует отметить, что в отличие от ст. 430 УК, в которой используется термин «выгоды имущественного характера», Верховный Суд Республики Беларусь в п. 5 вышеназванного постановления, толкуя данное понятие, использует выражения «различного вида услуги» и «работы», которые имеют имущественный характер. Такое несущественное на первый взгляд различие может повлечь отрицательные последствия для правоприменительной практики. Представляется, что приведенная формулировка сужает круг объектов, относимых к предмету взятки. Понятие «услуга» в большей степени является гражданско-правовой категорией, хотя ГК и не содержит его дефиниции.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова понятие «выгода» определяется как «польза, преимущество» [8, с. 91]. Термин «услуга» имеет два значения: «действие, приносящее пользу, помощь другому» и «бытовые удобства, предоставляемые кому-нибудь». Следует обратить внимание, что в основе выгоды и услуги лежит получение какой-либо пользы, т. е. положительных последствий для ее приобретателя. В то же время услуга может иметь и нематериальный характер, что выходит за рамки выгоды имущественного характера как основания для признания предмета взятки. В связи с этим предметом взятки может быть не любая услуга, а только та, которая имеет материальный характер.

Понятие «выгода имущественного характера» по объему шире понятия «услуга имущественного характера». Оно охватывает собой как правомерные, так и неправомерные действия по удовлетворению различных потребностей человека [281, с. 87–88]. Выгоду для

взяткодателя может представлять также и работа, выполненная в его интересах или интересах его близких, например произведенный в его (их) жилище ремонт.

Сравнение определений позволяет сделать вывод, что понятие «выгода» действительно шире понятия «услуга», так как выгода может быть получена и в результате выполненной в чьих-либо интересах работы. Понятие «работа» не соответствует понятию «услуга». В связи с этим мы соглашаемся со следующим мнением А. Р. Хасеновой: «Любые имущественные услуги могут трактоваться как получаемая польза, т. е. выгода», но не считаем верным, что «не любая приобретаемая выгода может быть представлена в виде работ или удобств, т. е. услуг» [278, с. 498]. Получается, что выгода может быть предоставлена чем-то иным, кроме работы или услуги. А. Р. Хасенова отмечает: «...оплата расходов и развлечений должностного лица, оплата его долга, занижение стоимости передаваемого имущества, приватизируемых объектов являются имущественными выгодами, не являясь при этом услугами» [278, с. 498]. С этим можно было бы согласиться, если не учитывать, что услуга – «действие, приносящее пользу, помощь другому» [8, с. 686].

Приведенные А. Р. Хасеновой примеры указывают именно на действия (оплата расходов, долга должностного лица, занижение стоимости передаваемого ему имущества и т. д.), которые совершаются в интересах получающего таким образом взятку и приносят ему выгоду имущественного характера. Подтверждением служит пример из работы П. С. Яни. Анализируя судебное решение по одному из уголовных дел, исследователь обратил внимание, что судом «выгоды в обвинении не упоминались», а обвиняемые согласно приговору «по предварительному сговору между собой, пользуясь своим должностным положением, получили взятки от стремившегося избежать проверок директора... в виде обедов и ужинов...». «Суд посчитал обеды взяткой в виде имущества, то это вряд ли верно, поскольку размер взятки определяется в этом случае не только ценой продуктов как имущества, а и стоимостью услуг ресторана, включающей затраты на закупку и хранение продуктов, заработную плату обслуживающего персонала (поваров, официантов, разнорабочих, бухгалтеров и т. д.), аренду и содержание помещения, обеспечение безопасности (пожарной, физической) посетителей, охрану их транспорта и др. Ясно, что,

получив имущественную выгоду в виде сбережения своих средств, бесплатно Гуров и Гашев получили, прежде всего, услугу, и это должно было найти отражение в обвинении» [282, с. 18].

Вне зависимости от того, предоставлена услуга имущественного характера взяткодателем лично или была им оплачена, для взяткополучателя она представляет собой выгоду имущественного характера.

Вместе с тем в уголовном праве неоднозначен и вопрос о возможности признания предметом взятки *услуг, носящих запрещенный характер*. В качестве примера таких услуг чаще всего рассматриваются услуги, связанные с удовлетворением сексуальной потребности. В связи с этим в учебнике по уголовному праву 1997 г. под редакцией И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселова сказано: «...если должностному лицу предоставляют мужчину или женщину, чьи услуги оплачены, о чем субъект осведомлен, то принятие такой услуги, без сомнения, должно квалифицироваться по ст. 290 УК» [283, с. 543], т. е. получение взятки. Сексуальные услуги в качестве предмета взятки признаются не всеми учеными. Никто не отрицает факта существования проституции в обществе. Однако оказываемую услугу можно считать имущественной выгодой только в случае ее легального характера, а сексуальные услуги таковыми не являются [279, с. 109].

Вызывает также разногласия вопрос, могут ли быть предметом взятки фиктивные документы (дипломы, аттестаты и т. п.). А. В. Грошев считает, что «нет достаточных оснований... признавать в качестве предмета взятки фиктивные документы» [274, с. 59]. С ним соглашается Н. А. Лопашенко: «Имущественная выгода здесь отнюдь не безусловна, и незаконное получение фиктивных дипломов... не означает, что должностное лицо получит в результате их использования имущественную выгоду» [279, с. 108]. Предмет взятки должен обладать свойством имущественной ценности в момент принятия взятки. Аналогично следует рассматривать и выгоду, имущественный характер которой должен проявляться непосредственно в момент передачи предмета взятки. Предположительная возможность получить выгоду от использования документа в неопределенном будущем исключает признание его предметом взятки. По нашему мнению, главное свойство предмета взятки – ее имущественный характер, проявляемый в момент его передачи (предоставления) взяткополучателю. Этот признак позволяет

отделить преступное и не преступное поведение субъектов, а также отграничить взяточничество от смежных составов.

Выше названы некоторые проблемы, связанные с таким неоднозначным в уголовно-правовой теории понятием, как предмет взятки. Он представляет интерес и для криминалистики, которая является наукой «о реальностях уголовного права» [143, с. 109]. Данное понятие используется и как объект теоретических исследований, и в практической деятельности. Вместе с тем его понимание учеными-криминалистами неоднозначно, особенно в настоящее время, когда в криминалистике происходит серьезная ревизия ключевых научных категорий.

В учебной литературе по криминалистике 1970-х гг. предмет взятки не конкретизирован, нет информации о его характере. В качестве предмета взятки рассматривают какие-либо вещи или деньги. Их передача осуществляется под различным предлогом: обмен дорогой вещи на менее ценную, проигрыш в карты (иные азартные игры), получение денег по фиктивному трудовому договору и т. п. Обращается внимание на необходимость доказывания предмета взятки, его признаков, источники получения средств для дачи взятки.

В отдельных учебниках и справочных пособиях для практических работников о предмете взятки практически ничего не говорится. Учебники по криминалистике начала нынешнего столетия уже содержат перечисление всего, что может являться предметом взятки, со ссылкой на нормы УК.

В работе, написанной Н. П. Яблоковым, также подчеркивается значимость предмета взятки, знание особенностей которого позволяет «разобраться в деталях механизма преступления (в наличии особых связей между субъектами взяточничества, предварительной договоренности между ними и др.) и его способе» [284, с. 353].

В курсе криминалистики, составленном учеными-криминалистами под редакцией О. А. Коршуновой и А. А. Степанова [149], предмету взятки отводится существенная роль. В книге не только рассматриваются различные виды предметов взятки, но и обосновывается необходимость детализации в процессе доказывания описания и установления их индивидуальных свойств и признаков.

Изложенная в курсе криминалистики информация свидетельствует о значимости предмета взятки, его ключевой позиции в системе

доказывания события преступления. Однако не все действия в данной работе представлены в отношении предмета взятки. Ничего не говорится о подготовке предмета, предшествующей моменту его передачи взяточнику. Анализ многочисленной учебной и научной криминалистической литературы позволяет сделать вывод: вопрос о предмете преступления (в нашем случае это соответствует предмету взятки) рассматривается, как правило, в рамках такой научной категории, как криминалистическая характеристика [141, с. 238]. В то же время криминалистическое описание предмета взятки за редким исключением или отсутствует, или изложено поверхностно, без указания на существенные криминалистически значимые свойства.

Мы же считаем, что максимально подробное криминалистическое описание предмета взятки имеет существенное значение для практической деятельности и не должен возникать вопрос, где следует отражать криминалистическую информацию о предмете взятки. Ответ на него очевиден: сведения о предмете взятки должны содержаться в криминалистической характеристике взяточничества. С такой позицией согласится большинство ученых-криминалистов, а также практических работников. Мы также уверены, что предмет взятки является одним из главных элементов криминалистической характеристики взяточничества, сведения о котором должна содержать данная научная категория.

Следует заметить, что в криминалистике предмет взятки понимается неоднозначно. Его рассматривают как один из элементов криминалистической характеристики взяточничества, описывая в соответствии с уголовно-правовыми нормами, либо видят в нем материальный элемент структуры преступления.

В последнем варианте также имеются разногласия. По мнению С. П. Кушниренко, элементами криминалистической структуры взяточничества кроме предмета взятки являются «субъекты преступления (взятокодатель, взятокополучатель, соучастники взятокодателя, соучастники взятокополучателя), их физическая и психическая деятельность, выражающаяся в умысле, целеполагании и мотивации, место и время взяточничества» [285, с. 485].

А. Е. Гучок в системе взяточничества выделяет предмет преступления. На данный элемент преступления не совершается преступное посягательство, а также он не используется в качестве

средства совершения преступления. В структуре взяточничества предметом преступлений выступает «предмет взятки во всех видах их материального выражения» [185, с. 70].

В целом данное утверждение верно, но оно лишь частично отражает криминалистическую составляющую в понимании предмета взятки. Структуру анализируемого преступления составляют «субъекты, совершающие преступление, предмет или предметы преступления» [194, с. 75]. Это следует признать справедливым только для некоторых случаев совершения взяточничества.

Например, взяткодатель предлагает врачу денежную сумму за выдачу ему справки (листка) о временной нетрудоспособности. Врач принимает деньги и необоснованно оформляет необходимый документ. В этом случае действительно отсутствует посягательство на предмет преступления, т. е. на предмет взятки. Однако имеют место криминальные ситуации, когда должностное лицо за совершение действий, которые оно должно совершать в силу предоставленных полномочий, требует взятку (определенную сумму). Равнозначны ли приведенные примеры? Ответ очевиден – нет. В чем же тогда разница? По всей видимости, во втором примере имеет место посягательство на предмет взятки, т. е. ту денежную сумму, которую требует должностное лицо за совершение действий в интересах обратившегося к нему гражданина. Для понимания различия необходимо рассмотреть толкование слова «посягательство». В словаре русского языка оно определяется как «попытка (незаконная или осуждаемая) сделать что-нибудь, распорядиться чем-нибудь, получить что-нибудь и т. п.» [8, с. 463].

Следовательно, требование взятки является случаем преступного посягательства на ее предмет. В приведенном примере предметом взятки выступают деньги, которые незаконно пытается получить должностное лицо. Изложенное позволяет сделать вывод, что предмет взятки в материальной структуре взяточничества может быть не только предметом преступления, но и предметом преступного посягательства.

Предмет преступного посягательства в структуре преступления – материальный элемент, который определяет целевую направленность совершаемого деяния. Должностное лицо, которое требует за выполняемые действия деньги или иные материальные ценности, имеет цель на завладение ими в процессе своей служебной деятельности.

Встречаются и иные ситуации, когда предмет взятки в преступной структуре играет роль предмета преступного посягательства. Речь идет о совершении преступления путем вымогательства взятки (ч. 2 ст. 430 УК). Используя данный способ, должностное лицо реализует умысел на получение взятки посредством требования, сопровождаемого угрозой неблагоприятных последствий для обратившегося к нему гражданина. В некоторых случаях виновный предварительно создает условия, оказавшись в которых гражданин находится в сложной ситуации принятия решения. Ему предстоит выбрать одно из двух возможных решений: либо дать должностному лицу взятку и избежать неблагоприятных последствий, связанных с его дальнейшими действиями, либо не давать взятку, но претерпеть негативные в отношении себя последствия. Учитывая сложность ситуации, а также возможные последствия и их тяжесть, гражданин нередко выбирает первый путь решения возникшей проблемы, т. е. предлагает должностному лицу взятку, при этом сам совершает преступление, становится взяткодателем. В приведенной ситуации предмет взятки выступает предметом преступного посягательства. В практике противодействия коррупции есть примеры, когда должностное лицо создает для гражданина неблагоприятные условия, которые фактически являются провокационными. При этом требование может быть заявлено либо отсутствует, но на него объективно указывают особенности поведения должностного лица. Гражданин оказывается в ситуации выбора варианта решения возникшей проблемы. В действительности должностное лицо имеет иную цель и реализует в направлении ее достижения умысел «подставить» потенциального взяткодателя и реально привлечь его к уголовной ответственности.

Например, Ш., являясь оперуполномоченным группы БЭП, доложил руководству ОВД, что за не привлечение к ответственности С. та предлагает ему взятку в размере 500 долларов США. Руководством отдела было принято решение о проведении оперативного эксперимента. После прихода С. в ГОВД Ш. провел ее в свой служебный кабинет и, создавая условия для дачи взятки, запер входную дверь. С. длительное время не решалась передать деньги Ш., но он, вместо того чтобы пресечь попытку дачи взятки, уговорил ее сделать это. Когда С. положила на стол перед Ш. указанную сумму, он подал

сигнал коллегам, которые задержали С. на выходе из кабинета [229, с. 51].

В правоприменительной деятельности должностных лиц правоохранительных органов немало случаев, когда граждане совершили проступки, влекущие, например, административную ответственность. В этой ситуации должностному лицу, например сотруднику ОВД, нет необходимости создавать неблагоприятную для гражданина ситуацию, она уже сложилась в результате неправомерного поведения последнего. В дальнейшем даче-получению взятки предшествует подготовительный период. Правонарушитель вступает в общение с представителем власти, выясняет у него возможные для себя последствия привлечения к ответственности. Прояснив ситуацию, гражданин высказывает предложение, просьбы, выгодные для него, намекает на возможность решения проблемы иным путем. Если сотрудник правоохранительного органа проявляет беспринципность, не категоричен в своей позиции представителя власти, уклончиво отвечает на вопросы нарушителя, то это определяет дальнейшее поведение привлекаемого к ответственности лица. Дальше ситуация развивается по одному из двух возможных вариантов. При первом неприступный сотрудник правоохранительного органа выполняет возложенные на него обязанности, оформляет документы, необходимые для привлечения виновного к ответственности, и резко пресекает всякие попытки оказать на него воздействие, как со стороны правонарушителя, так и со стороны иных лиц, с ним связанных. Жесткость демонстрируемой позиции сотрудника правоохранительного органа не позволит рискнуть дать ему взятку.

Однако развитие сложившейся ситуации может пойти и по иному пути и в этом случае всецело зависит от желания правоохранителя. Он может, поддавшись уговорам и соблазнившись предлагаемыми деньгами или вещами, стать на путь преступления. Возможен также вариант, когда правоохранитель, контролируя ситуацию, выслушивая намеки на возможность «договориться», как бы соглашается. У нарушителя появляется надежда, он и не подозревает, что ловят-то его самого. Нарушителя приглашают отойти в сторону, поговорить и т. п. Он «проглатывает» наживку и вскоре становится взяткодателем [286, с. 31].

Предмет взятки в приведенных примерах выступает в качестве

предмета преступления либо предмета преступного посягательства. Различие состоит в отношении взяткополучателя к предмету до момента его получения: если взяткополучатель требует (вымогает), например, деньги или имущество, то они представляют собой предмет преступного посягательства.

В теории уголовного права не проводится различие между предметом преступления и предметом преступного посягательства. Любая взятка всегда рассматривается как предмет преступления. Он представлен в качестве социальных благ, «по поводу которых возникают и существуют общественные отношения и при воздействии на которые виновный нарушает эти отношения» [203, с. 54–55]. Следует заметить, что воздействие как волевой акт не всегда характерно для предмета преступления, особенно когда речь идет о такой его разновидности, как предмет взятки. В «Словаре русского языка» воздействие означает «действие, направленное на кого-что-нибудь с целью добиться чего-нибудь, внушить что-нибудь» [8, с. 75]. Ни о каком воздействии на предмет взятки не может быть и речи, если заинтересованное лицо (гражданин) по собственной инициативе и, исходя из личных потребностей, вручает его государственному служащему за совершенное им действие (бездействие). С большой долей условности можно говорить о воздействии (причем опосредованном) на предмет взятки в той ситуации, когда должностное лицо требует взятку.

Криминалистика отражает реальности уголовного права, а они таковы, что один и тот же элемент в системе разных (учитывая их индивидуальность), но одноименных преступлений (в данном случае взяточничества) имеет различное функциональное назначение. Разница очевидна между двумя вариантами одной и той же ситуации. В первом варианте взяткодатель по своему желанию передает должностному лицу взятку в виде, например, денег. Во втором варианте, наоборот, должностное лицо требует взятку в том же виде и за те же действия.

Какое значение это имеет для правоприменительной практики? Неоднозначное понимание предмета взятки (предмет преступления или предмет преступного посягательства) влияет на квалификацию преступления и ответственность за него. Понимание этих вопросов лежит в плоскости науки криминалистики, выделяющей и изучающей в системе преступления элементы его материальной структуры.

Уголовное право, не различая с позиции теории предмет

преступления и предмет преступного посягательства, все же закрепляет норму, предусматривающую повышенную ответственность за вымогательство взятки (ч. 2 ст. 430 УК), тем самым указывая на повышенную общественную опасность требования должностным лицом взятки. Однако и здесь не проводится различие между требованием, сопровождаемым угрозой неблагоприятных последствий для гражданина, обратившегося к должностному лицу, и требованием, которое такой угрозой не сопровождается. Это достаточно важные обстоятельства, которые должны учитываться при назначении наказания виновному. На практике не всегда учитывается наличие или отсутствие угрозы при заявлении незаконного требования о взятке.

По нашему мнению, наличие требования взятки, особенно в случаях, когда после этого проводилось задержание подозреваемого с поличным, является основанием для рассмотрения деяния по ч. 2 ст. 430 УК, т. е. вымогательство взятки. На практике наличие одного лишь незаконного требования о взятке не рассматривается как ее вымогательство, так как не сопровождается угрозой. Но любая угроза, судя по примерам из практики, воспринимается как реальная.

Например, К., занимая должность начальника бюро по реализации запасных частей и товаров управления продвижения и реализации запасных частей ОАО «Минский тракторный завод», стал требовать от Г., являющегося коммерческим директором ЧТУП «Агроснабпоставка», денежные средства за благоприятное решение вопроса об исполнении заключенного договора, в том числе своевременного исполнения заявок ЧТУП «Агроснабпоставка» на поставку товаров. К. периодически намекал Г., что срок исполнения заявок может увеличиться. В подтверждение этого имела место задержка отгрузки товара по причине несвоевременного оформления документов. К. недвусмысленно намекал Г.: «Когда ты меня порадуешь?», ожидая денежного вознаграждения. В момент получения взятки К. был задержан. Суд, несмотря на имевшее место требование взятки, квалифицировал деяние К. по ч. 1 ст. 430 УК. При этом не была дана правовая оценка угрозе, сопровождавшей требование взятки [287].

Уголовно-правовое понятие «вымогательство» представлено в ст. 208 УК. В его содержании наличествуют две части: требование и угроза. Требование незаконного характера касается «передачи имущества или права на имущество либо совершения каких-либо

действий имущественного характера» (ч. 1 ст. 208). Аналогичное требование присутствует и при совершении взяточничества. Угрозой при вымогательстве является применение насилия к потерпевшему или его близким, уничтожение или повреждение их имущества, распространение клеветнических или оглашение иных сведений, которые они желают сохранить в тайне (ч. 1 ст. 208). Все перечисленные варианты угрозы при вымогательстве не характерны для вымогательства взятки. Угрозой при вымогательстве взятки признаются такие действия по службе, которые «могут причинить ущерб законным интересам гражданина». Требование взятки может быть выражено под «угрозой бездействия по службе, вследствие чего он (гражданин. – А. Х.) был вынужден дать взятку для предотвращения вреда его правоохраняемым интересам. Важным признаком вымогательства является угроза со стороны должностного лица совершить или не совершать соответствующие действия по службе» [288, с. 985].

На основании изложенного выше можно сделать некоторые выводы:

1) наличие требования взятки в равной степени повышает общественную опасность деяния вне зависимости от того, сопровождается ли оно угрозой вредных последствий для гражданина, находящегося в правовых отношениях с должностным лицом;

2) решение обозначенных проблем при квалификации деяния как вымогательство взятки мы видим в необходимости совершенствования уголовного законодательства. В связи с этим в ч. 2 ст. 430 УК предлагается слово «вымогательство» исключить и изложить ее в следующей редакции: «Получение взятки повторно, либо путем требования, либо группой лиц по предварительному сговору, либо в крупном размере».

ГЛАВА 3

ВЫЯВЛЕНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ

3.1. Криминалистические ситуации и версии при выявлении и расследовании взяточничества

Жизнь каждого человека наполнена многими событиями и ситуациями. Данные понятия различны: «событие» – это «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни»; «ситуация» – это «совокупность обстоятельств, положение, обстановка» [8, с. 587, 604]. Очевидна терминологическая разница этих слов, не требующая пояснений, но в контексте данной работы нам необходимо особое внимание уделить понятию «ситуация».

Понятие «ситуация» не указывает, а предполагает необходимость определенного реагирования субъекта, попавшегося в конкретные жизненные обстоятельства. Она «имеет объективное и субъективное содержание, является частью, элементом социальной среды. В отличие от условий формирования личности, оказывавших длительное влияние на субъекта и в прошлом, ситуация взаимодействует с личностью непосредственно в момент, предшествующий совершению преступления» [289, с. 64]. Если субъект никаким образом не реагирует на ситуацию, имеющую к нему отношение, то ее дальнейшее развитие происходит независимо от его желания. Находясь в условиях той или иной ситуации, отдельный индивид нередко оказывается перед выбором дальнейшего поведения, в том числе и конкретных действий. Верное понимание и должный анализ сложившейся ситуации способствуют принятию человеком правильного для него решения

В процессе расследования преступлений следователю приходится разрешать множество различных ситуаций. Особое значение имеют ситуации, формирующиеся на первоначальном этапе расследования. Их правильная оценка влияет на принятие следователем тактических решений, определение направления расследования, выбор тактических средств и последовательность их осуществления.

Наиболее сложными выступают ситуации, складывающиеся при выявлении и дальнейшем расследовании латентных преступлений, к числу которых относится и взяточничество. В практике борьбы со взяточничеством имеют место случаи, когда недостаточный анализ сложившейся ситуации приводит к неверным тактическим решениям, в результате которых некачественно закрепляются фактические данные. В итоге это затрудняет процесс расследования, формирование доказательственной базы и приводит к прекращению дела.

Например, в орган, осуществляющий ОРД, поступила информация, что директор ООО «Гремо» Г. вымогает взятку в особо крупном

размере (100 тыс. долларов США) у индивидуального предпринимателя Д. за решение вопроса о поставке пищевого мака в количестве 20 т. Принимается решение о проведении оперативного эксперимента, в ходе которого Г. была задержана. Материалы оперативного эксперимента переданы в прокуратуру для возбуждения уголовного дела. В ходе их проверки было установлено, что сумма, переданная Г., предназначалась для оплаты поставленного товара. В возбуждении уголовного дела было отказано [290, с. 52].

Названные причины обуславливают потребность в детальном исследовании ситуаций, складывающихся на момент выявления и на первоначальном этапе расследования взяточничества. В издании мы проведем криминалистический анализ таких ситуаций.

В криминалистике понятие «ситуация» трансформировано в специальную криминалистическую категорию «следственная ситуация».

Изучению данной категории посвящены труды многих ученых-криминалистов (А. Н. Колесниченко, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, Н. П. Яблоков, Р. С. Белкин, Т. С. Волчецкая и др.).

В числе первых сформулировал определение понятия «следственная ситуация» А. Н. Колесниченко. Он представил следственную ситуацию в виде положения, сформированного в ходе расследования, характеризуемого доказательствами и информационным материалом, на основе которых возникают конкретные задачи его собирания и проверки [291, с. 16]. И. Ф. Герасимов предложил иную дефиницию. По его мнению, следственная ситуация – это «сложившаяся на определенный момент расследования, внутренне склонная к изменению совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и их оценка, которая обуславливает основные направления расследования, принятие решений и выбор способов действий» [292, с. 173].

О. Я. Баев представил следственную ситуацию как модель реальной обстановки расследования преступлений [293, с. 56]. Л. Я. Драпкин также рассматривал следственную ситуацию в качестве модели, но в отличие от предыдущей позиции представленную как мысленная динамическая модель. В такой модели отражаются информационно-логическое, тактико-управленческое и организационное состояния, сложившиеся по уголовному делу на определенный момент расследования [294, с. 17]. И. А. Копылов указал на необходимость

преимущественного использования термина «криминалистическая ситуация» [295, с. 3–6], а не «следственная ситуация», что следует признать правильным.

О криминалистической ситуации идет речь в монографии Т. С. Волчецкой, которая ввела в научный оборот понятие «криминалистическая ситуалогия» [296, с. 17]. Объясняется такая позиция тем, что термин «следственная ситуация» имеет ограничительное использование в связи с деятельностью следователя. Фактически же складывающаяся на определенном этапе ситуация безотносительна к статусу субъекта, который участвует в выявлении, раскрытии и расследовании преступления. Позиция представляется верной и очевидной, если мы рассматриваем ситуации, складывающиеся в момент выявления признаков взяточничества. Криминалистический характер этих ситуаций не изменяется в зависимости от того, что деятельность по выявлению взяточничества осуществляют преимущественно оперативные работники. Их статус позволяет рассматривать разновидность криминалистических ситуаций и именовать их как оперативно-розыскные. В зависимости от содержания этих ситуаций они в дальнейшем могут трансформироваться в следственные на этапе расследования уголовного дела. Рассматривая криминалистическую ситуалогия, Г. А. Зорин оценил ее как «концепцию расследования, центрированную на личность» [289, с. 63].

Представленные мнения ученых-криминалистов свидетельствуют об отсутствии единого понимания следственной ситуации. Исследователи уделяют недостаточно внимания ситуациям, складывающимся в доследственный период. Практика выявления признаков взяточничества на этапе до возбуждения уголовного дела нередко ограничивается деятельностью органов, осуществляющих ОРД. Это позволило специалистам в сфере ОРД правомерно говорить о типичных оперативно-розыскных ситуациях по делам о взяточничестве.

Исследование практики проведения оперативного эксперимента по делам о взяточничестве дало возможность В. Н. Крюкову выявить типичные оперативно-розыскные ситуации, складывающиеся в момент задержания взяточников с поличным. Такие ситуации выделены по различным основаниям [290, с. 95–98]:

1) в зависимости от поведения задерживаемых лиц:

а) поведение задерживаемого лица по отношению к

представителям правоохранительных органов:

- задерживаемый не оказал сопротивления;
- оказал сопротивление в момент задержания;

б) поведение задержанного в связи с возникшей ситуацией задержания:

– задерживаемый пытался скрыться с места преступления на транспортном средстве;

- пытался скрыться иным способом (бегством);

в) поведение задерживаемого лица по отношению к предмету взятки:

- пытался скрыть предмет взятки;
- пытался выбросить предмет взятки; пытался уничтожить предмет взятки;

предмет взятки;

2) места передачи взятки:

а) по месту работы (службы);

б) месту жительства;

в) в транспортном средстве (личном или служебном автомобиле, ином транспорте);

г) в общественном месте, на улице;

д) в помещении общественного пользования;

3) количества задерживаемых и последовательности действий по их задержанию:

а) задерживается один взяткополучатель, взяточдатель или посредник во взяточничестве;

б) задерживается одновременно несколько лиц, причастных ко взяточничеству (взяткополучатель и взяточдатель);

в) задерживается в определенной последовательности несколько лиц, причастных ко взяточничеству;

4) способа передачи взятки:

а) непосредственный (из рук в руки от взяточдателя к взяткополучателю);

б) опосредованный (используется посредник в открытую или втемную).

Классификация В. Н. Крюкова подтверждает, что оперативный эксперимент проводится в конкретных, реально сложившихся условиях. Их совокупность определяет содержание ОРД, результативность которой будет зависеть от анализа информации о личности

проверяемых лиц и их возможного противодействия реализации ОРМ. Следовательно, **оперативно-розыскная ситуация при взяточничестве** – это совокупность объективных условий развития преступления, тщательный анализ которых определяет направление и результативность ОРД.

С указанной формулировкой определения понятия «оперативно-розыскная ситуация» не в полной мере согласуются предложенные В. Н. Крюковым виды ситуаций. Например, поведение задерживаемых за взяточничество лиц формируется в момент проведения оперативного эксперимента, но никак не предшествует ему. Только в результате анализа личности задерживаемого, места и обстоятельств его задержания можно прогнозировать сопротивление либо попытку скрыться с места преступления. Представляется, что поведение задерживаемых лиц является фактором, влияющим на формирование ситуации, но само по себе в ее качестве рассматриваться не должно.

Криминалистическая ситуация изначально объективна и в основном не зависит от воли и желания субъекта ОРД (либо органа предварительного расследования), который с ней столкнулся. В дальнейшем в результате проведения ОРМ (равно как и следственных действий) первоначальная ситуация изменяется. Так происходит до тех пор, пока длится оперативная проверка (разработка) либо расследование и возникает необходимость в получении новой информации.

Например, реализуя оперативный эксперимент, сотрудники органа, осуществляющего ОРД, столкнулись с ситуацией задержания одного из троих подозреваемых в получении взяток, прибывших к условленному месту передачи взятки на автомобиле. После задержания одного взяточника сложилась новая ситуация, потребовавшая принятия срочных мер, направленных на задержание лиц, скрывшихся с места преступления [297].

В первоначально сложившейся ситуации действия должностных лиц правоохранительных органов должны быть грамотными, четкими, быстрыми, решительными и законными. В приведенном примере оперативные работники должны были принять все меры для задержания на месте передачи взятки всех подозреваемых. В подобных случаях предусматриваются действия, направленные на пресечение попыток взяточполучателя уничтожить, выбросить предмет взятки либо сообщить соучастникам о задержании. Кроме того,

«нежелательно, чтобы факт задержания привлек внимание сотрудников учреждения, где работает взяточник. В противном случае неустановленные соучастники преступления, друзья взяточполучателя могут принять меры к сокрытию следов преступления, ценностей, нажитых преступным путем» [298, с. 153]. Представляет интерес мнение Н. П. Яблокова, который заметил, что процесс возникновения и исчезновения доказательственной и иной информации сопровождается возникновением и изменением разнообразных фактических положений. Анализируя ситуационную природу деятельности, ученый выделил криминальные и следственные ситуации. Криминальные ситуации представлены в виде фактических положений, возникающих в процессе совершения преступлений и их отражения вовне в виде следов-последствий. Фактические же положения, возникающие в начале расследования и на других его стадиях, называются следственными ситуациями [284, с. 21]. В целом соглашаясь с Н. П. Яблоковым, мы рассматриваем оперативно-розыскные ситуации как промежуточное звено между криминальными и следственными ситуациями.

Выделение оперативно-розыскных ситуаций, по нашему мнению, правомерно, так как возникновение ситуации — объективная реальность, зависящая от многих факторов, в том числе и от субъективного характера. В то же время оперативно-розыскная ситуация является разновидностью криминалистических ситуаций, к которым относятся и следственные. Рассматривая следственные ситуации, возникающие при расследовании взяточничества, можно заметить отсутствие общего определения, а также единого взгляда на их классификацию.

Вопрос о необходимости формулирования общего определения следственной ситуации взяточничества неоднозначный. Дело в том, что взяточничество охватывает несколько самостоятельных видов преступлений (получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве), для которых характерны собственные следственные ситуации. Тем не менее, у них имеется общее, что позволяет говорить о возможности выделения типичных следственных ситуаций по одному или нескольким условиям (признакам). Создает же следственную ситуацию система условий, состоящая из характерных компонентов: психологического, информационного, процессуального и тактического,

материального и организационно-технического.

«Типизировать следственные ситуации, как считают авторы учебника под редакцией Р. С. Белкина, можно лишь по одному из их компонентов, а если быть еще более точным, лишь по одному из образующих его элементов» [136, с. 503]. В качестве объекта типизации, как правило, предлагается элемент, относящийся к информационному компоненту. При рассмотрении следственных ситуаций, складывающихся при взяточничестве, наибольший интерес представляют компоненты информационного характера, в части осведомленности следователя об обстоятельствах совершенного преступления, его структурных элементах. Конечной целью расследования любого преступления, в том числе взяточничества, выступает установление субъекта преступления и его изобличение в инкриминируемом деянии. В связи с этим одним из основных вопросов, возникающих на первоначальном этапе расследования взяточничества, является вопрос о личности преступника. Это позволяет говорить о выделении типичной следственной ситуации, отражающей информацию о субъекте преступления. Объем этой информации определяет возможность принятия решения о возбуждении уголовного дела, производстве отдельных следственных действий и планировании ОРМ.

Чем больше на первоначальном этапе информации о субъекте преступления, его поведении и действиях, тем конкретнее обозначается следственная ситуация, и наоборот, ситуация неопределенна, если информации о нем недостаточно.

С учетом изложенного **типичная следственная ситуация, связанная со взяточничеством**, – это сложившаяся на первоначальном этапе расследования (получения взятки, дачи взятки либо посредничества во взяточничестве) совокупность сведений, характеризуемых информационной определенностью (или неопределенностью), о субъекте взяточничества, его уголовно-релевантных действиях и иных материальных элементах структуры преступления, анализ и оценка которых определяют направление деятельности, обосновывают принятие тактических решений и выбор тактических средств выявления и расследования преступления. Однако существуют различные мнения относительно видов следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования

взяточничества, в зависимости от того, что рассматривается: получение взятки, дача взятки или посредничество во взяточничестве. Значительное количество видов типичных следственных ситуаций предлагается авторами монографических и диссертационных работ. Например, Р. А. Степаненко, рассматривая посредничество во взяточничестве, различает следственные ситуации по двум основаниям в зависимости:

- от источника исходных данных;
- обстоятельств получения первичной информации.

Источник исходных данных на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве, по мнению Р. А. Степаненко, определяет следующие ситуации:

1) информация о взяточничестве получена из обращения гражданина в орган, осуществляющий ОРД, или в орган предварительного расследования;

2) должностное лицо уведомляет представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы об обращении к нему каких-либо лиц (взяткодатель, посредник и т. п.) в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений;

3) информация о фактах взяточничества, в том числе посредничества либо мнимого посредничества, получена органом, осуществляющим ОРД, или органом предварительного расследования из собственных оперативных (негласных) или иных источников;

4) информация, указывающая на факты взяточничества, в том числе посредничества либо мнимого посредничества, получена анонимно;

5) та же информация, но не анонимного характера получена из источников в СМИ, обращений и жалоб граждан и организаций в суд, прокуратуру, иные правоохранительные и контролирующие органы [299, с. 156–158].

Интерес представляют случаи так называемого мнимого посредничества во взяточничестве. Фактически это способ мошенничества, причем достаточно распространенный. Криминальная ситуация развивается следующим образом. Один гражданин предлагает свои услуги в решении существенной для другого гражданина

проблемы. Для ее решения требуется определенная денежная сумма, которую «посредник» намерен передать должностному лицу, от которого якобы зависит решение проблемы. Получив денежную сумму, «посредник» ее присваивает. В таких случаях действия «посредника» квалифицируются в соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о взяточничестве» [273] по ст. 209 УК «Мошенничество». Кроме того, обвиняемому вменяется в вину подстрекательство к даче взятки (ч. 5 ст. 16, ст. 431). «Взяткодателя» суд освобождает от ответственности, руководствуясь примечанием к ст. 431 УК, в соответствии с которым «лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки либо если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном».

Например, бывший сотрудник милиции Л. путем обмана, представившись сотрудником ОВД, под предлогом благоприятного решения вопроса о непривлечении К. и С. к административной ответственности за занятие проституцией, заведомо не намереваясь исполнять обещанное, из корыстных побуждений завладел их деньгами в сумме 50 долларов США с каждой [300].

Аналогичны действия преступника в другом примере, где Ш. подстрекает Н. к даче взятки неустановленному должностному лицу за оказание помощи в прохождении государственного технического осмотра легкового автомобиля, принадлежащего Н. В качестве посредника между Н. и должностным лицом Ш. предложил себя. Получив от Н. оговоренную денежную сумму, Ш. присвоил ее [301].

Дача взятки тесно связана с ее получением, поэтому следственные ситуации формируются в зависимости от отношения к взятке должностного лица. В связи с этим для расследования дачи взятки характерна типичная следственная ситуация, когда должностное лицо заявляет о вручении (либо о попытке вручения) ему предмета взятки.

Например, Е., находясь в состоянии алкогольного опьянения, был задержан за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.1 КоАП «Мелкое хулиганство». Задержавшим его работникам милиции К. и Г. он пытался передать в качестве взятки денежную купюру номиналом 100 долларов США за освобождение и не доставление в опорный пункт охраны правопорядка. Милиционеры не приняли деньги. В дальнейшем при составлении протокола об

административном правонарушении Е. делает повторную попытку вручить деньги, но уже участковому инспектору милиции, за не привлечение к административной ответственности за совершенное правонарушение [302].

В иных случаях авторы учебных и научных работ указывают на следственные ситуации взяточничества безотносительно к какому-либо из его видов. В числе следственных ситуаций исследователи называют:

- информация о передаче взятки должностному лицу и совершении им определенных действий в интересах взяткодателя получена спустя значительное время, взякополучатель и взяткодатель отрицают этот факт;

- имеется информация о предполагаемой взятке или заявление о предстоящей ее передаче;

- взяткодатель и взякополучатель задержаны с поличным;

- взякополучатель задержан с поличным по заявлению лица, у которого он вымогал взятку;

- в организации, ведомстве или регионе установлены многочисленные факты дачи и получения взяток, имеются добровольные заявления рядовых сотрудников и граждан о передаче взяток руководящим работникам;

- установлены факты регулярного субсидирования государственного служащего через одну или несколько коммерческих структур (заработная плата, туристические поездки, предоставление ценных бумаг, покупка недвижимости и т. д.) [150, с. 147].

Н. П. Яблоков приводит три типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования взяточничества:

- наличие аргументированных сведений об уже свершившемся взяточничестве, поступивших от органов дознания и от взяткодателя;

- наличие заявления конкретного лица о вымогательстве у него взятки и предполагаемой ее передаче;

- сведения о взяточничестве стали известны из материалов расследования другого уголовного дела [284, с. 355].

В практической деятельности по расследованию взяточничества правильное определение следственной ситуации позволяет:

- обосновать выбор тактического решения в соответствии с нормами уголовного процесса, а также современными достижениями

криминалистической науки;

– организовать и спланировать совместные действия следователя и органа, осуществляющего ОРД;

– сформировать обоснованные версии и оптимизировать проведение следственных действий, необходимых для их проверки.

Правильный анализ оценки следственной ситуации, дает возможность «выбрать верное направление расследования» [303, с. 328].

По нашему мнению, на основе проведенного анализа 40 уголовных дел о взяточничестве можно выделить три основные криминалистические ситуации.

Имеет место заявление заинтересованного лица о состоявшемся либо предстоящем взяточничестве. Известна информация о субъекте преступления, его криминальных намерениях и действиях. Имеется информация и о других структурных элементах преступления, ее объем в каждом конкретном случае взяточничества может быть различным, что и определяет возможность принятия тактических решений. К этой ситуации также относятся случаи явки с повинной. Заявителем в данном случае может быть любой субъект взяточничества: взяткополучатель, взяткодатель, посредник во взяточничестве, а также любое физическое лицо, которому что-либо известно о совершенном или совершаемом преступлении.

1. Информация (сведения) о совершенном взяточничестве (или множественных случаях) либо предполагаемом преступлении получена органом, осуществляющим ОРД. Такая информация может поступить от физических лиц, в том числе сотрудничающих на конфиденциальной основе с органом, осуществляющим ОРД. Она может быть добыта и в результате проведения органом, осуществляющим ОРД, оперативной разработки в отношении конкретного должностного лица либо определенной организации (сферы деятельности). Объем полученной информации о личности, например, взяткополучателя и иных структурных элементах взяточничества также отличается в каждом конкретном случае, что не всегда позволяет возбудить уголовное дело и начать процесс расследования. Особенность такой информации в том, что она имеет непроцессуальный характер и изначально не может служить доказательством вины лица, подозреваемого во взяточничестве. Ее

использование в качестве доказательств предполагает процедуру легализации в уголовном процессе.

2. Сведения о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях получены следователем в результате расследования иных уголовных дел. Такая ситуация может трансформироваться в первую либо вторую. Указанные следственные ситуации имеют наиболее общий характер. Дальнейшее их развитие может происходить в сфере как оперативно-розыскной, так и следственной деятельности. Каждая из ситуаций может быть разделена на несколько видов, но они определяют единый подход к процедуре действий по выявлению, раскрытию и расследованию взяточничества.

Поясним это на примере одной из разновидностей первой общей следственной ситуации: имеет место заявление гражданина о вымогательстве у него взятки. Такое заявление может поступить как в орган предварительного расследования, так и в орган, осуществляющий ОРД, что влияет на перспективу дальнейшего расследования уголовного дела. Объем информации, имеющейся в первоначальный момент, определяет возможность возбуждения уголовного дела. Следует также заметить, что нередко поступившее к следователю заявление гражданина о вымогательстве у него взятки передается для проверки в орган, осуществляющий ОРД. Это оправдано, если объем заявленной информации о взяточничестве недостаточен для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Однако если представляется возможным возбудить уголовное дело на основании признаков преступления, содержащихся в заявлении гражданина, то дальнейшие действия следователя должны быть связаны с организацией и проведением тактической операции по задержанию вымогателя взятки с поличным. Такое решение проблемы позволяет получить достаточный объем доказательств, избличающих лиц, виновных в совершении взяточничества.

Если заявление гражданина о вымогательстве у него взятки оказывается в органе, осуществляющем ОРД, то независимо от имеющейся первоначальной информации уголовное дело не возбуждается. Задержание с поличным производится в рамках непроцессуальной деятельности этого органа. В таком случае, как правило, проводится оперативный эксперимент или иные ОРМ. В дальнейшем материалы ОРД предоставляются в орган

предварительного расследования, который на их основе принимает (или не принимает) решение о возбуждении уголовного дела и легализует их в качестве источника доказательств.

Очевидно, что данный путь борьбы со взяточничеством значительно сложнее и не всегда результативен.

Например, был проведен оперативный эксперимент «в отношении К. по заявлению коммерческого директора частного унитарного предприятия о вымогательстве у него 60 тыс. долл. США за заключение договора купли-продажи детского санаторно-оздоровительного лагеря. Директор ЧУП во время завершающей стадии проведения оперативного эксперимента потребовал от К. написать расписку на передаваемую ему сумму денег. Начав писать расписку и написав слово “паспорт” К. обнаружил, что паспорт оставил в автомобиле. Положив ручку, он поднялся из-за стола и направился к выходу из своего кабинета, где должна была произойти передача денег, предупредив, что идет за паспортом. Но как только он вышел из кабинета, его тут же задержали работники милиции. Это позволило К. впоследствии выдвинуть версию, что от получения взятки он отказался добровольно, которая ничем опровергнута не была. В итоге расследование по делу было прекращено за отсутствием в деянии состава преступления» [229, с. 182].

Причиной допущенной ошибки в приведенном примере явилась поспешность оперативных работников и недостаточная продуманность тактики проведения оперативного мероприятия. Представляется, что данная ошибка была бы исключена в случае проведения тактической операции, организация и проведение которой также наталкивается на ряд проблем. Некоторые проблемы проведения тактической операции по задержанию взяточника с поличным рассматриваются нами в п. 3.2, а также проанализированы ранее в нескольких публикациях» [304; 305].

На основе результатов обработки исходной информации, характеризующей следственную ситуацию, осуществляется выдвижение версий, призванных объяснить с позиции лица, осуществляющего выявление, раскрытие и расследование взяточничества, ряд обстоятельств, связанных с преступным деянием. Выдвигая и формулируя версию, субъект процессуального либо непроцессуального исследования конструирует связи между известными ему фактическими данными (следствиями преступления) и

их предположительной причиной.

Криминалистическое учение о версии считается устоявшимся в науке, несмотря на некоторую разницу в формулировании дефиниции термина «версия». Р. С. Белкин представил версию как «обоснованное предположение относительно отдельного факта (обстоятельства) или группы фактов из числа имеющих значение для дела, объясняющее происхождение этих фактов (обстоятельств), их связь между собой» [143, с. 12].

По мнению О. Я. Баева, «криминалистическая версия есть обоснованное предположение профессионального участника процессуального исследования преступлений о сути и значении отдельных фактов, обстоятельств, их связях между собой и совокупностях, лежащих в области и пределах такового исследования, формулируемое в целях объективизации и оптимизации достижения результатов последнего и проверяемое в рамках уголовного судопроизводства» [137, с. 117].

Выдвижение версий Р. С. Белкин и О. Я. Баев ограничивают областью уголовного судопроизводства, что не может быть верным в случаях противодействия латентным преступлениям, в том числе взяточничеству, в выявлении которых значительная роль отводится органам, осуществляющим ОРД. Это позволяет говорить о версиях, выдвигаемых вне процессуальной деятельности, осуществляемой на этапе проверки оперативной информации о фактах совершенного или подготавливаемого взяточничества.

С точки зрения Е. П. Ищенко, «криминалистическая версия – это одна из сторон мысленного моделирования, это мысленная реконструкция события, отдельных его обстоятельств, осуществляемая на основе известных фактических данных» [306, с. 183]. Исследователь представил криминалистическую версию как мыслительную деятельность, результатом которой выступает суждение ее субъекта о неизвестных обстоятельствах дела.

Вне всякого сомнения, назначение криминалистических версий в том, чтобы «углублять и расширять знания следователя (дознателя) по конкретному делу и обеспечивать переход от вероятности к достоверности» [307, с. 8].

Используя криминалистическое учение о материальной структуре преступления и учитывая разнообразие мнений криминалистов, можно

предложить иной вариант определения понятия «криминалистическая версия», под которой мы понимаем предположительное суждение субъекта правоохранительной деятельности о наличии или отсутствии преступного деяния, его сущностном содержании и элементах материальной структуры, их взаимосвязях, а также иных неизвестных обстоятельствах, подлежащих установлению в результате непроцессуальной и процессуальной деятельности.

Основываясь на приведенной дефиниции, можно заметить, что криминалистические версии, выдвигаемые в связи со взяточничеством, подразделяются на две группы в зависимости от области их приложения. Речь идет о версиях, выдвигаемых в ходе ОРД, проводимой инициативно на предмет выявления признаков взяточничества в определенной сфере деятельности, а также в целях осуществления предварительной проверки факта преступной деятельности должностного лица. Субъектами выдвижения таких версий являются оперативные работники органов, осуществляющих ОРД.

Другую группу криминалистических версий, выдвигаемых, как правило, в процессе раскрытия и расследования уголовного дела по факту совершенного взяточничества, составляют следственные версии. Наименование данных версий прямо указывает на субъекта их выдвижения, которым является следователь.

К наиболее общим, типовым версиям, выдвигаемым на базе первичной информации в связи с данной категорией дел, относятся следующие:

- 1) факта взяточничества не было;
- 2) взяточничество имело место или предполагается [308, с. 128].

На основе этих версий формируются типичные версии. Предполагая отсутствие события взяточничества, формулируются следующие версии:

- взятка не давалась, имеет место оговор должностного лица;
- должностному лицу правомерно переданы деньги, иные ценности (возвращен долг, получен гонорар за публикацию и др.);
- должностное лицо выполнило в интересах иного лица действия, руководствуясь некорыстным мотивом, и т. д.

Типичные версии, основывающиеся на предположении факта взяточничества, следующие:

- имел место единичный случай передачи должностному лицу

предмета взятки;

– должностное лицо систематически получает взятки, пользуясь своим служебным положением;

– должностное лицо совершило в интересах давшего взятку действия, противоречащие установленным правилам, и т. д.

Перечень типичных версий широк, но они создают условия для выдвижения версий в отношении более узкого информационного блока, например о субъектах взяточничества (их связях и мотивах), предмете взятки (способах, приемах, технических средствах передачи), месте, времени и обстановке, в которых совершалось или будет совершаться взяточничество.

Перечисленные и иные версии могут быть сформулированы и проверены как в период предварительной проверки поступившей информации о взяточничестве, так и на стадии возбуждения уголовного дела. Предварительную проверку поступивших сведений могут проводить следователь и орган, осуществляющий ОРД (орган дознания). Однако преимущественно эту функцию реализуют органы, осуществляющие ОРД, которые в первую очередь получают информацию о взяточничестве. Они же могут проводить проверку (либо оперативную разработку) должностного лица инициативно на основе оперативной информации. Такая проверка может осуществляться на основании поручения следователя, выявившего признаки взяточничества в действиях лиц, выступающих фигурантами расследования иного уголовного дела.

В основе выявления признаков взяточничества лежит оперативно-розыскная версия об источнике происхождения благосостояния разрабатываемого должностного лица. Проверка этой версии позволяет установить признаки взяточничества либо иных злоупотреблений, совершенных должностным лицом любого ранга. Возможно ли это в практической деятельности? Вопрос неоднозначный. Ответ может быть и положительным, и отрицательным, так как все зависит от должностного положения (статуса) лица, потенциально подлежащего проверке, и заинтересованности в публичном скандале тех лиц, кто следует за ним по служебной лестнице, либо лиц, вышестоящих по должностному статусу. Имеется множество примеров из российской практики государственного управления, когда чиновник, вне зависимости от должностного статуса, обладает имуществом и за

рубежом, и в России, которое многократно превышает реальные доходы, определенные его должностным положением. Многие крупные российские чиновники (бывшие и настоящие) имеют огромные богатства, исчисляемые в долларовом эквиваленте, которые хранятся за рубежом в виде банковских вкладов и недвижимости. Эти сведения не скрываются, используются средствами массовой информации для ознакомления широких масс населения страны [107, с. 4].

Такое положение дел способствует не противодействию коррупции (взяточничеству), а ее процветанию и постоянному воспроизводству. Эта ситуация свойственна многим странам, где общественность остается вне реальной борьбы с коррупцией и взяточничеством. В то же время антикоррупционное законодательство постсоветских государств (по всей видимости, как наследие советского прошлого) рассматривает общественные организации, общественность в широком смысле этого слова в качестве субъекта борьбы с коррупцией и ее основным проявлением – взяточничеством.

По нашему мнению, одна из причин недостаточной активности в обнаружении признаков взяточничества в отношении высокопоставленных должностных лиц – отсутствие в УК статьи, предусматривающей ответственность за незаконное обогащение. Наличие такой статьи позволило бы правоохранительным органам активнее осуществлять проверку законности наличия имущества, денежных средств должностных лиц.

3.2. Проблемы проведения тактической операции при раскрытии и расследовании получения взятки

Учеными-криминалистами написано большое количество работ по проблемам теоретико-прикладного характера тактической операции. Несмотря на это, исследователи не пришли к единому пониманию этого тактического средства, его содержания, видов и порядка проведения при раскрытии и расследовании преступлений.

Следует отметить, что совершенствование тактических операций по задержанию взяточника с поличным – одно из направлений разработки эффективной методики расследования взяточничества. На необходимость совершенствования частных методик расследования коррупционных преступлений указывают многие ученые [188; 189].

Впервые термин «тактическая операция» предложен А. В. Дуловым в 1972 г. Наряду с ним в литературе с 1979 г. используется иной термин – «тактическая комбинация». По мнению Р. С. Белкина, содержание понятий «тактическая операция» и «сложная тактическая комбинация» аналогично [143, с. 82], что признается не всеми учеными.

Анализируя предложенную А. В. Дуловым дефиницию понятия «тактическая операция» [309, с. 44], можно выделить ряд положений, раскрывающих его специфическую сущность и отличающих данное тактическое средство от других.

1. Тактическая операция представляет собой совокупность различных по содержанию действий и мероприятий: следственных, оперативных, организационных и др. С такой позицией согласуется мнение и других авторов [310, с. 259].

2. Действия и мероприятия разрабатываются и проводятся в процессе расследования. Данное положение является ключевым в понимании тактической операции, отражающим ее организационно-тактические основы. Игнорирование этого обстоятельства приводит к стиранию грани между тактической операцией и оперативно-тактической операцией, чему способствовал и А. В. Дулов, который выделил различные варианты реализации содержания тактической операции. В числе этих вариантов автор называет контролируемые перевозки. В качестве примера указывается на перемещение груза наркотиков, который сразу не изымают, осуществляют контроль за его движением, а захват с поличным происходит на последнем этапе его перемещения [179, с. 394]. Очевидно, что данный пример имеет отношение к ОРМ «контролируемая поставка», которое относится к виду оперативно-тактических операций [55, с. 315], проводимых в рамках ОРД. Неудачный пример привел к пониманию контролируемой поставки, являющейся комплексным ОРМ, как тактической операции [311, с. 15]. Такой подход не позволяет разграничивать понятия «тактическая операция» и «оперативно-тактическая операция» [312], которые подаются как идентичные, что не соответствует действительности.

Оперативно-тактические операции имеют непроцессуальный характер, осуществляются в рамках ОРД должностными лицами оперативных подразделений, а их материалы могут служить основанием для возбуждения уголовного дела и (или) источником

доказательств после процедуры легализации в уголовном процессе.

3. Тактическая операция проводится по единому плану под общим руководством следователя. В процессе раскрытия и расследования уголовного дела названным тактическим средством руководить целесообразно следователю.

Тактическая операция обеспечивает решение задачи расследования, которая не может быть решена посредством производства отдельных следственных действий. По нашему мнению, при проведении тактической операции можно решать не одну, а несколько взаимосвязанных тактических задач. Так, при проведении тактической операции по задержанию взяточника с поличным основной целью является фиксация получения должностным лицом предмета взятки. Решение этой задачи содействует одновременному решению иных задач.

Во-первых, обеспечивается раскрытие преступления, чему способствует проводимый посредством осуществления различных следственных действий и ОРМ поиск и сбор доказательств.

Во-вторых, изобличается виновный. Изобличение возможно только в контакте с тем, кто изобличается. В процессе реализации тактической операции осуществляется такой сбор доказательств, совокупность которых затрудняет для обвиняемого возможность их опровержения и заявления ходатайств по поводу их проверки. Кроме того, при проведении тактической операции по задержанию взяточника с поличным непосредственному его осуществлению может предшествовать комплекс мероприятий по изучению личности подозреваемого и созданию определенных условий его задержания.

Таким образом, *тактическая операция* представляет собой комплекс следственных и проверочных действий, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий, осуществляемых на основании общего плана, под единым руководством следователя, направленных на решение таких задач расследования, которые, с учетом сложившейся по уголовному делу следственной ситуации, не могут быть решены в результате проведения отдельных следственных и иных действий [313, с. 112].

Тактическая операция в своем развитии проходит несколько этапов: 1) подготовительный; 2) проведение тактической операции; 3) заключительный.

На этапе подготовки тактической операции по задержанию с поличным необходимо проанализировать имеющуюся информацию, осуществить выбор средств и способов ее реализации, подобрать участников, подготовить технические средства и т. д. Тщательному анализу подлежат требования лица о предмете взятки, особенности его личности, предполагаемое место и способ передачи незаконного вознаграждения. Необходимо помнить, что вымогатель взятки может в любой момент изменить определенные условия передачи требуемого предмета (например, место или способ), к чему должны быть готовы лица, планирующие и осуществляющие задержание с поличным.

Подготовительный этап тактической операции состоит из двух стадий: до момента возбуждения уголовного дела и после его возбуждения. В период до возбуждения уголовного дела необходимо определить задачи расследования и принять решение о проведении тактической операции. Принятие решения о ее проведении обусловлено наличием тактических задач, которые могут быть решены посредством производства совокупности действий и мероприятий, а также возможностью возбуждения уголовного дела.

Для возбуждения уголовного дела необходимы повод и основания. Поводом для возбуждения уголовного дела согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь [314] являются: «заявления граждан; явка с повинной; сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций; сообщение о преступлении в средствах массовой информации и непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления» (ст. 166). Основанием для возбуждения уголовного дела выступает наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 167 УПК), которые также могут быть отражены в материалах ОРД (ст. 49 Закона об ОРД).

Данные, указывающие на признаки преступления, содержатся в заявлении гражданина о взяточничестве. Однако практика раскрытия взяточничества не идет по пути признания информации, содержащейся в заявлении гражданина, в качестве достаточных данных о признаках совершаемого или совершенного преступления. Здесь кроется одна из процессуальных проблем, решение которой будет способствовать эффективному проведению тактической операции и, соответственно, задержанию с поличным. По нашему мнению, решить эту проблему

возможно двумя способами. Первый основывается на том, что «заявление гражданина в связи с таким специфическим преступлением, как взяточничество, следует рассматривать не только как повод для возбуждения уголовного дела, но и как информационное сообщение, указывающее на признаки преступления» [315, с. 105]. Особенно это значимо в случае вымогательства взятки. Такой подход к рассмотрению заявления гражданина должен основываться на максимально подробной информации, содержащейся в объяснениях гражданина в форме опроса, который может провести следователь.

В ходе опроса выясняется следующая информация:

- 1) характер взаимоотношений заявителя с потенциальным подозреваемым в совершении взяточничества;
- 2) время, место, повод для возникновения отношений;
- 3) количество и подробное описание всех имевших место встреч, сведения о лицах, присутствовавших при этом;
- 4) место, время встречи с предполагаемым получателем взятки;
- 5) особенности обстановки места встречи;
- 6) предмет взятки и особенности ее передачи;
- 7) попытки заявителя решить свою проблему в обход закона;
- 8) наличие (отсутствие) конфликта между заявителем и потенциальным взяточником, его причины;
- 9) оказывалась ли ранее помощь заявителю проверяемым должностным лицом;
- 10) на основании чего заявитель считает, что у него вымогают взятку;
- 11) как заявителю было предъявлено требование дать взятку;
- 12) последствия, которые могут наступить для заявителя, если он невыполнит требования вымогателя взятки, и др.

Временной интервал до момента передачи предмета взятки позволяет проверить заявление гражданина посредством проведения ОРМ. Убедиться в преступных намерениях подозреваемого можно путем деления предмета взятки на части. Задержание планируется после передачи предмета взятки полностью, т. е. после передачи последней ее части. Именно так осуществлялась передача предмета взятки председателю общественного объединения социальной реабилитации инвалидов «Доброе сердце», вымогавшего взятку в сумме 10 000 долларов США [316]. Проверка сообщения о взяточничестве должна

вестись с максимальной осторожностью. Преступник не должен узнать о проверке. В противном случае улики причастности к совершению преступления будут уничтожены, а потенциальные свидетели склонены к даче ложных показаний.

На основе анализа информации, полученной в результате опроса и иных проверочных действий, принимается решение о возбуждении уголовного дела и проведении тактической операции по задержанию взяткополучателя с поличным.

Второй путь решения обозначенной проблемы связан с осуществлением ОРД. Вначале проводится ОРМ «оперативный опрос» в целях проверки заявления гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении. Достигается эта цель путем решения задачи по выявлению, пресечению преступлений, а также установлению граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших. В ходе проведения оперативного опроса выясняются обстоятельства, упомянутые ранее.

Следует отметить, что в соответствии с законодательством Республики Беларусь оперативной проверке подлежат анонимные заявления граждан о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении [317].

В результате осуществляемого оперативного поиска могут быть проведены и иные виды ОРМ. Например, негласный оперативный опрос, наведение справок обеспечивают получение информации об иных фактах преступной деятельности проверяемого должностного лица. Контроль в сетях электросвязи, проводимый в случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, позволит зафиксировать преступный умысел проверяемого лица.

Полученные в ходе предварительной проверки материалы ОРД, как было отмечено, служат основанием для возбуждения уголовного дела (ст. 49 Закона об ОРД). Однако оперативные работники идут по иному пути. Уголовное дело не возбуждается, а проводится оперативный эксперимент. По нашему мнению, проведение оперативного эксперимента при таких обстоятельствах – неверное решение, потому что здесь отсутствует вовлечение гражданина в созданную обстановку. На это же обращает внимание В. В. Бачила [318, с. 55]. Следовательно, задержание должно проводиться по основаниям, предусмотренным ст. 108 УПК. Если уголовное дело возбуждено, то это служит

процессуальным основанием для моделирования и планирования тактической операции, а также подготовки к задержанию с поличным, что позволяет проводить следственные действия, осуществление которых возможно только после возбуждения уголовного дела.

Моделирование предполагает выбор совокупности тактических средств, которые, с учетом имеющейся на первоначальном этапе информации, обеспечат решение тактической задачи. Модель тактической операции служит началом ее планирования, итогом которого является составление развернутого плана проведения следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий. Он должен составляться коллегиально, в присутствии оперативных работников, которым предстоит осуществлять ОРМ и производить задержание с поличным, поэтому их мнение должно учитываться при составлении плана тактической операции.

Применительно к данной категории уголовных дел в первую очередь следует планировать: фиксацию фактов передачи предмета взятки, обнаружение вещественных доказательств, документальных и личных свидетельств о подобных фактах; отслеживание фактов встречи, телефонных разговоров, переписки должностного лица с теми, кому он создает режим наибольшего благоприятствования при получении, например, кредита, в ходе коммерческих операций и т. п.; принятие мер с целью предупредить потерю материальных следов и обеспечить защиту свидетелей; обнаружение и пресечение новых преступных действий заинтересованных лиц.

Такой план может предусматривать одновременное совершение действий и проведение мероприятий в разных местах или в одном месте либо последовательное осуществление действий следователем, а мероприятий – оперативными работниками.

Оценка хода и результатов тактической операции предполагает анализ приобретенного опыта, позволяет выявить недостатки в ее организации, подготовке, выборе метода и тактических средств.

Следует отметить необходимость совершенствования тактических операций, их «единообразного понимания и проведения в рамках возбужденного уголовного дела» [304, с. 210], что будет способствовать результативному сбору доказательств и изобличению взяточника при его задержании с поличным.

3.3. Особенности производства отдельных следственных и иных действий на первоначальном этапе расследования получения взятки

На основании составленного плана проведения тактической операции по задержанию взяточника с поличным осуществляются ОРМ, следственные и иные действия, которые объединены общностью задачи имеют подготовительный характер.

Производство ОРМ направлено на документирование преступной деятельности взяточника и обеспечение его задержания с поличным. Организация и тактика проведения ОРМ составляют секретную информацию, поэтому в данной работе не рассматриваются. В группу следственных и иных действий на **подготовительном этапе** входят:

- 1) допрос заявителя;
- 2) осмотр предмета взятки;
- 3) осмотр специальной техники, передаваемой заявителю, который оказывает содействие при задержании взяточника с поличным;
- 4) подготовка гражданина, участвующего в проведении тактической операции.

Рассмотрим особенности названных действий на примере ситуации вымогательства взятки. *Допрос заявителя* предполагает получение информации об обстоятельствах, при которых произошло вымогательство взятки. Допрос заявителя – это процессуальное закрепление сведений, ранее изложенных в ходе опроса, проведенного на основании заявления или сообщения гражданина о подготавливаемом, совершенном или совершаемом преступлении (см. п. 3.2). В обязательном порядке допрашиваемый предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 400 УК).

Осмотр денег или иных ценностей, которые предстоит передать взяточнику, является следующим следственным действием. Если предмет взятки – денежные знаки, то на них химическим веществом необходимо нанести специальные обозначения, которые не видны, но будут выявляться в ультрафиолетовом свете при помощи специальной техники. Нужно также указать в протоколе осмотра предмета взятки его индивидуальные признаки. В отношении денег такими признаками являются серии и номера банкнот [319].

В процессе осмотра предмет взятки должен быть сфотографирован

по правилам масштабной фотосъемки. Осмотренный предмет взятки следует упаковать в конверт либо пакет, который также обрабатывается ранее использованным химическим веществом. После обработки предмета взятки и его упаковки примененное химическое вещество целесообразно нанести в качестве образца на чистый лист бумаги, который затем упаковывается в отдельный конверт. Конверт заверяется подписями понятых, присутствующих при осмотре предмета взятки, и скрепляется печатью следователя. Это необходимо для назначения и проведения в будущем экспертизы.

В протоколе осмотра предмета взятки подлежат отражению объяснения заявителя о его предстоящих и иных действиях: почему он соглашается на передачу материальных ценностей, где и при каких обстоятельствах они будут переданы взяткополучателю; факт вручения заявителю указанного предмета в связи с вымогательством у него взятки [320, с. 16]. Для негласной фиксации разговора между потерпевшим и взяткополучателем как до передачи денег (имущества), так и в процессе их передачи применяют *специальную технику*. Для этих целей используют малогабаритные магнитофоны (диктофоны). В настоящее время преимущественно обращаются к миниатюрной цифровой специальной технике, обеспечивающей фиксацию происходящих событий. Перед вручением технического средства производится его осмотр. В протоколе осмотра указывают техническое состояние и параметры цифрового магнитофона (диктофона), а также флэш-карты, ее внешний вид, индивидуальные особенности, отсутствие записи (производится прослушивание флэш-карты). После этого записывается исходная информация об основании (заявление о преступлении) и цели данного действия, участниках следственного действия, месте и времени предстоящей записи переговоров между субъектами взяточничества. Часть данной информации в обязательном порядке должна быть надиктована самим заявителем. Завершается осмотр техники опечатыванием (пломбированием) приемника флэш-карты магнитофона (диктофона), о чем делается соответствующая запись в протоколе. Большое значение имеет *инструктаж гражданина*, принимающего активное участие в раскрытии и изобличении взяточника. Во-первых, его инструктируют о порядке использования переданного ему технического средства и его возможностях. Во-вторых, в процессе инструктажа данного лица необходимо рассмотреть задачи, стоящие

перед ним, его конкретные действия с учетом вероятностных ситуаций, а также действия в момент непосредственного задержания взяточника.

Проводится самостоятельное мероприятие, направленное на распределение обязанностей между членами следственно-оперативной группы и их инструктаж.

До непосредственного задержания взяточника с поличным осуществляются ОРМ, направленные на изучение лица (лиц), совершившего вымогательство взятки. В этих целях возможно проведение таких ОРМ, как негласный оперативный опрос, наблюдение, контроль в сетях электросвязи и др.

Не менее значимо *ознакомление с обстановкой места предстоящей передачи предмета взятки*, которое в большинстве случаев является и местом задержания. В качестве места задержания может быть: место жительства (взятополучателя, взятодателя, посредника во взяточничестве); любое помещение по месту работы должностного лица (служебный кабинет, иное помещение организации); иное помещение общего пользования (ресторан, бар, сауна и т. д.); любое общественное место (улица, парк, подъезд и т. д.); автотранспорт (личный, служебный, общественный) и т. д. Каждое из предполагаемых мест предстоящего задержания подозреваемого во взяточничестве подлежит тщательному изучению на предмет выявления их особенностей, которые могут быть использованы взяточником в целях маскировки своих преступных действий и уклонения от ответственности.

Если задержание с поличным предстоит провести в общественном месте (на открытой местности), то в этом случае учитывается наличие на участке предполагаемого захвата проходных дворов и подъездов, параллельных улиц, переулков. Особое внимание уделяется участкам местности, где подозреваемый на какое-то время может исчезнуть из поля зрения членов группы захвата. По результатам изучения места передачи взятки осуществляется расстановка группы задержания, блокирующей возможные пути отхода взяточника, а также предупреждение попыток «выбросить или уничтожить изобличающие его предметы и документы» [321, с. 352].

Если для передачи предмета взятки выбрано помещение, то оно изучается по планам, схемам, строительным чертежам, которые получают в домоуправлениях, бюро технической инвентаризации, отделах коммунального хозяйства местных администраций

(исполкомов). Особое внимание уделяется выяснению следующих обстоятельств:

– наличие пропускного режима в здание. Это обязывает «продумать вопрос о скрытом пропуске в здание основных и второстепенных участников группы задержания» [321, с. 352];

– расположение и особенности кабинета взяточполучателя (имеется ли приемная, комната отдыха, дополнительный выход из кабинета);

– наличие и расположение мест общего пользования (коридоры, туалеты и т. д.).

Знание места предстоящей передачи предмета взятки в момент задержания с личным позволит СОГ предусмотреть и свести к минимуму возможные способы сокрытия следов и иное противодействие задержанию взяточника. В частности, взяточполучатель может:

– закрыть кабинет на внутреннее запирающее устройство после ухода взяткодателя либо покинуть помещение вместе с ним и запереть дверь;

– выбросить предмет взятки в окно, под которым по договоренности может находиться соучастник совершаемого преступления;

– уничтожить предмет в случае осознания опасности задержания (сжечь, проглотить, растворить в специально приготовленном химическом веществе);

– спрятать предмет взятки в тайнике;

– передать предмет взятки сообщнику;

– скрыться с места происшествия после получения предмета взятки.

Отсутствие анализа места предстоящего задержания, возможной реакции взяточника на задержание иногда приводит к утрате предмета взятки.

Так, воспользовавшись моментом, когда два оперативных работника Комитета государственной безопасности вышли из помещения для приглашения понятых, К. «неожиданно встал, взял из кейса портмоне, выхватил три крайние купюры, запихнул их себе в рот, начал жевать и рукой проталкивать в горло. Оперативный работник пытался ему помешать, но тот оказал ему физическое сопротивление и деньги проглотил» [160, с. 72–73].

В другом примере СОГ предварительно не обследовала место задержания («Торговый дом “На Немиге”»), поэтому не смогла задержать с поличным Б., который после получения взятки скрылся через запасной выход [322].

Следующим этапом после подготовки является непосредственно **задержание с поличным**. Для этого СОГ заблаговременно вместе с лицом, способствующим задержанию и изобличению взяточника, выезжает на место, где должна состояться передача предмета взятки. В отдельных случаях лицо, содействующее изобличению взяточника, прибывает на место передачи взятки самостоятельно.

Прибыв на место, члены СОГ распределяются согласно выполняемым функциям и занимают заранее определенные позиции. Гражданин, содействующий раскрытию преступления, вступает в контакт с взяткополучателем. После передачи предмета взяткополучателю производится его задержание. Задержание с поличным должно быть неожиданным для лица, получившего взятку. При задержании необходимо использовать способы, позволяющие ограничивать действия преступника, и исключить возможность выброса (уничтожения) предмета взятки. Фактическое задержание с предметом взятки имеет существенное значение, так как вещественно подтверждается корыстный умысел взяточника.

Если до задержания с поличным предварительная запись переговоров между субъектами взяточничества не производилась либо характер угроз при вымогательстве взятки не конкретизирован, то лицу, содействующему раскрытию преступления, следует не только передать предмет взятки, но и завести разговор с взяткополучателем. В процессе такого разговора может быть получена и зафиксирована техническими средствами информация о требовании взятки и угрозе, возможно реализуемой при его невыполнении.

В процессе задержания взяточника необходимо быть готовым к попыткам задерживаемого уничтожить предмет взятки или иные изобличающие предметы и документы. Предусматривается и возможность заявления взяточника о наличии законных оснований для получения денег, ценностей (например, о якобы возвращенном долге либо о том, что предмет взятки забыт посетителем).

Ученые-криминалисты указывают на целесообразность задержания не сразу после получения взятки, а спустя незначительный промежуток

времени [323, с. 49; 324, с. 39]. Это связано с тем, что взяточполучатель может не успеть оставить свои следы на предмете взятки. Чаще всего он не передается из рук в руки. Практике раскрытия взяточничества известны случаи, когда предмет взятки по указанию взяточполучателя помещался в иное место (например, на стол, под стол, в портфель и т. д.). В такой ситуации взяточполучатель будет отрицать предварительную договоренность о даче-получении взятки. По этой причине необходимо задерживать после того, когда взяточполучатель распорядился предметом взятки как своим собственным: положил в стол, поместил в личные вещи (дипломат, карман куртки) и т. д.

После задержания взяточполучателя с поличным проводятся следующие следственные действия: личный обыск, допрос подозреваемого (задержанного), освидетельствование, осмотр места происшествия, осмотр предмета взятки и специальной техники, на которой зафиксирован момент совершения взяточничества.

Личный обыск производится с учетом следующих особенностей:

- необходимо исключить возможность выброса изобличающих предметов;
- обыск фиксируется при помощи видеотехники;
- извлечение предмета взятки из карманов подозреваемого, иных носимых предметов целесообразно поручить одному из понятых (в дальнейшем исключается заявление о манипуляциях работников милиции) [325, с. 53].

Если же предмет взятки обнаруживается и изымается следователем или оперативным работником, то им необходимо обращать внимание понятых на момент его извлечения из кармана, а также на его индивидуальные признаки. «Момент обнаружения предмета взятки фиксируется крупным планом в процессе видеосъемки» [326, с. 20]. В дальнейшем в протоколе личного обыска фиксируется, из какого кармана или носимого предмета был изъят предмет взятки, его индивидуальные признаки. После этого он помещается в упаковку, которая скрепляется печатью, подписями следователя и понятых. В протоколе личного обыска делается отметка о производившейся видеозаписи.

Если предмет взятки при личном обыске не обнаруживается, то проводится обыск помещения, в котором произошла его передача. Это необходимо и для обнаружения денег, ценностей и имущества,

полученного преступным путем, предметов и документов, свидетельствующих о связях субъектов взяточничества. Данный обыск, как правило, завершается наложением ареста на имущество. В случае задержания с поличным обыск проводится сразу после задержания, параллельно с осмотром места происшествия. Если задержание с поличным производилось за пределами помещений, то затем обыск проводится на рабочем месте подозреваемого, по месту его жительства, а также месту работы и жительства лиц, связанных со взяточником.

После задержания целесообразно провести *допрос*. Это происходит в помещении, где осуществлялось задержание, либо в ином месте (административное здание, автомобиль, на котором прибыла СОГ), если передача взятки производилась на нейтральной территории. Обязательна видеозапись допроса в целях предупреждения в последующем отказа преступника от показаний, данных им в качестве подозреваемого.

В ходе первого допроса подозреваемого особое внимание следует обратить на установление всех деталей передачи взятки и тех действий (бездействия), которые взяточник совершил или должен был совершить в интересах взяткодателя, а также на выяснение их связей.

Вопросы, задаваемые в момент такого допроса, должны быть просты по форме и содержанию. Их выяснение создает основу для изобличения взятополучателя. Ценность допроса состоит в том, что взятополучатель, будучи неожиданно задержанным с поличным, не успевает придумать себе легенду. В ходе допроса реализуется такой эффективный тактический прием пресечения лжи, как внезапность. Следует помнить, что в дальнейшем взятополучатель может не только отказаться от первичных показаний, но и скомпрометировать правоохранительные органы, обвиняя их в применении незаконных методов для получения признания. По этой причине в процессе допроса подозреваемого, который надо рассматривать как экспресс-допрос, должны использоваться такие приемы, которые лишат его возможности обвинять следователя в нажиме или применении недозволённых методов.

Самый распространенный и простой тактический прием, который должен применяться при допросе, – собственноручная запись показаний или внесение в протокол допроса изменений и дополнений. При применении названного приема нужно стремиться, чтобы запись

была подробной, отражала основное содержание действий и разговоров подозреваемого с потерпевшим. Это не гарантирует отсутствие указанных выше нежелательных последствий, поэтому при реализации рассматриваемого тактического приема необходимо подстраховаться от ссылок на плохое здоровье во время дачи показаний и обвинения в использовании физического насилия. С этой целью сразу после допроса проводится освидетельствование подозреваемого. Очень эффективный и имеющий широкое распространение прием – видеозапись допроса. Его преимущество в том, что он наглядно демонстрирует отсутствие применения незаконных методов, поэтому не требует освидетельствования на предмет выявления наличия/отсутствия телесных повреждений.

В случае, когда проведение допроса на месте задержания не представляется возможным, необходимо в пути следования к месту допроса не позволить задержанному сосредоточиться на обстоятельствах дела, обнаруженных доказательствах и т. д., постоянно отвлекая его от этого различными вопросами. Если задержанных несколько человек, то следует провести их одновременный отдельный допрос, предусмотрев оперативный обмен информацией между допрашивающими лицами. В этом случае может быть использован фрагмент показаний допрашиваемого лица, давшего правдивые показания. При этом целесообразно зафиксировать в вопросно-ответной форме показания допрашиваемого, а затем предъявить ему имеющиеся доказательства или зачитать фрагмент показаний соучастника преступления.

Освидетельствование взяточполучателя проводится в целях обнаружения на его теле и одежде химического вещества, которым был обработан предмет взятки. Такое действие оправдано, если взяточполучатель прикасался к предмету взятки. В противном случае проводить освидетельствование нецелесообразно.

Необходимость проведения освидетельствования может быть вызвана оказанным в процессе задержания сопротивлением, а также для исключения возможных заявлений подозреваемого о причинении ему телесных повреждений в процессе задержания и после него.

Осмотр места происшествия проводится в целях уточнения обстановки, в которой происходила передача взятки. Основные решаемые при этом задачи: зафиксировать следы пребывания субъектов

взяточничества на месте передачи взятки, обнаружить предмет взятки или его части, упаковочные материалы, документы, в которых отражены действия задержанного в интересах потерпевшего, и т. п. Следователям необходимо во всех случаях производить осмотр данного места, так как в момент задержания взяточник старается избавиться от изобличающих его предметов. Обнаруженные предметы и документы затем подвергаются более детальному осмотру. Особое внимание следует обращать на документы, свидетельствующие:

- о незаконности действий (бездействия) должностного лица;
- об обстоятельствах, создавших условия, способствующие взяточничеству.

Кроме осмотра места происшествия целесообразно провести **иные виды следственного осмотра**. Объектом *осмотра* является одежда, в которой находился подозреваемый в момент задержания. В ходе ее осмотра осуществляется поиск следов, образовавшихся в результате воздействия химического вещества, которым обрабатывался предмет взятки.

Осмотр предмета взятки предполагает выявление следов рук взяточполучателя, а также ранее нанесенных на денежные купюры специальных химических веществ.

В отличие от других предметов *осмотр материалов звукозаписи (видеозаписи)* требует не только внешнего исследования, но и изучения тех данных, которые зафиксированы на магнитных или цифровых носителях. В протоколе осмотра должна содержаться следующая информация: наименование, тип носителя, индивидуальные признаки флэш-карты. После внешнего осмотра приступают к исследованию информации, содержащейся на представленном носителе. Для воспроизведения записанной информации целесообразно использовать те же технические средства, которые применялись при ее записи. В случае невозможности их использования применяются иные исправные технические средства, исключающие возможность повреждения либо уничтожения записи. В протоколе необходимо отметить наименование технического средства, применяемого для воспроизведения записи, его тип и технические характеристики.

При прослушивании фонограммы или просмотре видеозаписи следует обращать внимание на ее качество, наличие шумов, посторонних записей и др. Содержание информации, записанной на

носителе, переводится в машинописный текст и заносится в протокол осмотра. Наличие протокола исключает в последующем необходимость дополнительного воспроизведения записи.

Доказательственное значение результатов тактической операции зависит от процессуальной формы их закрепления. Вместе с тем необходимо помнить, что материалы ОРД не имеют доказательственного значения, но могут быть использованы в целях доказывания в уголовном процессе в соответствии со ст. 49 Закона об ОРД.

3.4. Оперативный эксперимент как средство задержания взяточника с поличным

На первоначальном этапе выявления и раскрытия взяточничества часто складывается ситуация, когда целесообразно проведение задержания взяточника с поличным. Решение данной задачи возможно несколькими способами. На один из них мы уже указали – это проведение тактической операции как тактического средства, разработанного криминалистической наукой и осуществляемого в рамках следственной деятельности по раскрытию и расследованию преступления.

Другой способ имеет непроцессуальный характер и связан с ОРД. Он наиболее распространен в практической деятельности правоохранительных органов и реализуется посредством проведения оперативного эксперимента, который является комплексным ОРМ. В ряде случаев оперативный эксперимент может приобретать форму оперативно-розыскной операции [55, с. 315], осуществляемой в соответствии с заранее определенным планом. Такие операции в учебной литературе по ОРД нередко называются тактической оперативной операцией [327, с. 160] либо оперативно-тактической.

В результате ОРД возможно выявление и пресечение преступной деятельности взяточполучателя в различных ситуациях, рассмотренных нами ранее. Источником информации для инициативной проверки, реализуемой в ходе ОРД, служат, как правило, сообщения лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими ОРД, на конфиденциальной основе. В иных случаях такого рода информация может быть получена с помощью средств технической разведки,

например в результате проведения специального ОРМ «контроль в сетях электросвязи», скрытого видеонаблюдения, установленного в ходе оперативного осмотра, и т. п. Это один из типичных способов начала целенаправленной ОРД, ориентированной на выявление взяточничества и задержание взяточполучателя с поличным либо получение таких материалов ОРД, которые объективно подтверждают преступность деяния, содержат указание на признаки преступления и могут служить основанием для возбуждения уголовного дела. Такой способ применяется не во всех случаях, а только в тех, когда необходимо выявить признаки квалифицированного взяточничества, характеризуемого как тяжкое или особо тяжкое преступление.

Наиболее оптимальным будет использование сил и средств ОРД в ситуации наличия информации о имевшем ранее случае передачи взятки должностному лицу и совершении им определенных действий в интересах взяткодателя. Органы, осуществляющие ОРД, также могут располагать оперативной информацией (получена в результате оперативно-разведывательной или аналитической работы) о многочисленных фактах дачи и получения взяток в конкретной организации определенной сферы деятельности (промышленность, финансы, здравоохранение и т. д.). В целях пресечения преступной деятельности и задержания лиц, подозреваемых в ее осуществлении, проводятся различные ОРМ, среди которых ключевое место занимает оперативный эксперимент.

В соответствии с Законом об ОРД оперативный эксперимент «представляет собой вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина, в целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности» (ст. 34) [328].

Процесс вовлечения гражданина в созданную обстановку контролируется оперативным работником органа, осуществляющего ОРД. Оперативный эксперимент обеспечивает достижение нескольких целей:

во-первых, вызывает определенное событие, т. е. предполагаемую

преступную деятельность лица, в отношении которого проводится оперативная проверка;

во-вторых, способствует получению сведений, необходимых для выполнения задач ОРД (ст. 34 Закона об ОРД). В итоге реализации оперативного эксперимента взяточполучателя задерживают с поличным.

С точки зрения Закона об ОРД, проведение оперативного эксперимента в вышеперечисленных криминалистических ситуациях (см. п. 3.1) возможно при наличии оснований и соблюдения обязательных условий. Основанием могут служить сведения о совершенном преступлении, а также о гражданине, его совершившем. Вместе с тем Закон об ОРД предусматривает обязательные условия, которые должны быть соблюдены при подготовке к проведению оперативного эксперимента:

–наличие заявления либо сообщения гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении в отношении его или родных и близких ему лиц;

–заявление либо сообщение гражданина должно содержать сведения о признаках менее тяжкого, тяжкого или особо тяжкого преступления;

–в проведении оперативного эксперимента должен принять участие гражданин, в отношении которого готовится, совершается или совершено преступление (ст. 34 Закона об ОРД).

Соблюдение этих условий не всегда представляется возможным. Дело в том, что в первой ситуации сведения о совершенном (либо предстоящем) преступлении могут быть получены не только от заинтересованных, т. е. тех, кого преступное деяние непосредственно коснулось, но и от третьих лиц. В отношении третьих лиц или их близких преступление не совершалось, и они не могут принять участие в проведении оперативного эксперимента. При этом надо учитывать, что ни взяточполучатель, ни взяточдатель не заинтересованы в распространении информации о заключенной между ними преступной сделке. Для возбуждения уголовного дела недостаточно информации, указывающей на признаки совершенного преступления.

Подготовка и проведение оперативного эксперимента в первой криминалистической ситуации также нецелесообразно, если подтверждаются сведения об имевшем месте получении взятки в

незначительных размерах (коробка конфет, бутылка коньяка, иной предмет в эквивалентной денежной сумме, либо незначительная денежная сумма) и у взяточполучателя отсутствует умысел на совершение новых преступлений. Проводимое в рассмотренных ранее ситуациях задержание взяточника с поличным оформляется органами, осуществляющими ОРД как оперативный эксперимент. Соответствует ли это требованиям Закона об ОРД? Вопрос дискуссионный, так как на основе известных сведений о времени, месте, сумме и условиях передачи взятки оперативными работниками не создается обстановка, максимально приближенная к предполагаемой преступной деятельности проверяемого гражданина. Эта обстановка может реально сложиться (либо развивается) и без участия оперативных работников.

Предполагается, что оперативный эксперимент проводится в «целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности» (ст. 34 Закона об ОРД) [328]. Однако фактически на этапе подготовки к задержанию взяточника с поличным оперативные работники вручают гражданину, согласившемуся принять участие в задержании преступника, обработанные специальным веществом деньги, технические средства для записи разговора, определяют несложную линию поведения при общении со взяточником. Практики считают, что таким образом создается обстановка, вызывающая событие, связанное со взяточничеством. Реальность наступления этого события выше в идеальных условиях, когда у взяточполучателя и взяточдателя отсутствуют какие-либо сомнения и тревоги. Получается, что внесение оперативными работниками корректив в объективно сложившиеся отношения между должностным лицом и гражданином не гарантирует наступления ожидаемого события. Об этом свидетельствуют неудачно проведенные задержания при получении взятки, оформленные как оперативный эксперимент [229, с. 181].

В качестве примера создания обстановки, максимально приближенной к предполагаемой преступной деятельности, можно представить ситуацию проверки оперативной информации о получении работниками Государственной автомобильной инспекции взяток за не привлечение к административной ответственности водителей, нарушивших правила дорожного движения.

Например, на проверяемом участке умышленно нарушаются

правила движения, например превышена скорость движения транспортного средства. Нарушитель после остановки работником ГАИ признает свою «ошибку» и ожидает его решения. Такая «созданная обстановка» определяет возможность «вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности» (ст. 34 Закона об ОРД) [328]. Этим событием может быть требование (предложение решить проблему иным образом) работника ГАИ дать взятку за не привлечение к ответственности. Однако если остановленный водитель, сотрудничающий с органом, осуществляющим ОРД, первым предлагает работнику ГАИ взятку, то такие действия расцениваются как провокация.

Проведение оперативного эксперимента в связи со взяточничеством представляется неосновательным, так как сущность эксперимента состоит в проведении опытов [8, с. 740]. О проведении опыта можно говорить, основываясь на примере проверки служебной деятельности работников ГАИ. Однако какие опыты проводятся в момент задержания взяточника с поличным? Ответить на этот вопрос положительно можно только в одном случае, но это связано с нарушением закона. Эти нарушения нередко выражаются в создании «обстановки провокации преступления» [329, с. 43].

На действия, связанные с провокацией взятки, распространяется ст. 396 УК «Инсценировка получения взятки, незаконного получения вознаграждения или коммерческого подкупа». К подобным действиям относятся: «незаметное оставление денег или иных ценностей в кабинете должностного лица, отказавшегося их взять (например, подбрасывание их в ящик стола, папку, документы, одежду потерпевшего), направление их по почте, телеграфу, через иных лиц, передача ценностей близким соответствующего лица без его согласия, попытка оказать услуги имущественного характера (бесплатно или по явно заниженной стоимости) и т. п.» [330, с. 21].

Как подстрекательство рассматривается ситуация неоднократно повторяющихся провоцирующих действий со стороны лиц, участвующих в проведении оперативного эксперимента, которым удается склонить должностное лицо к получению взятки.

Например, Р., сотрудничая с органом, осуществляющим ОРД, в разное время приходила на работу к Г. и склоняла его принять взятку,

более того, насильно пыталась вручить ее Г. Только на третий раз Г. уступил назойливой посетительнице и принял взятку, после чего и был задержан с поличным [229, с. 169].

В практике расследования уголовных дел много примеров, связанных с подстрекательством к даче взятки.

Например, М. подстрекал Д. к даче взятки неустановленным должностным лицам УГАИ ГУВД Мингорисполкома за благоприятное для него решение вопросов о возврате Д. водительского удостоверения на право управления транспортным средством в нарушение установленного порядка и об открытии Д. дополнительной категории «А» на право управления мотоциклами [331].

Во второй криминалистической ситуации имеется информация, полученная в результате ОРД. Ее, как правило, недостаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а также для проведения оперативного эксперимента. По этой причине собранную информацию оперативные работники используют для подготовки оперативного эксперимента с соблюдением иных обязательных условий для его проведения:

- предварительной проверки сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного гражданином либо группой граждан преступления;

- указания полученной информации на признаки не любого, а только тяжкого или особо тяжкого преступления;

- недостаточности сведений о признаках преступлений, необходимых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

- невозможности или затруднительности выполнения задачи ОРД без проведения оперативного эксперимента (ст. 34 Закона об ОРД).

При рассмотрении условия проведения оперативного эксперимента в этой ситуации взяточничества возникает вопрос о возможности выполнить задачу ОРД без проведения данного ОРМ. Задачами ОРД выступают выявление и пресечение деяний, связанных со взяточничеством, а также выявление граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 3 Закона об ОРД). Наряду с этими общими нормативно регламентированными задачами орган, осуществляющий ОРД, решает задачу документирования преступной деятельности проверяемого (разрабатываемого) лица. В процессе выявления взяточничества подобное документирование может

осуществляться посредством проведения иных ОРМ.

При задержании с поличным оперативные работники должны руководствоваться УПК, предусматривающим такое основание для задержания, как «лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения» (ст. 108).

Например, в отношении Г. оперативные работники в течение недели проводили различные ОРМ, из материалов которых усматривались признаки преступного деяния в отношении З. В завершение оперативной проверки противоправных действий Г. было организовано проведение в отношении него оперативного эксперимента. Решение о проведении этого ОРМ было принято, несмотря на имеющиеся сведения (также получены в результате ОРМ), что Г. на встречу с З. для получения 20 000 долларов США направит В., неосведомленного о преступной деятельности Г. Встретившись с В. в его автомобиле, З. передал пакет с деньгами под видом документов. Вскоре после отъезда с автостоянки В. был остановлен и задержан [271].

Этот пример показывает необоснованное с точки зрения теории и практики проведение оперативного эксперимента. Целесообразно было бы продолжить ОРД и получить данные, способствовавшие изобличению не только Г., но и иных лиц, в отношении которых согласно материалам уголовного дела имелись подозрения.

Следует обратить внимание, что органы, осуществляющие ОРД, имеют возможность выявить факт любого взяточничества вне зависимости от времени его совершения и личности взяточника. Однако наиболее результативна борьба со взяточничеством в случаях обращения граждан с заявлением о вымогательстве у них взятки. В такой ситуации может проводиться оперативно-тактическая операция по задержанию взяточника с поличным. В ее проведении принимает участие гражданин, заявивший о вымогательстве взятки и согласившийся на оказание содействия органу, осуществляющему ОРД. Задача задержания взяточника с поличным решается посредством проведения нескольких ОРМ, осуществляемых на основе заведенного дела оперативного учета в ходе реализации оперативно-розыскной операции. В рамках такой операции проводятся иные, предусмотренные ст. 18 Закона об ОРД, ОРМ, например наблюдение, контроль в сетях электросвязи, слуховой контроль и др. По факту на этапе завершения оперативно-тактической

операции, как правило, проводится оперативный эксперимент, что, по нашему мнению, необязательно.

Подготовительная стадия этой операции включает:

- 1) изучение и оценку имеющейся на подозреваемое в вымогательстве взятки лицо оперативно-розыскной информации;
- 2) получение о нем дополнительных сведений, необходимых для успешного выполнения задач ОРД;
- 3) изучение предполагаемого места реализации ОРМ;
- 4) подготовку предмета взятки, обработку его специальным химическим веществом, невидимым визуально, но обеспечивающим образование следов при контакте с ним;
- 5) подготовку специальных средств для фиксации ОРМ;
- 6) выдачу специального задания под роспись гражданину, привлеченному к участию в проведении ОРМ (ст. 19 Закона об ОРД);
- 7) определение линии поведения гражданина, оказывающего содействие органу, осуществляющему проведение операции, его инструктаж;
- 8) составление плана проведения операции и входящих в нее ОРМ. В плане оперативно-розыскной операции, как правило, предусматриваются:
 - 1) обстоятельства, на проверку которых направлена операция;
 - 2) обстоятельства проведения операции (место, время проведения, персональные данные лица, в отношении которого она производится);
 - 3) обоснование замысла и возможность исполнителя (гражданина, оказывающего содействие органу, осуществляющему ОРД) реализовать его;
 - 4) состав участников операции и содержание их инструктажа;
 - 5) вопросы взаимодействия и координации лиц, участвующих в операции;
 - 6) иные ОРМ, реализуемые для достижения цели операции;
 - 7) меры по задержанию проверяемого лица с поличным на месте осуществления операции или в ином месте;
 - 8) средства фиксации хода и результатов операции;
 - 9) меры по локализации возможных негативных последствий операции;
 - 10) направления использования материалов, полученных в ходе реализации оперативно-тактической операции.

Недостаточная подготовленность либо игнорирование некоторых обстоятельств проведения операции может негативно сказаться на ее результатах. Например, нельзя не уделять внимания изучению места предстоящего проведения операции.

Нередко органы, осуществляющие ОРД, предварительно проводят проверку, основываясь на обращении к ним с соответствующим заявлением лица, у которого вымогают взятку либо подстрекают к даче взятки. Это также служит отправной точкой для производства ОРМ в целях проверки содержащихся в заявлении сведений. В то же время такая ситуация существенно отличается от рассмотренной нами ранее и имеет нормативную регламентацию. Дело в том, что заявление лица, у которого вымогают взятку, является поводом для возбуждения уголовного дела, предусмотренным ст. 166 УПК. Однако заявление гражданина не влечет за собой автоматическое возбуждение уголовного дела. Законодатель в ст. 173 УПК предусмотрел, что «решение по заявлению или сообщению должно быть принято в срок не позднее трех суток, а при необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела – не позднее десяти суток». Такая формулировка закона позволяет в подавляющем большинстве случаев вымогательства взятки не возбуждать уголовное дело.

Содержащиеся в заявлении сведения проверяются вплоть до момента задержания вымогателя взятки с поличным, и только после этого проверка заявления завершается принятием решения о возбуждении уголовного дела. Решение принимается следователем, которому передаются все документы: заявление гражданина, материалы, связанные с проверкой содержащихся в нем сведений и задержанием лица, подозреваемого во взяточничестве.

При этом не учитывается тот факт, что заявление гражданина о преступлении, оформленное в соответствии со ст. 168 УПК, наряду с явкой с повинной и рапортом об обнаружении признаков преступления служит официальным документом, влекущим за собой не только производство ОРД, но и обязанность для органа дознания принять согласно ст. 174 УПК решение «о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о передаче заявления, сообщения по подследственности, компетенции». Причем такое решение должно быть принято в соответствии со ст. 173 УПК.

Из этого следует, что орган, осуществляющий ОРД, в целях выявления признаков взяточничества одновременно выступающий в соответствии со ст. 37 УПК и органом дознания, получив заявление о взяточничестве должен в течение трех суток направить его по подследственности следователям Следственного комитета Республики Беларусь. Длительное производство ОРМ приводит к нарушению установленных УПК сроков, а уголовные дела возбуждаются только после так называемой реализации оперативных материалов в форме задержания взяточполучателя с поличным после получения взятки.

Следует учесть, что заявление о вымогательстве взятки или о даче взятки, сделанное лицом в официальной форме, уже не относится к материалам оперативной разработки и является поводом к возбуждению уголовного дела. Порядок его рассмотрения регламентирован УПК. В случае если такое заявление предоставляется следователю вместе с другими материалами ОРД, это противоречит Закону об ОРД.

Названная ошибка наиболее часто встречается в практической деятельности. Ее допущение может повлечь нарушение других норм УПК. Для маскировки такой ошибки заявления о преступлении или протоколы устных заявлений оформляются в конце проведения ОРД, после выявления конкретного факта взяточничества. По этой причине, если заявитель по собственной инициативе обратился с письменным заявлением, рассматривать его необходимо в соответствии с УПК при одновременном ускоренном проведении ОРМ.

Наличие заявления о даче-получении взятки либо ее вымогательстве должно служить основой для сотрудничества органа, осуществляющего ОРД, со следователем. Получив такое заявление, орган дознания должен направить его следователю или прокурору. Описанный путь обеспечит участие следователя в проверке заявления совместно с оперативными работниками. В случае если тактическая операция по какой-либо причине не может быть проведена, следователь, возбудив уголовное дело, немедленно подключается к реализации расследования сразу после задержания взяточника с поличным.

Если оперативные работники сообщают следователю или прокурору о произведенном задержании с поличным, то это приводит к проведению первоначальных неотложных следственных действий с опозданием и нередко без должной подготовки. Самостоятельно

оперативные работники проводят только осмотр места происшествия, качество которого не всегда соответствует требованиям. По делам о взяточничестве часто возникает потребность в обысках, освидетельствовании задержанных, выемке документов и т. п., проведение которых возможно только после возбуждения уголовного дела следователем. Все это указывает на необходимость участия следователя на стадии до возбуждения дела о взяточничестве, в обсуждении плана реализации оперативных материалов, в том числе и в форме оказания консультативной помощи оперативным работникам и одновременной выработки плана первоначальных следственных действий.

Представляется логичным вывод о целесообразности совместной работы следователя с оперативными сотрудниками на данном этапе (при условии затруднений в принятии решения о возбуждении уголовного дела), что в итоге обеспечит реализацию оперативных материалов и послужит залогом успеха дальнейшего расследования.

Материалы ОРД, полученные по итогам проведения оперативно-розыскной операции, не являются доказательствами, но служат основанием для возбуждения уголовного дела. Кроме того, они могут быть использованы в уголовном процессе в качестве источника доказательств. Следует также учесть, что «формирование доказательств на основе оперативных данных в компетенцию оперативных аппаратов не входит» [332, с. 107]. Формировать доказательства на основе материалов ОРД могут лица, уполномоченные вести уголовный процесс, и только уголовно-процессуальными методами.

3.5. Порядок использования материалов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о взяточничестве

Возможность использования материалов ОРД в доказывании по уголовным делам предусмотрена ст. 49 Закона об ОРД и ст. 101 УПК. Однако существующие пробелы и коллизии отдельных норм указанных актов породили массу научных публикаций, содержащих различные мнения по данной проблеме. Ее суть – имеющееся противоречие, которое составляет, с одной стороны, принцип гласности (открытости) судебного разбирательства (ст. 114 Конституции

Республики Беларусь, ст. 23 УПК), где на основе доказывания принимается решение о виновности обвиняемого и его ответственности, а с другой – характерная для ОРД конспиративность (засекреченность) (ст. 4 Закона об ОРД).

Принцип гласности судебного разбирательства оказывает регламентирующее воздействие и на другие стадии, в том числе досудебные. Доказательства и иные материалы, полученные в ходе предварительного расследования, подлежат рассмотрению, преимущественно в открытом судебном заседании. В связи с этим они, как правило, не должны содержать секретной информации. Предупреждение на стадии предварительного расследования об уголовной ответственности за разглашение материалов дела, рассмотрение уголовного дела в закрытом заседании не обеспечивают достаточных гарантий для сохранения тайны. Утечка информации о технических средствах, оперативно-тактических методах и приемах, об источниках и каналах оперативно-розыскной информации, использованных в ОРД по конкретному уголовному делу о взяточничестве, может снизить эффективность в борьбе с коррупцией и взяточничеством, угрожать безопасности лиц, участвующих в ОРМ. Учитывая данное обстоятельство, сотрудники органов, осуществляющих ОРД, не всегда заинтересованы в использовании материалов ОРД в качестве источника доказательств.

Различным аспектам обозначенной проблемы посвятили труды белорусские [311; 333–335] и российские [336–339] ученые. Несмотря на научные разработки, до сих пор отсутствует четкая, единая правовая регламентация последовательности действий органов, осуществляющих ОРД, и органов, осуществляющих предварительное расследование, в связи с введением материалов ОРД в уголовный процесс.

Содержание ст. 101 УПК свидетельствует, что источником доказательств материалы ОРД могут быть только после их проверки и оценки, осуществляемой в порядке, установленном УПК. Под источником доказательств следует понимать процессуальную форму, в которую облечены фактические данные-доказательства, показания участников процесса, документы, заключения экспертов, вещественные доказательства [340, с. 12–13]. Однако УПК установлена процедура проверки и оценки доказательств (ст. 104, 105 УПК), а не их

источников. При этом в ст. 101 УПК не названа важная составляющая процесса доказывания, присущая правовому режиму формирования доказательств в уголовном процессе, – их собирание.

Безусловно, проверке в уголовном процессе подлежат доказательства, а не материалы ОРД. «Собранные по материалам и уголовному делу доказательства подлежат всесторонней, полной и объективной проверке органами уголовного преследования и судом» (ч. 1 ст. 104 УПК). Несмотря на то что ст. 101 УПК предусматривает возможность признания в качестве источника доказательств материалы, полученные в ходе ОРД, отношение к таким доказательствам неоднозначное. Исследуя в процессе судебного следствия доказательства, источником которых являются материалы ОРД, судье необходимо обратить внимание на соблюдение органами, осуществившими ОРМ, и органом уголовного преследования условий, при которых такие материалы могут быть введены в уголовный процесс в качестве источника доказательств. Важным условием использования материалов ОРД в уголовном процессе в качестве источника доказательств выступает приобретение ими в ходе легализации таких свойств, как относимость, допустимость и достоверность. Наличие связи между конкретным преступлением и теми сведениями, которые получены в ходе ОРМ, указывает на их относимость. При этом оперативная информация должна иметь отношение к обстоятельствам, образующим предмет доказывания по уголовному делу. Допустимым является доказательство, которое получено органом, ведущим уголовный процесс, законным способом, из предусмотренного законом источника и облечено в надлежащую форму (ч. 3 ст. 105 УПК). Содержащаяся в материалах ОРД информация изначально не обладает свойством допустимости, потому что способы ее получения и формы закрепления не предусмотрены УПК. Следовательно, проверка наличия возможностей приобретения материалами ОРД свойства допустимости доказательства – одна из важнейших задач, возникающих в период их легализации. Решение данной задачи возможно на основе анализа порядка формирования материалов ОРД.

Формирование материалов ОРД необходимо осуществлять с учетом принципа законности: ОРМ должны быть проведены в соответствии с положениями Закона об ОРД и ведомственными нормативными правовыми актами. Условием формирования материалов

ОРД является обеспечение режима секретности.

Согласно ч. 6 ст. 105 УПК «достоверными признаются доказательства, если они соответствуют действительности». В основу процессуальных решений принимаемых органом уголовного преследования или судом, могут быть положены только достоверные доказательства, не вызывающие сомнений.

Для того чтобы стать доказательствами, любые сведения, имеющие значение для уголовного дела, должны быть получены путем производства процессуальных действий (ч. 1 и 2 ст. 103 УПК) и из источников, предусмотренных законом (ч. 2 ст. 88 УПК). Это же правило распространяется и на сведения, содержащиеся в материалах ОРД.

Следовательно, материалы ОРД, предоставляемые для использования в доказывании по уголовным делам о взяточничестве, должны позволять формировать доказательства и содержать фактические данные, имеющие значение для установления входящих в предмет доказывания обстоятельств, а также указывать на источник их получения в целях проверки доказательств, сформированных на их основе.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод: для осуществления объективной проверки и оценки доказательств, сформированных на основе материалов ОРД, суду необходимы знания о порядке их легализации в уголовном процессе в качестве источника доказательств.

Ранее мы выразили свою позицию относительно порядка легализации в уголовном процессе материалов ОРД [341, с. 316], которую условно разделили на следующие этапы (стадии):

- 1) предоставление (передача) материалов ОРД органу уголовного преследования;
- 2) проверка законности ОРМ, в результате которых получены предоставленные материалы;
- 3) введение предоставленных материалов ОРД в уголовный процесс в качестве источника доказательств.

Первый этап легализации связан с передачей-получением материалов ОРД. Инициатива в получении-передаче материалов ОРД может исходить как от органов уголовного преследования (ч. 2 ст. 103 УПК), так и от органов, осуществляющих ОРД (ст. 50 Закона об ОРД). Органу, ведущему уголовный процесс, передаются материалы ОРД в

целях их введения в уголовный процесс. Из числа органов уголовного преследования материалы ОРД целесообразно, на наш взгляд, первоначально передавать прокурору. Именно прокурор имеет реальную возможность контролировать процесс перехода оперативно-розыскной информации о взяточничестве в процессуальные источники доказательств. В этом случае он становится связующим звеном между оперативным подразделением, осуществившим ОРД, и следователем, а также выступает гарантом законности легализации материалов ОРД в уголовном процессе [342, с. 180–200].

Внешняя форма, процедура предоставления материалов ОРД и порядок их принятия не имеют регламентации в УПК и Законе об ОРД. Ничего не сказано в Законе об ОРД и про оперативно-служебные документы, отражающие материалы ОРД. Предполагается, что в ОРД используются все формы фиксации собранных данных (информации): вербальная (словесная), графическая, предметная и наглядно-образная, а также их различные комбинации [136, с. 150].

Значит, сведения (информация), полученные в ходе проведения ОРМ, могут быть закреплены либо содержаться в оперативно-служебных документах (рапорты и др.), на технических средствах фиксации (материалы фото- и видеосъемки и т. п.), в объяснениях лиц, участвовавших в ОРМ и в сообщениях конфиденентов [343, с. 11].

Анализ правоприменительной деятельности и ведомственных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что предоставление материалов ОРД как стадия легализации должно включать постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД, о передаче материалов, полученных в ходе ОРМ (в необходимых случаях постановление о рассекречивании отдельных документов), сопроводительные документы и фактическую передачу материалов. К постановлению могут быть приобщены оперативно-служебные документы, отражающие результаты ОРД, а также иные предметы и документы.

Сам факт предоставления материалов ОРД не предопределяет их введение в систему доказательств. Принимать решение об этом предстоит следователю на основе осуществленной проверки и оценки предоставленных материалов.

Следующий этап легализации материалов ОРД в уголовный процесс представляет собой деятельность по проверке

предоставленных материалов. Проверка законности осуществления ОРМ предполагает установление их соответствия законодательству, регулиющему ОРД. Аналогичную проверку реально осуществить и на этапе судебного разбирательства. В процессе осуществления такой проверки суду необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства:

- предусмотрены ли ст. 18 Закона об ОРД мероприятия, в результате проведения которых получены предоставленные материалы;

- проведены ли ОРМ уполномоченным на осуществление ОРД подразделением государственного органа (ст. 12 Закона об ОРД);

- проведены ли ОРМ в тех целях и для решения тех задач, которые изложены в ст. 3 Закона об ОРД. Не допускается ОРД для решения задач, не предусмотренных Законом об ОРД;

имелись ли основания для производства ОРМ, предусмотренные ст. 16 Закона об ОРД;

- соблюдены ли условия, предусмотренные Законом об ОРД для проведения ОРМ. Эти условия перечислены в ст. 19 Закона об ОРД;

- имеется ли в предусмотренных Законом об ОРД случаях санкция прокурора на проведение ОРМ (ст. 35), ограничивающих конституционные права граждан;

- соблюдены ли условия проведения ОРМ в отношении лиц, занимающих некоторые государственные должности (депутаты Национального собрания Республики Беларусь и др.).

Нарушение вышеперечисленных требований делает материалы ОРД ничтожными, а также препятствует их использованию в доказывании. Положительный результат указанной проверки позволяет принять решение о возможности использования материалов ОРД в уголовном процессе в качестве источника доказательств. В дальнейшем суду необходимо убедиться в наличии и правильности определенных действий, осуществляемых в целях придания материалам ОРД процессуальной формы.

Заключительный этап легализации включает процессуальные действия и состоит из следующих элементов:

- процессуальное закрепление полученных материалов ОРД следователем;
- проверка материалов ОРД с помощью процессуальных средств;
- признание доказательственного значения материалов ОРД.

Порядок процессуального закрепления материалов ОРД зависит от статуса приобретаемого ими источника доказательств. Материалы ОРД служат основой для формирования доказательств, которые могут быть разделены на две группы:

- материальные носители информации;
- сведения идеального характера (чаще всего показания свидетелей). В качестве материальных носителей информации, полученной при помощи ОРМ в ходе выявления признаков взяточничества, обычно выступает оперативная видео-, аудиозапись. Такая запись может использоваться в доказывании по уголовному делу и занимает в нем положение вещественного доказательства.

Всякое вещественное доказательство проходит следующие этапы процессуального закрепления:

- получение материалов видео-, аудиозаписи следователем;
 - их проверка и признание доказательственного значения.
- Процессуальная работа над оперативной записью, содержащей сведения о взяточничестве, начинается с момента ее получения следователем. Правильной формой фиксации получения предоставленного предмета является составление протокола осмотра. В дальнейшем полученная оперативная запись подлежит тщательной проверке, осуществляемой уголовно-процессуальными способами и средствами.

Среди наиболее распространенных способов проверки могут быть использованы:

- допрос должностного лица, предоставившего либо производившего оперативную запись;
- осмотр (просмотр, прослушивание) записи с участием специалиста;
- проведение экспертизы (например, фоноскопической);
- осмотр местности, помещения, зафиксированных в момент видеозаписи или на фотографиях;

- допросы лиц, зафиксированных на видео-, аудиозаписи;
- проверка показаний на месте и др.

По итогам проверки может быть вынесено постановление о приобщении к уголовному делу, например, оперативной записи в качестве вещественного доказательства либо об отказе в приобщении к делу.

Таким образом, осуществив по выше предложенной схеме проверку и оценку доказательств, источником которых явились материалы ОРД, суд может признать их допустимыми и использовать для принятия решения о виновности и ответственности обвиняемого в совершении взяточничества.

ГЛАВА 4

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

4.1. Профилактика в системе целей правоохранительной деятельности в сфере противодействия коррупции и взяточничеству в Республике Беларусь

Преступность в современных условиях является существенным дестабилизирующим фактором в обществе и государстве. Противодействие этому негативному явлению должно иметь строго целевую направленность, основанную на результатах научных исследований. Не является исключением в рассматриваемом аспекте и деятельность правоохранительных органов в сфере противодействия коррупции и взяточничеству.

Разработку методов и средств противодействия коррупции и коррупционной преступности призвана обеспечить наука криминалистика. Данное обстоятельство, подчеркивая взаимосвязь науки и практики, дает основание для понимания наличия общих целей, а также определяет их единый, криминалистический характер. Главной целью для науки криминалистики и практической деятельности является эффективное противодействие преступности.

Деятельность любой направленности предполагает в ходе ее осуществления предварительную постановку, а затем и достижение поставленных целей. Разработка системы деятельности при отсутствии четко сформированных целей теряет смысловое значение. Формулировка целей обуславливает содержательность, структурность и результативность деятельности.

Не является исключением в рассматриваемом аспекте и правоохранительная деятельность, направленная на противодействие коррупции и коррупционной преступности в Республике Беларусь.

Цели деятельности в сфере противодействия преступности до настоящего времени окончательно не изучены и не сформированы в цельную систему. Более того, в научных исследованиях, а также, соответственно, в учебниках и учебных пособиях, вопрос о целях данного вида деятельности остается в стороне. В нормативных правовых актах, регламентирующих правоохранительную деятельность, речь идет о задачах (ст. 3 УПК).

Для рассмотрения данной проблемы необходимо разграничить понятия «цель» и «задача».

«Цель» является итогом, результатом деятельности. Она носит вероятностный характер и отражает стремление к чему-либо. В соответствии с философским определением понятия, цель это «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия» [344, с. 534].

Понятие задачи предусматривает комплекс действий с конкретным результатом, который может быть получен (получен частично) либо не получен. Решение ряда задач практической деятельности обеспечивает, как правило, достижение конкретных целей.

Чтобы определить цели практической деятельности в сфере противодействия коррупционной преступности, необходимо выяснить, как данный вид деятельности возник, что послужило его появлению.

Рассматривая любой вид деятельности, можно отметить, что он призван удовлетворять какие-либо потребности человека и общества в целом. С появлением государства и права возникла необходимость в таком виде деятельности, который был связан с установлением виновных в совершении того, что стало называться преступлениями (правонарушениями). В государстве таким направлением деятельности занимались определенные лица (органы), обязанностью которых был

поиск и изобличение преступников. Тем самым, государство в лице его специальных (правоохранительных) органов противостояло преступности. В итоге это повлекло за собой формирование специальной науки, которую в конце XIX века Ганс Гросс назвал криминалистикой. На нее изначально было возложено решение ряда задач, ориентированных на достижение соответствующих целей.

Рассматривая вопрос о целях криминалистики, необходимо совершить исторический экскурс во времена, когда была создана данная отрасль знания.

До появления специальной науки многие знания, наставления, рекомендации криминалистического характера содержались в разрозненных научных трактатах по уголовному, гражданскому праву, а также уголовному процессу. Так, в 1673 году в Париже издана книга Ж. Равено «Трактат об исследовании письма», в 1838–1841 гг. в Германии было издано двухтомное «Руководство по судебному расследованию» Людвиг фон Ягеманна [143, с. 108–109]. Период, предшествующий появлению науки криминалистики, характеризуется количественным и качественным ростом преступности, появлением профессиональной, а затем организованной преступности, перед которой государственные органы многих стран того времени оказались бессильны. В связи с этим произошла консолидация криминалистических знаний как результат социального заказа на «систему, способную противостоять преступности нового качества» [136, с. 1].

Учитывая условия, в которых была сформирована криминалистическая наука, следует признать, что ее целью, с момента появления и до настоящего времени, является разработка эффективной научной системы противодействия преступности. Указанная цель характеризуется как основная, но не единственная. В системе целей криминалистики можно обнаружить дополнительные, второстепенные цели.

Процессы глобализации, происходящие в мировом масштабе, способствуют количественному и качественному росту преступности. В связи с этим в актуальном состоянии находится потребность в разработке многоуровневой, эффективной государственной системы противодействия росту «преступности нового качества».

Цель «противодействие преступности» является общей по отношению к иным видам деятельности, в том числе и научного характера. В научном

плане проблемы противодействия преступности разрабатываются криминалистикой, криминологией, уголовным и уголовно-процессуальным правом, теорией ОРД и др. Одновременно рассматриваемая цель является отдаленной, что предполагает вначале достижение иных, более близких и непосредственных целей.

Достижение любой цели требует решения ряда задач, из которых отдельные имеют комплексный характер (предполагается совершение определенного множества действий), что, в свою очередь, предопределяет возможность их рассмотрения в качестве самостоятельных целей. В связи с этим вполне оправдано вести речь о «дереве» целей [345, с. 9] практической деятельности.

В настоящее время в нормативных правовых актах, научной и учебной литературе чаще оперируют понятием «борьба с преступностью» [346]. При этом в учебной литературе она рассматривается не как цель, а задача [136, с. 52]. Термины «борьба», «бороться» в своих значениях предполагают схватку, сражение, при наличии у каждой из сторон стремления к победе, уничтожению друг друга [8, с. 48]. Говорить о ликвидации преступности не приходится, потому что она непременный атрибут любого общества и государства. Аналогично можно говорить о коррупции, как явлении, так и коррупционной преступности. Идея о беспреступном обществе, развитая в марксистско-ленинской теории, признана утопичной [347, с. 81].

Следовательно, уместно говорить не о борьбе с преступностью, которую в обозримом будущем «побороть» невозможно, а о противодействии ей. В таком случае на каждое преступное действие предполагается адекватная реакция правоохранительных органов государства посредством грамотного, экономичного использования имеющихся сил и средств. Только таким образом может быть реализована рассматриваемая цель. Она же является основой для структурирования практической деятельности.

Справедливости ради необходимо отметить, что знания, которые используются в практической деятельности, направлены на борьбу с конкретными преступлениями и в целом ориентированы на противодействие преступности.

Стремление к достижению основной цели может стать той силой, которая обеспечит позитивное изменение действительности (снижение роста преступности) только во взаимодействии с определенными методами

и средствами, необходимыми для ее практической реализации. Разработку методов и средств противодействия преступности призвана обеспечить наука криминалистика. Данное обстоятельство, подчеркивая взаимосвязь науки и практики, дает основание для понимания наличия общих целей, а также определяет их единый, криминалистический характер.

Деятельность в сфере практического противодействия преступности является самостоятельным объектом исследования науки криминалистики [348]. Криминалистика является «сервисной наукой, призванной обеспечивать раскрытие, расследование и предупреждение преступлений» [349, с. 79]. Вместе с тем, это не исключает для данного вида практической деятельности своей системы криминалистических целей, отличающейся от системы целей науки криминалистики.

Наличие указанной связи между теорией и практикой предполагает для них общую цель, которая выше была обозначена как противодействие преступности. В дальнейшем основная цель практической деятельности конкретизируется применительно к основным целевым направлениям уголовно-процессуальной деятельности – раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, в том числе и коррупционной направленности.

К числу промежуточных целей практической деятельности относится борьба с коррупционными преступлениями. Речь идет о конкретных коррупционных преступлениях как результате преступной деятельности. О состоянии борьбы с преступлениями свидетельствует ежегодная официальная статистика правоохранительных органов.

Показатель эффективности борьбы с коррупционными преступлениями напрямую зависит от достижения иных целей практической деятельности: 1) выявление; 2) раскрытие; 3) расследование; 4) предупреждение преступлений данной группы.

Необходимость выявления коррупционных преступлений обусловлена наличием высокой латентности, которая и по многим другим видам преступлений достигает 80–90% [345, с. 7].

Выявление коррупционных преступлений представляет собой этап деятельности уполномоченных субъектов, направленной на «достижение достоверного знания о наличии объективных признаков преступления, достаточных для возбуждения уголовного дела» [342, с. 149]. Выявление коррупционных преступлений и, в первую очередь взяточничества, обеспечивается преимущественно силами, средствами и методами органов,

уполномоченных осуществлять ОРД. Однако, выявление неочевидных коррупционных преступлений возможно и в рамках процессуальной деятельности осуществляемой в связи с возбуждением иного уголовного дела.

Цель практической деятельности – выявление коррупционных преступлений – реализуется посредством решения следующих задач:

- 1) обнаружение признаков скрытого (латентного) коррупционного преступления;
- 2) установление этапов развития коррупционного преступления (подготовка, совершение, механизм, результаты, последствия);
- 3) установление фактов взаимосвязи «системы коррупционное преступление» с другими системами;
- 4) выявление и изучение отражений элементов криминалистической структуры коррупционного преступления.

Раскрытие коррупционного преступления как процессуальное понятие связывается с определенным решением по уголовному делу. Коррупционное преступление считается полностью раскрытым, когда фактически установлены существенные для дела обстоятельства, а также субъект преступленного посягательства. Составной частью такого раскрытия является выявление признаков латентного коррупционного преступления (например, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями). На стадии предварительного расследования преступление считается полностью раскрытым, когда составлено постановление (с приложением к нему справки) о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд (ст.ст. 260–261 УПК). Окончательно преступление раскрыто после вступления приговора суда в законную силу.

В криминалистическом аспекте «раскрытие преступления представляет собой деятельность, направленную на получение информации (возможно предположительной) о совершении преступления определенным лицом» [350, с. 387]. Раскрытие коррупционного преступления – это совместная цель следователя и оперативных работников органа дознания, которая может быть достигнута посредством решения следующих задач:

- 1) сбор и анализ информации о совершенном коррупционном преступлении;
- 2) изучение элементов криминалистической структуры коррупционных преступлений;

3) получение информации, дающей основание для выдвижения и проверки версий о совершении преступления определенным лицом [351, с. 77–78].

Содержание расследования во многом определяется результативностью деятельности по раскрытию преступления. Основа для разграничения раскрытия и расследования преступлений находится в познавательной и удостоверительной функциях уголовного процесса. При расследовании факт преступления должен быть не только установлен и детально изучен, что существенно для его раскрытия и решения отдельных задач расследования, но и надлежащим образом процессуально оформлен. В процессе расследования осуществляется выявление обстоятельств, связанных с личностью преступника, выявлением смягчающих и отягчающих обстоятельств и других данных, которые в совокупности позволяют обеспечить правильное применение закона к расследуемому случаю, «гарантируют привлечение к ответственности именно виновного и не позволяют это сделать в отношении невиновного» [148, с. 6–7]. Наряду с этим в процессе расследования реализуются и процессуальные функции, в частности процессуальное руководство следователя, обеспечение прав и законных интересов участников процесса, защита интересов, нарушенных преступлением и др. Вместе с тем основная содержательная часть расследования связана с процессом доказывания.

Достижение цели расследования обеспечивается решением следующих задач, определяемых характером процессуальной деятельности и связанных с процессом доказывания: 1) сбор доказательств (ст. 103 УПК); 2) проверка доказательств (ст. 104 УПК); 3) оценка доказательств (ст. 105 УПК).

Содержательная сторона каждой из названных задач имеет сложную структуру, связанную с необходимостью совершения множества действий, которым предшествует постановка конкретных задач. Это определяет возможность рассмотрения названных задач (сбор, проверка и оценка) уже в качестве целей.

Сбор доказательств как цель деятельности требует решения задач и совершения соответствующих действий, связанных с обнаружением (отысканием, выявлением), фиксацией (закреплением), изъятием, сохранением и предварительным исследованием доказательств.

В ходе проверки доказательств выполняются действия направленные на решение следующих задач:

- 1) анализ, раскрытие содержания доказательств;
- 2) сопоставление проверяемого доказательства с другими, имеющимися в материалах и уголовном деле доказательствами;
- 3) выявление источников доказательств;
- 4) получение других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

В результате оценки доказательств устанавливается наличие и характер связей между доказательствами, определяются роль, значение, достоверность, достаточность и пути использования доказательств для установления истины. Оценка доказательств, как логический процесс, требует решения задач:

- 1) выяснить относимость и допустимость доказательств;
- 2) проверить достоверность доказательств;
- 3) установить согласованность или несогласованность доказательств;
- 4) определить достаточность доказательств;
- 5) определить значение доказательств.

Процесс доказывания не ограничивается только сбором, проверкой и оценкой доказательств. В методических целях, для более углубленного изучения этого процесса, необходимо выделять в доказывании такой этап как использование доказательств.

Использование доказательств представляет собой заключительный этап работы с доказательствами: после их собирания, проверки и оценки субъект доказывания оперирует ими, решает с их помощью те или иные задачи доказывания [340, с. 270]. Достижение цели использования доказательств возможно посредством решения следующих задач:

- 1) проверка версий, иных доказательств;
- 2) получение новых доказательств, новой информации;
- 3) моделирование механизма преступления;
- 4) демонстрация доказательств в ходе следственных действий для:
 - а) устранения в показаниях существенных противоречий;
 - б) изобличения в даче ложных показаний;
 - в) убеждения в бессмысленности противодействия расследованию.

Обязанности правоохранительных органов в сфере противодействия преступности не ограничиваются раскрытием, расследованием и привлечением виновных к уголовной ответственности. При производстве дознания и предварительного следствия органы уголовного преследования обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению

преступления (ст. 90 УПК).

Выявление этих причин и условий является одной из задач призванных, обеспечить достижение цели, формулируемой как предупреждение преступлений. В учебной литературе по криминалистике под предупреждением преступлений понимается «система приемов выявления причин и способствующих преступлению условий, объектов криминалистическо-профилактического воздействия, а также профилактических мер, затрудняющих совершение новых аналогичных преступлений, пресекающих или прерывающих преступную деятельность конкретных лиц» [148, с. 81]. Уточняя рассматриваемое определение, следует отметить, что в действительности надо говорить о системе мер предупредительного характера, применяемых после выявления причин и условий, способствующих преступлению, для предупреждения совершения аналогичных или иных преступлений.

Установление при производстве по уголовному делу нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления, перед органом уголовного преследования встает новая задача, связанная с необходимостью внесения в соответствующие организации или должностному лицу представления о принятии мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 199 УПК). Представление подлежит безотлагательному рассмотрению с принятием необходимых мер по выполнению содержащихся в нем требований. О принятых мерах соответствующая организация или должностное лицо, которым внесено представление, в месячный срок в письменной форме информируют субъекта, внесшего представление.

В дальнейшем правоохранительные органы вправе осуществить меры профилактического характера, предусмотренные законодательными актами Республики Беларусь [352]. В юридической литературе и научных работах речь идет о профилактике уголовно-наказуемых деяний. Под профилактикой ученые понимают «комплекс различных взаимосвязанных между собой мероприятий, проводимых государственными органами, общественными объединениями, отдельными гражданами и направленных на то, чтобы предотвратить их (преступления – А. Х.), а также устранить, ограничить, нейтрализовать их причины и способствующие им условия» [353, с. 86].

Таким образом, система целей правоохранительной деятельности в сфере противодействия преступности носит криминалистический характер, в целом не совпадает с системой целей науки криминалистики. Общей целью для науки криминалистики и практической деятельности является цель, которая формулируется как эффективное противодействие преступности.

4.2. Меры общей профилактики коррупции и взяточничества в Республике Беларусь

Важным направлением противодействия коррупции и взяточничеству является их профилактика. На значимость данного направления в правоохранительной деятельности обратили внимание многие белорусские ученые: И. И. Басецкий и А. В. Башан [354], В. И. Берестень [355], В. Н. Бибило [356; 357], Г. А. Василевич [358], И. Р. Веренчиков [359; 360], В. Л. Григорович [361; 362], А. Е. Гучок [363], А. В. Дулов [364], В. С. Красиков [365], А. С. Рубис [342, с. 62], В. М. Хомич [366], В. Б. Шабанов [367–371], В. П. Шиенок [372–374], Г. А. Шумак [375] и др.

Действующий Закон о борьбе с коррупцией не содержит понятия «профилактика коррупции». В нем имеется глава, посвященная предупреждению коррупции. На государственных должностных лиц, а также на лиц, претендующих на занятие государственных должностей, возлагается письменное обязательство соблюдения ряда ограничений. Перечень этих ограничений достаточно широк. Например, государственное должностное лицо не вправе заниматься предпринимательской деятельностью, принимать участие лично или через иных лиц в управлении коммерческой организацией (ст. 17); запрещается для должностного лица их совместная служба с супругами, близкими родственниками или свойственниками, если они связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому (ст. 18); установлен запрет для руководителя (его заместителей), главного бухгалтера (его заместителей) организации на вхождение в состав органов, осуществляющих функции надзора и контроля в этой организации (ст. 19); государственные должностные лица, имеющие в собственности доли в уставных фондах (акции) коммерческих организаций, обязаны в трехмесячный срок после

назначения (избрания) на должность либо получения указанного имущества в собственность в период нахождения в должности передать их в доверительное управление под гарантию государства на время прохождения государственной службы (ст. 20) и др.

Анализ гл. 3 «Предупреждение коррупции» Закона о борьбе с коррупцией свидетельствует о точечной направленности применяемых мер, ориентированных на конкретных лиц, занимающих государственные должности или претендующих на их занятие. Такой подход отражает суть понятия «предупреждение», которое означает «заранее принятыми мерами отворотить» или «опередить, сделать что-нибудь ранее, чем что-нибудь произошло» [8, с. 472], т. е. в нашем случае – предупредить коррупцию со стороны конкретного должностного лица, в отношении которого применяются соответствующие меры.

Впервые идея о том, что «предупреждение преступности имеет приоритет перед карательной политикой государства, была высказана еще Платоном в IV в. до н. э.» [376, с. 54]. Эта мысль получила правовое обоснование в работах ученых XVIII в., заложивших основу государственной политики в борьбе с преступностью. Ее суть в том, что «мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него» [377, с. 183].

Предупреждение коррупции со стороны должностных лиц государственных и иных органов и организаций – это лишь часть государственной политики, направленной на противодействие коррупции. Мы согласны со следующим мнением А. В. Дулова и И. Р. Веренчикова: «Предупреждение преступлений – это не только введение дополнительной охраны, изменение порядка учета и хранения материальных ценностей и т. д. Это прежде всего *сложная и длительная борьба за перестройку психологии человека* (курсив наш. – А. Х.). Для этого надо предупреждать появление негативных психических качеств, перевоспитывать тех, кто совершил преступление, так воспитывать всех граждан, чтобы у них вырабатывались такие качества, которые исключали бы возможность совершения ими преступления» [364, с. 278].

Ценность данного мнения в том, что авторы расширяют рамки правоохранительной деятельности в аспекте профилактики преступности, хотя и не называют это направление. Перестройка

психологии сознания современного человека – то, что нужно для эффективного противодействия преступности в целом и коррупционной ее разновидности. В полном объеме противодействие коррупции как социальному явлению следует рассматривать в аспекте ее профилактики. Понятие «профилактика» широкое. Оно означает «совокупность предупредительных мероприятий» [8, с. 510], которые могут осуществляться в различных сферах человеческой деятельности. Данная формулировка свидетельствует, что о профилактике можно вести речь в случае реализации совокупности мероприятий. Эти мероприятия имеют предупредительный характер, что указывает на взаимосвязь профилактики и предупреждения, последнее из которых может осуществляться посредством отдельной предупредительной меры.

Профилактика коррупции сочетает совокупность предупредительных мер, реализуемых по различным направлениям определенной области, и осуществляется специальными государственными органами, уполномоченными на это законодательными актами.

В словаре по криминологии понятие «профилактика преступлений» определили как «деятельность, направленную на устранение, ослабление, нейтрализацию криминогенных факторов, недопущение совершения преступлений лицами с явной противоправной направленностью, разъяснение гражданам их юридических прав, обязанностей, способов ограждения себя, своего имущества от преступных посягательств» [347, с. 62]. В данной формулировке показан широкий спектр действий профилактической направленности, которые не всегда связаны с совершением или возможностью совершения преступлений (например, разъяснение гражданам их юридических прав, обязанностей). Для профилактики коррупции (взяточничества) как единого вида правоохранительной деятельности характерна многовекторная направленность:

–выявление и изучение причин (условий), способствующих возникновению коррупционных отношений, ориентированных на совершение взяточничества;

–выявление лиц (групп лиц), которые склонны к совершению взяточничества и иных коррупционных преступлений в данных условиях;

– разработка и применение мер, направленных на устранение причин и условий совершения взяточничества и иных коррупционных преступлений;

– разработка и применение мер предупредительного характера в отношении лиц (групп лиц), подготавливающих совершение взяточничества или иных коррупционных преступлений;

– осуществление контроля над лицами, склонными к совершению взяточничества и иных коррупционных преступлений.

Каждое из этих направлений имеет самостоятельный характер и может рассматриваться отдельным видом профилактической деятельности. В реализации указанных видов деятельности принимают участие многие государственные органы и организации: милиция, органы государственной безопасности, таможенные органы и т. д. Применяемые ими меры имеют предупредительный характер, что указывает на «родственность» понятий «предупреждение» и «профилактика».

Ключевое место в системе профилактики, формирующей определенные правила поведения, по нашему мнению, должно занять воспитание. Воспитательный процесс многогранен и состоит из различных систем, которые условно можно разделить на две: внутреннюю и внешнюю. К внутренней системе в первую очередь относится семейное воспитание. Главной внешней системой является воспитание в рамках образовательного процесса. Данная система воспитания существенно влияет на формирование личности и окончательно определяет ту систему правил, которые в дальнейшем будут претворяться в жизнь в практической деятельности индивидуума.

Считается, что в Беларуси наиболее подвержена коррупции и, соответственно, взяточничеству сфера экономики, о чем свидетельствуют источники СМИ [378, с. 2]. Анализ сложившихся и складывающихся общественных отношений позволяет сделать вывод, что взяточничество и иные проявления коррупции характерны практически для всех областей человеческой деятельности. Не менее подвержена взяточничеству и социально-культурная область, составной частью которой является образовательная сфера.

Рассмотрим, с чем приходится сталкиваться молодежи в образовательных учреждениях многих постсоветских государств и как

это влияет на воспитание обучаемых, восприятие ими коррупции и их дальнейшее к ней отношение.

Протекционизм, поборы и взяточничество в учебных заведениях не утратили актуальности. Незаконные отношения в сфере образования приобрели широкие масштабы. Побои денег у законных представителей (родителей) учащихся превратились в систему и с молчаливого одобрения государства осуществляются под любым предлогом.

Указанные социальные явления снижают воздействие идеологической работы на учащихся и студентов. В сознании молодых людей, воспитанных на подобных противоправных примерах, формируется система правил, которые в последующем привносятся в среду их социальной деятельности. На такой негативной воспитательной основе возвращаются личности, потенциально готовые к совершению различных преступлений, в том числе взяточничества.

Проблема незаконных отношений в сфере образования имеет глубокие социальные корни, приобретает широкие масштабы. Различные коррупционные проявления снижают показатели образованности и размывают нравственные принципы молодого поколения. Молодые люди наблюдают за строительством государства, видят, какие перспективы их ждут, стремятся получить качественное образование, а коррупция и взяточничество негативно влияют на формирование мировоззрения студентов, духовно-нравственное воспитание [355, с. 87].

Совершению коррупционного правонарушения (преступления) в сфере образования (равно как и в иных сферах) предшествует ситуация, которая охватывается понятием «коррупционный риск» и не имеет правовой оценки. По нашему мнению, «коррупционный риск – это объективно сложившаяся либо субъективно созданная ситуация, которая может потенциально привести либо реально приводит к совершению коррупционного правонарушения» [99, с. 39].

Коррупционные риски в сфере образования возможны:

- 1) при формировании материально-технической базы учреждения образования;
- 2) на этапе приема в учреждение образования;
- 3) в процессе производства ремонта основных средств;
- 4) в ходе оказания дополнительных платных услуг;

- 5) в ходе приема зачетов и экзаменов;
- 6) при распределении учащихся в общежитиях;
- 7) в процессе оказания репетиторских услуг;
- 8) на этапе выпуска из учреждения образования;
- 9) при распределении выпускников учебного заведения.

Наиболее эффективными методами, которые целесообразно использовать в процессе выявления коррупционных рисков, а также при раскрытии и расследовании преступлений в сфере образования, являются криминалистический анализ и матрицирование [379]. Главное содержание криминалистического анализа – изучение общественных отношений, складывающихся в процессе образовательной деятельности между субъектами образовательных отношений, порядка формирования и обеспечения материально-технической базы учреждения образования. В первую очередь анализу должна быть подвергнута деятельность, приносящая доходы учреждению образования.

Не менее важным представляется использование метода криминалистического матрицирования в целях своевременного выявления противоправного поведения, а также признаков правонарушений. Применение данного метода предполагает разработку и использование матриц по направлениям деятельности учреждения образования, например процесса получения и использования безвозмездной (спонсорской) помощи, управления и т. д. Основой для разработки таких матриц выступает система НПА, регулирующих образовательные и связанные с ними общественные отношения. Сопоставление матрицы с действительным состоянием дел в деятельности учреждения образования обеспечит обнаружение дефектов, изучение которых позволит выявить ситуации, связанные с коррупционным риском, либо признаки коррупционного правонарушения и принять адекватные меры реагирования.

На примере формирования материально-технической базы учреждения образования рассмотрим возможности развития ситуаций, ведущих к возникновению коррупционного риска и, что более пагубно, влекущих за собой восприятие и сохранение в сознании обучающихся практик негативного поведения.

Базовым нормативным правовым актом, регламентирующим образовательную деятельность в Республике Беларусь, является Кодекс

Республики Беларусь об образовании [380]. Согласно ст. 19 Кодекса об образовании учреждения образования вправе «осуществлять образовательную деятельность» (п. 2.1), что является основной функцией, связанной с обучением и воспитанием. Наряду с этой деятельностью учреждения образования имеют право «осуществлять приносящую доходы деятельность» (п. 2.4). Заниматься этой деятельностью учреждения образования не обязаны, но в тоже время они должны осуществлять «материально-техническое обеспечение образовательного процесса в соответствии с установленными санитарными нормами, правилами и гигиеническими нормативами» (п. 4.4).

Изначально «материально-техническая база учреждений образования формируется учредителями» в соответствии с законодательством (ст. 131 Кодекса об образовании). Перечень учредителей, установленный законодательством, достаточно широк, в их числе преобладают государственные органы (ст. 20 Кодекса об образовании). На учредителей также возложена обязанность по обновлению и развитию материально-технической базы учреждений образования (ст. 132 Кодекса об образовании).

Какую деятельность, приносящую доходы, может осуществлять учреждение образования? В ст. 130 Кодекса об образовании упоминается деятельность, связанная с оказанием платных услуг. В итоге на платной основе проводятся факультативные занятия по наиболее значимым учебным дисциплинам, спортивной направленности, а также обеспечивающие развитие способностей учащихся, например, к рисованию, танцам и т. п. Факультативные занятия являются основным источником, приносящим доходы учреждению образования. Они проводятся вне рамок основного учебного процесса и широко распространены на первой ступени общего среднего образования (I–IV классы). Нередко на этой ступени образования создаются специальные классы (на основе предварительного опроса родителей), ученики которых в обязательном порядке (!) должны посещать не менее 2–3 различных «кружков», организуемых на платной основе. Готовность оплачивать обучение в таких «кружках» выверяется посредством предварительно проведенного опроса родителей на этапе зачисления учеников в учебное заведение. У родителей отбираются заявления с просьбой о зачислении детей в такие классы. В дальнейшем

с ними заключаются договоры об оказании платных образовательных услуг, в которых основной акцент сделан на оплате, т. е. фактически ученик может не посещать эти занятия (это его право), но они все равно должны быть оплачены.

В таких классах нередко количество учеников превышает допустимый законодательством лимит. Например, наполняемость классов не должна превышать: в I–IV классах – 20 учащихся, V–XI классах – 25 учащихся. Условием-требованием зачисления вновь прибывших в школу-гимназию учеников выступает заключение с родителями договора об оказании платных услуг, который им в подобных случаях просто навязывается. Здесь и проявляется один из возможных коррупционных рисков, в ряде случаев приводящий к совершению взяточничества.

Например, такое преступление совершил директор одной из минских гимназий, получивший взятку в размере 500 долларов США при решении вопроса о зачислении ученика в пятый класс гимназии [381]. Согласно п. 4 ст. 138 Кодекса об образовании «средства, полученные учреждениями образования от приносящей доходы деятельности, поступают в их самостоятельное распоряжение». При этом право распоряжаться полученными средствами у руководителя учреждениями образования отсутствует (ст. 25 Кодекса об образовании). В Кодексе об образовании порядок расходования полученных средств не установлен. Данный вопрос регулируется на уровне подзаконных актов, а также в соответствии с уставами учреждений образования (ст. 138 Кодекса об образовании). Таким образом, вопросы расходования полученных средств регулируются в порядке, который определяет непосредственно их учредитель, являющийся по отношению к ним, как правило, вышестоящим органом, наделенным государственно-властными полномочиями. А это значит, что фактически распоряжается всем имуществом, в том числе и полученными средствами от оказания платных услуг образования, только собственник, передавший имущество в оперативное управление учреждению образования, т. е. его учредитель. Согласно Кодекса об образовании учредитель назначает на должность и освобождает от должности руководителя, а также утверждает устав учреждения образования. Следовательно, учреждение образования, занимаясь деятельностью, приносящей доход, не может без уведомления учредителя решать объективно возникающие

материальные проблемы.

Вышеизложенные обстоятельства и обязанность учреждения образования осуществлять материально-техническое обеспечение образовательного процесса побуждают администрацию изыскивать иные источники материальных средств. Эти средства получают за счет дополнительных источников финансирования учреждений образования. Одним из них является безвозмездная (спонсорская) помощь, оказываемая юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Порядок предоставления и использования безвозмездной (спонсорской) помощи регламентирован Указом Президента Республики Беларусь «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» [382].

Указ № 300 упорядочил благотворительную деятельность коммерческих структур (хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, производственные кооперативы, государственные объединения и др.) и индивидуальных предпринимателей. Однако в Указе № 300 ничего не говорится об иных физических лицах, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Они не только могут, но и оказывают безвозмездную (спонсорскую) помощь учреждениям образования. Причем ею охватывается не вся система учреждений образования, а отдельные ее звенья. Преимущественно безвозмездную (спонсорскую) помощь физические лица оказывают на уровне дошкольного и общего среднего образования.

Сбор денег у законных представителей (родителей) учащихся осуществляется под любым предлогом для удовлетворения различных интересов учреждения образования: озеленение территории школы (гимназии), замена входной двери в здание, внешний и внутренний ремонт здания, ремонт классов (замена окон и дверей, смена покрытия пола, оклейка обоев и т. п.), замена мебели, сантехнического оборудования и т. д.

Эти интересы учреждения образования реализуются посредством деятельности органов самоуправления [383–385], которые могут быть им сформированы.

Если в учреждении образования функционирует родительский комитет либо попечительский совет (как правило, они действуют одновременно), то им отводится роль проводников идей руководства учреждения образования до родителей учащихся. Попечительский

совет создается в целях оказания содействия в обеспечении деятельности и развитии материально-технической базы учреждения образования и действует исключительно в интересах этого учреждения. Денежные средства аккумулируются на текущем (расчетном) счете по учету внебюджетных средств учреждения образования и используются в соответствии с решением попечительского совета для удовлетворения потребностей учредителя. Финансовые средства попечительскому совету могут быть предоставлены юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами (в первую очередь законными представителями учащихся). Юридические лица и индивидуальные предприниматели, участвуя в формировании финансовых средств попечительского совета, фактически предоставляют безвозмездную (спонсорскую) помощь учреждению образования. Порядок предоставления такой помощи определен Указом № 300. По этой причине основная задача попечительского совета состоит в активизации территориальных субъектов хозяйствования в направлении оказания ими спонсорской помощи учреждению образования, чьи интересы он представляет.

Что касается физических лиц, то здесь проблема заключается в порядке сбора денежных средств. Как было отмечено, отсутствует правовая регламентация предоставления и использования безвозмездной (спонсорской) помощи, получаемой от физических лиц. Можно предположить, что физические лица, предоставляющие такую помощь, относятся к разряду «иных источников, не запрещенных законодательством» (п. 1 ст. 137 Кодекса об образовании). Однако каким способом должен осуществляться сбор-передача денежных средств в виде добровольных взносов для учреждений образования, законодательство не определяет. В положении «О попечительском совете учреждения образования» предусмотрен ряд последовательных действий, направленных на формирование финансовых средств попечительского совета. Вопрос об определении порядка формирования и использования финансовых средств и другого имущества относится к компетенции общего собрания попечительского совета, деятельность которого основана на принципе гласности. Решения общего собрания попечительского совета о необходимости сбора денежных средств на определенные цели доводятся до сведения всех заинтересованных лиц.

Члены попечительского совета лично либо через представителей родительского комитета информируют о решении собрания попечительского совета родителей, иных законных представителей учащихся, а также обосновывают целесообразность взносов. При этом физическим лицам должно быть разъяснено, что решения попечительского совета для них необязательны, носят консультативный и рекомендательный характер. Должен быть разъяснен и порядок внесения денежных сумм. Денежные средства для попечительского совета должны зачисляться на текущий (расчетный) счет по учету прочих государственных средств. Здесь и проявляется противоправное поведение, создающее очередное условие для коррупционных правонарушений.

Фактически происходит следующее. Законных представителей (родителей) обучающихся информируют о принятом общим собранием попечительского совета решении о необходимости сбора денежных средств на определенные нужды, тут же осуществляется их сбор. При этом инициаторы сбора денег не утруждают себя разъяснениями для родителей о порядке зачисления денежных сумм на банковский счет. Следует заметить, что такие сборы денег в течение учебного года производятся неоднократно. Их размеры в каждом конкретном случае различны и воспринимаются многими родителями как поборы, что непременно становится известно обучающимся, поскольку они также задействованы в передаче денег соответствующим лицам.

В иных случаях осуществляется сбор денег не только на ремонт помещений, в которых находятся обучающиеся, но и на иные цели, связанные с нуждами учреждения образования. Инициатива в сборе таких денег не обязательно исходит от руководства учреждением образования. До собрания родителей эту информацию доводят, как правило, представители родительских комитетов, непосредственно контактирующие с представителями администрации учреждения, которые и сообщают о материальных проблемах. В дальнейшем члены родительского комитета либо рядовые сотрудники учреждения образования (например, классный руководитель) осуществляют сбор денег. Собранные деньги передаются руководителю учреждения образования, который определяет их дальнейшее движение. Какой-либо контроль за действиями руководителя отсутствует. Нет и его отчетности перед собранием родителей об использовании собранных

ими в интересах учреждения образования денежных средств. Очевидно, что в подобных ситуациях не исключается возможность злоупотреблений со стороны лиц, в распоряжение которых переданы собранные денежные суммы.

Интересной представляется ситуация, когда администрация учреждения образования как бы не имеет никакого отношения к решению насущных проблем материального характера, успешно решаемых физическими лицами за их счет. При этом действия физических лиц осуществляются с устного согласия и одобрения руководителя учреждения образования. Один из вариантов таких действий состоит в следующем. На родительском собрании от классного руководителя либо другого представителя администрации поступает информация, что за счет средств родителей учеников, ранее обучавшихся в данном классе (школе, гимназии), произведен конкретный ремонт, состоящий, например, в замене напольного покрытия либо входной двери.

В дальнейшем с учетом полученной информации родительским комитетом (его отдельными представителями) сначала иницируется, а затем лоббируется решение, например, о ремонте оконных проемов в конкретном классе, состоящем в установке современных теплоизоляционных стеклопакетов. Затем один из родителей (как правило, представитель родительского комитета) от своего имени заключает с коммерческой организацией договор подряда, предметом которого является установка в конкретном классе школы № N оконных стеклопакетов. В выходные дни подрядчик быстро выполняет работу, оплачиваемую деньгами, собранными с родителей учеников, обучающихся в данном классе. С позиции действующего законодательства такое «благое» деяние совершается с нарушением норм права и, более того, содержит признаки правонарушения, за которым должна следовать ответственность. Однако кто заинтересован в том, чтобы такая деятельность осуществлялась на основе принципа законности? Таких желающих, как правило, не находится.

А где же в приведенном примере проявляется коррупционный риск? На первый взгляд такие действия не могут повлечь противоправных последствий, но это только на первый взгляд. В действительности в дальнейшем возможна реализация криминальной схемы по изъятию денежной суммы, составляющей стоимость стеклопакетов и

произведенных работ по их установке. Дело в том, что согласно ст. 138 Кодекса об образовании «осуществление государственными учреждениями образования приносящей доходы деятельности не влечет снижения их финансирования за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов». Рано или поздно, но финансирование текущего или капитального ремонта учреждения образования состоится. Однако зачем проводить ремонт там, где он уже произведен? Таким образом, складывается ситуация, которая может привести к коррупционному преступлению.

На основе анализа имеющихся место проблем современных учреждений образования мы фактически затронули вопросы общего воспитания молодого поколения. Решение этих проблем системы образования не гарантирует формирование личностей с антикоррупционным сознанием. Сегодня молодежь не ограничена внутренней биполярной средой «семья – школа (колледж, вуз)». На современного молодого человека оказывают значительное влияние многие факторы внешней среды, обрушивающие на неокрепшее сознание огромные информационные потоки, содержание которых далеко не всегда позитивно. В условиях настоящего времени идеи бихевиориста Джона Уотсона представляются утопическими. В начале прошлого века он говорил: «Дайте мне дюжину нормальных, здоровых младенцев и возможность по своему усмотрению выстроить мир, в котором они будут воспитываться, и я гарантирую вам, что, взяв любого, случайно выбранного ребенка, я выращу из него такого специалиста, какого вы назовете: доктора, юриста, художника, торговца, руководителя и, если хотите, даже нищего или вора, независимо от его талантов, склонностей, предпочтений, способностей, призвания или расовой принадлежности его родителей» [386].

Спустя 100 лет с таким подходом к процессу воспитания можно согласиться, но он характерен для того времени, когда приведенная выше идея была высказана и можно было создать строго контролируруемую обстановку вакуумного типа. С точки зрения современности это уже не представляется реальным. Даже в идеальных условиях, созданных в системе «семья – школа», воспитательный процесс не может ограничиваться общими направлениями. Необходимо акцентирование воспитательных мер по специальным направлениям. На это же указывает и действующий Закон о борьбе с

коррупцией, в ст. 5 которого приведена система мер борьбы с коррупцией. Одной из таких мер видится организация «антикоррупционного обучения государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования» (п. 17 ст. 5 Закона о борьбе с коррупцией). Будет несправедливым обойти вниманием названную меру борьбы с коррупцией.

Следует отметить, что ни эта норма, ни другие, содержащиеся в Законе о борьбе с коррупцией, не указывают на целевую направленность деятельности государственных органов, осуществляющих предупреждение и профилактику коррупции. Указанная цель состоит в воспитании граждан, формировании у них негативного отношения к коррупции как социальному явлению. Рассматривать антикоррупционное образование необходимо в связке с антикоррупционным воспитанием, т. е. упомянутую ранее меру надо представлять как организацию «антикоррупционного обучения и *воспитания* (курсив наш. – А. Х.) государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования».

Для понимания сущности указанной меры необходим анализ составляющих ее элементов: антикоррупционного образования и антикоррупционного воспитания. Они рассматриваются как элементы единого целого, но имеют отличительные признаки.

Понятие «воспитание» понимается по-разному. Анализ научных взглядов с указанием на единство мнений современных ученых, важных для развития теории воспитания, а также выявленные разногласия подробно изложены в исследовании П. В. Степанова [387].

Для целей нашего исследования мы ограничимся словарной формулировкой термина «воспитание», под которым понимаются «навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни» [8, с. 81]. Учитывая специальную направленность воспитания, можно представить антикоррупционное воспитание как элемент общего воспитания и систему правил поведения, усвоенных в процессе обучения, которыми индивид руководствуется в повседневной жизни.

В представленной формулировке понятия «антикоррупционное воспитание» акцент сделан на процессе обучения, реализуемом в учреждениях образования, так как семья и среда не могут способствовать формированию антикоррупционного сознания.

На процесс обучения указывает А. М. Клим, который, раскрывая сущность антикоррупционного воспитания, утверждает: оно «сводится к тому, чтобы в процессе целенаправленной систематической деятельности сформировать и развить у обучаемых антикоррупционное мировоззрение, повысить уровень правосознания и правовой культуры, ориентировать на общественно полезное антикоррупционное поведение и подготовить их к антикоррупционной деятельности» [388]. Такая формулировка более соответствует понятию «антикоррупционное образование», поскольку именно оно может ориентировать на общественно полезное антикоррупционное поведение и подготовить обучающихся к антикоррупционной деятельности. На это же обращает внимание И. В. Годунов. По его мнению, «антикоррупционное образование представляет собой целенаправленный процесс обучения антикоррупционному поведению и антикоррупционной деятельности, реализуемый компетентными образовательными учреждениями» [389, с. 39].

Человек, получивший должное антикоррупционное воспитание, оказавшись в условиях формирующихся или сформировавшихся коррупционных отношений, будет проявлять к ним негативную реакцию. На примере взяточничества это можно представить следующим образом: государственный служащий (иное должностное лицо) отказывается от предлагаемого предмета взятки за совершаемые им по службе действия, а с другой стороны гражданин отказывается дать взятку, возражая требующему ее должностному лицу.

Антикоррупционное воспитание тесно связано с антикоррупционным образованием и является его важной составной частью. Антикоррупционное воспитание невозможно без антикоррупционного образования, а последнее бессмысленно без второго. Данный тезис мы поясним, основываясь на общем понятии «образование», под которым понимается «совокупность знаний, полученных специальным обучением» [8, с. 349]. Для антикоррупционного образования характерна совокупность знаний о коррупции как социальном явлении. Мы считаем, что антикоррупционный образовательный процесс должен начинаться с дошкольных учреждений образования, за год-два до прихода в школу, т. е. в возрасте детей 5–6 лет.

Подобные мысли высказывают в некоторых учебных заведениях

Российской Федерации. Например, Министерством образования и науки Республики Татарстан разработаны методические рекомендации по антикоррупционному воспитанию, согласно которым «работа по формированию антикоррупционного мировоззрения воспитанников дошкольных образовательных организаций включает следующие составляющие: 1) анализ практик семейного воспитания по данному вопросу;

2) уточнение представлений детей о таких понятиях, как «честность», «порядочность», «правдивость», «справедливость», «ответственность», «долг», «правила», и противоположных им понятиях – «ложь», «коррупция», «проступок», «преступление»; 3) расширение первоначальных детских представлений, накопление новых знаний о правилах поведения в социуме» [390, с. 10].

В Республике Беларусь антикоррупционное образование, о котором начали говорить в последние годы, касается молодых людей, получающих высшее образование. Об этом свидетельствуют новые дисциплины, появившиеся в системе обучения студентов, которые имеют отношение к антикоррупционному образованию. Например, в образовательных процессах юридического факультета Белорусского государственного университета и Академии управления при Президенте Республики Беларусь появилась новая дисциплина «Противодействие коррупции», цель которой – формирование у студентов и слушателей «системы компетенций, необходимых для устойчивого негативного отношения к любым формам и проявлениям коррупции, а также активное участие в антикоррупционной политике, проводимой государственными органами и общественными организациями Республики Беларусь» [388].

С образовательной целью в 2016 г. Научно-практическим центром укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь издано учебное пособие «Противодействие коррупции» [391]. Об особенностях организации антикоррупционного образования в вузах написано много научных статей [392–394]. Однако такой подход к организации антикоррупционного образования значительно запаздывает по времени и, главное, не достигает цели антикоррупционного воспитания.

В ряде зарубежных стран антикоррупционному образованию уделяют внимание со школьной скамьи. Например, «в Литве и Дании

был реализован проект под названием “Образование против коррупции”, его цель заключалась в формировании у молодежи гражданской позиции, воспитания нетерпимости к коррупции среди школьников» [395]. Показательно, что «целевой аудиторией педагоги видят именно подрастающее поколение, начиная работу по формированию антикоррупционной культуры личности еще в школе» [395].

Целевая направленность антикоррупционного образования состоит:

– в преодолении неуважительного отношения к национальному праву. Соблюдение правил, установленных нормами права, должно стать определяющим принципом в жизни каждого гражданина Республики Беларусь. В повышении правовой грамотности особую роль играют правовое просвещение и формирование основ правовой культуры учащихся, в том числе и в области антикоррупционного законодательства;

– разъяснении учащимся общественной вредности коррупции путем указания на многообразие ее проявлений. Необходимо раскрыть сущность коррупции как социального явления, противозаконного деяния, экономического и политического феномена, элемента культуры в обществе и его нравственной болезни; дать четкое представление о целях, субъектах, формах и видах, сфере реализации, содержании коррупции;

– формировании осознанности в необходимости негативного восприятия и отношения к коррупции, а также устойчивой отрицательной оценки этого явления. Нравственное отторжение коррупционного поведения, коррупционной морали и этики – важная основа управленческой деятельности. Строгое соблюдение закона в сочетании с нравственной установкой на отрицание коррупции обеспечивает охрану государственной власти и общества от этого явления. В обществе, оправдывающем коррупцию, закон бессильно ей противодействовать. Будущее процветающей Беларуси зависит от воспитания новых поколений граждан, проявляющих нетерпимость к коррупции;

– освоении навыков противодействия коррупции. Необходимо создать стандарт поведения в условиях сложившихся или складывающихся коррупционных отношений. Считаем недостаточным формирование у учащихся мнения о неприемлемости коррупционного

поведения в различных ситуациях и при любых условиях. На примере смоделированных жизненных ситуаций учащиеся должны усвоить практические навыки антикоррупционного поведения. При этом противодействие коррупции должно носить не только пассивный, но и активный характер. Пассивное противодействие коррупции предполагает отказ от участия в коррупционных отношениях, а активное – принятие мер, направленных на их пресечение;

– организации антикоррупционной пропаганды и распространении идеи законности и уважения к закону.

Следовательно, антикоррупционное образование призвано наделить знаниями об опасности коррупции в различных ее видах и формах для личности, благосостояния общества и безопасности государства, обеспечить формирование у человека и гражданина негативного отношения к коррупционным проявлениям.

Антикоррупционное образование способствует достижению целей, стоящих перед антикоррупционной пропагандой. В то же время антикоррупционную пропаганду следует рассматривать в аспекте самостоятельного направления противодействия коррупции, ориентированного на население в масштабе всего государства и распространяющего свое действие на те группы людей, которых не затронул образовательный процесс антикоррупционного характера. Содержание антикоррупционной пропаганды «сводится к просветительской работе в обществе по вопросам противодействия коррупции в любых ее проявлениях, воспитанию у населения чувства гражданской ответственности» [396]. Антикоррупционная пропаганда реализуется путем публикации статей и репортажей антикоррупционного содержания в СМИ, проведения пресс-конференций (круглых столов), конкурсов на разработку проектов социальной рекламы антикоррупционного содержания и др. В содержательном значении **антикоррупционная пропаганда** представляет собой распространение и разъяснение правовых знаний о коррупционных правонарушениях и последствиях их совершения, практики использования, исполнения, применения антикоррупционного законодательства.

Важность антикоррупционной пропаганды рассмотрим на историческом примере СССР. Пропаганда и агитация в Советском Союзе были на высоком уровне. Все это способствовало большим

успехам и достижениям, как в мирное, так и военное время. Следует также вспомнить, что в Советском Союзе через художественные фильмы воспитывался «новый человек», преданный государственным идеям коммунизма. Создавался образ веселого, честного и порядочного советского гражданина. Над этим работало огромное количество людей, и все, что было связано с кино, находилось под строгим контролем государственного аппарата пропаганды.

В современное время источником массированного агитационно-пропагандистского воздействия на сознание людей выступает глобальная система Интернет. На наш взгляд, необходимо противодействовать коррупции и другими негативным явлениям в обществе, не ограничивая свободу распространения информации и доступа к Сети. Интернет – это абсолютная коммуникация, к которой имеют доступ люди различного склада ума и целевой установки. В интернете можно найти практически все, что интересует любого обывателя.

Однако нельзя допускать, чтобы в интернете появлялись сведения, популяризирующие коррупционную деятельность. Это будет аналогией иным негативным проявлениям, например терроризму, когда при разработке и проведении антитеррористических операций «медвежьей услугой силовикам оказывают средства массовой информации и обычные люди, тиражирующие информацию о произошедших атаках и их исполнителях. Конечно же, речь не идет о том, чтобы умалчивать о подобных происшествиях. Тут, скорее, важен формат подачи материала» [397, с. 7]. Недостаточно продуманная подача материала о коррупции, коррупционных правонарушениях будет способствовать воспроизведению данного явления. Этот вывод основывается на психологическом принципе социального доказательства. В соответствии с данным принципом «мы используем информацию о том, как ведут себя другие, чтобы решить, как следует вести себя нам самим» [108, с. 252].

На важность роли СМИ в вопросе предупреждения преступности указано в Резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 29 октября 1985 г. Государствам предлагается «проводить изучение и оценку роли средств массовой информации и их влияния на различные аспекты предупреждения преступности и... следует поощрять позитивный вклад средств массовой информации в осведомление общественности

по вопросам предупреждения преступности... что представляет собой... важное средство обучения нормам жизни в обществе» [398].

По нашему мнению, необходимо организовать работу по профилактике коррупции, которую должны осуществлять государственные органы и иные организации посредством комплексного применения следующих мер:

- антикоррупционное образование и воспитание граждан в целях формирования в их сознании нетерпимости в отношении коррупции;
- недопущение финансирования либо предоставления иных форм материального обеспечения организаций из источников и в порядке, не предусмотренных законодательством Республики Беларусь;
- противодействие коррупции в сочетании с созданием экономических предпосылок для устранения ее причин;
- ограничение распространения информации о коррупционных проявлениях;
- обеспечение неотвратимости ответственности лиц, совершивших коррупционные правонарушения, за которые предусмотрена дисциплинарная ответственность.

На руководителей государственных и негосударственных организаций необходимо возложить следующие обязанности:

- привлекать лиц, совершивших правонарушения, создающие условия для коррупции, к дисциплинарной ответственности в порядке, установленном законодательными актами Республики Беларусь;
- информировать государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, о фактах совершения работниками правонарушений, создающих условия для коррупции, или коррупционных правонарушений. Решение вышеобозначенных проблем позволяет лишь частично исключить возможность коррупционных рисков в различных сферах деятельности.

Процесс воспитания, о котором мы говорили, не должен завершаться периодом образования и становления личности в качестве специалиста (профессионала), владеющего определенными навыками. Занимая должность, молодой человек (а равно и любое иное должностное лицо, продвигающееся по служебной лестнице) должен постоянно испытывать направляющее воздействие воспитательного характера. Основанием для необходимости такого воздействия служит осознание влияния и значительной роли человеческого фактора в

воспроизведении взяточничества. При этом важно рассматривать людей в этом процессе не только как участников коррупционных отношений. Не меньший интерес представляют и те лица, которые призваны вести активную борьбу со взяточничеством.

Для должностных лиц, совершающих преступление, связанное с получением взятки, свойственно корыстолюбие. В его основе – стремление к благополучию, обеспечению себя (в ряде случаев и своих близких) лучшими условиями жизни. Это стремление характерно для любого человека, поэтому обвинять должностных лиц в наличии указанного желания несправедливо. Достижению благополучия способствует материальный достаток, формируемый как легальным, так и нелегальным путем. Легальный путь связан с получением должностным лицом заработной платы и иных законных доходов. Неудовлетворенность материальными доходами в сочетании с обостренным стремлением к благополучию побуждает искать путь к увеличению доходов, но уже, как правило, нелегальным путем, что и приводит к совершению деяний коррупционной направленности.

В связи с этим можно указать на необходимость формирования управленческого потенциала в системе условий строжайшего воспитания. В идеале система воспитания потенциального управленца должна строиться на крайне негативном восприятии всего, что имеет отношение к коррупции, и исключать различные примеры коррупционных отношений. Реализовать это сложно, особенно в условиях развития современного потребительского общества, но необходимо. Мы считаем, что решать названную проблему возможно при условии, что в этом направлении будет проявлена политическая воля государства, сочетающаяся с общественным осознанием необходимости достижения цели, т. е. ликвидации коррупции либо ее максимального ограничения.

Мы уже обратили внимание, что современная молодежь с малых лет наблюдает примеры поборов в детских садах, школах, гимназиях. Воспринимают молодые люди и «благодарности» либо «взятки-благодарности» их родителей медицинским, педагогическим, социальным и иным работникам за оказанные ими профессиональные услуги. При этом у родителей отсутствует понимание (а у детей не формируется) того, что оказанная услуга уже оплачена за счет налогов, отчисляемых в бюджет, являющийся в государстве источником для

выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы. Продолжая обучение в вузах, молодые люди нередко стремятся индивидуально или в коллективном порядке решать свои проблемы аналогичным образом, так как При этом важно рассматривать людей в этом процессе не только как участников коррупционных отношений. Не меньший интерес представляют и те лица, которые призваны вести активную борьбу со взяточничеством.

Для должностных лиц, совершающих преступление, связанное с получением взятки, свойственно корыстолюбие. В его основе – стремление к благополучию, обеспечению себя (в ряде случаев и своих близких) лучшими условиями жизни. Это стремление характерно для любого человека, поэтому обвинять должностных лиц в наличии указанного желания несправедливо. Достижению благополучия способствует материальный достаток, формируемый как легальным, так и нелегальным путем. Легальный путь связан с получением должностным лицом заработной платы и иных законных доходов. Неудовлетворенность материальными доходами в сочетании с обостренным стремлением к благополучию побуждает искать путь к увеличению доходов, но уже, как правило, нелегальным путем, что и приводит к совершению деяний коррупционной направленности.

В связи с этим можно указать на необходимость формирования управленческого потенциала в системе условий строжайшего воспитания. В идеале система воспитания потенциального управленца должна строиться на крайне негативном восприятии всего, что имеет отношение к коррупции, и исключать различные примеры коррупционных отношений. Реализовать это сложно, особенно в условиях развития современного потребительского общества, но необходимо. Мы считаем, что решать названную проблему возможно при условии, что в этом направлении будет проявлена политическая воля государства, сочетающаяся с общественным осознанием необходимости достижения цели, т. е. ликвидации коррупции либо ее максимального ограничения.

Мы уже обратили внимание, что современная молодежь с малых лет наблюдает примеры поборов в детских садах, школах, гимназиях. Воспринимают молодые люди и «благодарности» либо «взятки-благодарности» их родителей медицинским, педагогическим, социальным и иным работникам за оказанные ими профессиональные

услуги. При этом у родителей отсутствует понимание (а у детей не формируется) того, что оказанная услуга уже оплачена за счет налогов, отчисляемых в бюджет, являющийся в государстве источником для выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы. Продолжая обучение в вузах, молодые люди нередко стремятся индивидуально или в коллективном порядке решать свои проблемы аналогичным образом, так как это делали (или делают) их родители. Проблема сдачи зачета или экзамена может сопровождаться предшествующим подношением подарка преподавателю, а это уже может быть не первым опытом установления коррупционных отношений.

Далее молодой человек, окончив учебное заведение, приходит на службу в государственный орган или организацию на определенную должность. Имея опыт участия в коррупционных отношениях, он может вновь обратиться ко взяточничеству. Причиной могут быть и иные обстоятельства. Так, низкая заработная плата для человека с высшим образованием, занимающего должность в государственном органе (организации), воспринимается как оскорбление, а оскорбленный человек, и это неоспоримый факт, готов совершать поступки, противоречащие интересам государства.

К иным обстоятельствам можно отнести и условия, сложившиеся непосредственно в самом государственном органе (организации), куда на службу приходит новое поколение управленцев. Любой человек, оказавшись в соответствующей среде, быстро к ней приспосабливается и начинает действовать по ее негласным правилам. Следовательно, не люди плохие, а таковыми их делают условия и обстоятельства, в которых они оказываются.

В связи с этим напрашивается вывод, что систему подбора лиц на должности государственных служащих необходимо основывать не только на профессиональных, но и на нравственных (моральных) качествах претендента. Для коррупционно уязвимых сфер деятельности кадры следует отбирать с особым вниманием и тщательностью. Продолжительность государственной службы в отраслях и сферах деятельности, потенциально коррупциогенных, должна ограничиваться определенными законодательством сроками. Необходимо расширять возможности применения механизма ротации кадров, а продление сроков деятельности отдельных должностных лиц осуществлять после предварительной проверки их предшествующей

деятельности.

Ограничению проявлений взяточничества (иных коррупционных правонарушений) будет способствовать нормативная регламентация правила, согласно которому реализация субъективных прав граждан допускается в ситуации отсутствия непосредственного контакта с уполномоченным должностным лицом, принимающим решение в их интересах. Особое внимание должно уделяться тем лицам, которые призваны вести борьбу со взяточничеством. От их кристальной чистоты зависит не только количество выявленных коррупционных правонарушений, раскрытых и расследованных уголовных дел, но качество и объективность выполненной работы. Ранее мы отметили, что для искоренения коррупции нужна политическая воля высшего руководства страны. Однако не менее важно оперативное и адекватное реагирование не только на факты конкретных коррупционных деяний, но и на необходимость устранения коррупционных рисков.

Имеется пример, когда представители службы безопасности одного из ведомств не отреагировали должным образом на информацию, изложенную в письменном сообщении гражданина. В нем присутствовали предложения об усилении контроля за молодыми кандидатами, поступающими или недавно поступившими на службу в эту государственную структуру. Основанием для такого предложения послужило проявленное терпимое, снисходительное отношение некоторых молодых государственных служащих к коррупционным проявлениям.

По нашему мнению, это направление антикоррупционной деятельности заслуживает внимания при разработке стратегии борьбы с коррупцией [399]. В данном аспекте следует согласиться, что «граждан призвана воспитывать и сама деятельность государственных органов, осуществление правосудия. Поэтому вся эта деятельность должна осуществляться с обязательным учетом профилактико-воспитательной функции. Каждое незаконное действие может повлечь неуважение к государственным органам. Этим наносится ущерб не только личности, но и делу воспитания общества в целом. По действиям должностных лиц граждане выносят суждение об активности государственных органов, о беспристрастности судей, о справедливости наших законов» [400].

Разрабатывая стратегию борьбы и меры социальной профилактики

коррупции, следует обратить внимание на научный потенциал, используемый для этой деятельности. Системный подход к проблеме профилактики подразумевает выработку необходимого качества всей системы в целом, которым является «ее интегративное свойство, обладающее единством теории и практики деятельности» [401, с. 35].

Тенденция современных наук – их интеграционное взаимодействие. Для наук уголовно-правового цикла характерна направленность в развитии междисциплинарного объединения. Отправной точкой в указанном процессе таких наук, как уголовное право и криминалистика, выступает унификация их научных категорий. Давно возникла потребность в выработке единого понимания по многим ключевым категориям, характеризующим их объект исследования – преступление. Реализация этого будет способствовать повышению эффективности борьбы со взяточничеством и иными правонарушениями.

4.3. Криминалистическая составляющая в деятельности прокуратуры и иных правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и профилактике коррупции и взяточничества

Борьба с коррупцией и взяточничеством возложена в первую очередь на органы внутренних дел, государственной безопасности и прокуратуры, осуществляющие взаимодействие в этой деятельности. Органы прокуратуры занимают особое положение в системе правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией и взяточничеством в Республике Беларусь. На Генеральную прокуратуру Республики Беларусь возложена ответственность за организацию борьбы с коррупцией.

Одной из ключевых задач органов прокуратуры является осуществление от имени государства надзора за точным и единообразным исполнением законодательства в сфере противодействия коррупции.

Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» [402], Закон о борьбе с коррупцией и УПК регулируют деятельность прокуратуры в сфере противодействия коррупции и взяточничеству, наделяют ее специальными полномочиями в данной сфере.

В структуре органов прокуратуры действуют специальные подразделения по борьбе с коррупцией и организованной преступностью. К ним относятся: управление по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, а также отделы по борьбе с коррупцией и организованной преступностью прокуратур областей и г. Минска.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь и подчиненные ей прокуратуры осуществляют противодействие коррупции и взяточничеству по следующим направлениям.

1. Выступают в качестве координаторов деятельности государственных органов по противодействию коррупции. Ключевой формой в деятельности правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, является проведение координационных совещаний межведомственного органа, координирующего деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией. В Республике Беларусь действует трехзвенная система координационных совещаний: республиканское, областные и г. Минска, совещания в районах, районах в городах и в городах. Направления деятельности координационного совещания определяются Положением о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией [403].

Координирующая роль прокуратуры по противодействию коррупции осуществляется путем:

- определения стратегии и тактики борьбы с коррупцией;
- выработки согласованных мероприятий по своевременному предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции;
- оценки эффективности правоохранительной деятельности в сфере борьбы с коррупцией;
- оказания содействия проведению научных исследований в сфере правового, криминологического и криминалистического обеспечения борьбы с коррупцией;
- дачи письменных указаний по вопросам организации борьбы с коррупцией. Указания адресуются государственным органам, уполномоченным осуществлять борьбу с коррупцией, и являются правовым средством, позволяющим прокурорам организовать их

деятельность, нацелить уполномоченные государственные органы на актуальные проблемы борьбы с преступностью и коррупцией, указать пробелы в работе, рационально распределять и использовать их возможности [404];

– заслушивания отчетов руководителей государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией. Отчеты могут как заслушиваться публично на координационном совещании, так и представляться непосредственно прокурору, осуществляющему координирующую функцию;

– представления в установленном порядке (систематически либо по требованию) Президенту Республики Беларусь, Совету Министров Республики Беларусь, Национальному собранию Республики Беларусь, местным представительным, исполнительным и распорядительным органам (в порядке и сроки, установленные приказами Генерального прокурора Республики Беларусь) информации о состоянии борьбы с преступностью и коррупцией и внесения предложений о мерах по борьбе с преступностью и коррупцией;

– истребования необходимой информации с учетом положений законодательства, ограничивающих доступ прокуроров к отдельным видам сведений (государственные секреты, банковская тайна и т. д.);

– информирования общественности о состоянии борьбы с преступностью и коррупцией через СМИ.

2. Генеральная прокуратура Республики Беларусь в целях информационного обеспечения борьбы с коррупцией осуществляет сбор, хранение и обработку информации о фактах коррупции. Для этого ведутся единые банки данных о состоянии борьбы с коррупцией, формируемые по данным, представленным правоохранительными органами.

3. Органы прокуратуры осуществляют надзорные функции, выявляют и предупреждают коррупционные преступления.

Следует обратить внимание, что органы прокуратуры не должны ограничиваться выявлением и предупреждением коррупционных преступлений. Любой факт противоправной деятельности, влекущий за собой возможность развития коррупционных отношений, должен служить поводом для прокурорской проверки.

Автору в рамках чтения лекции для прокурорских работников довелось обсуждать проблему поборов в системе учреждений

образования. В целом согласившись с ее наличием, прокуроры отделов по борьбе с коррупцией утверждали, что решение проблемы невозможно в силу отсутствия заявлений о подобных фактах со стороны заинтересованных лиц. А если и появляются заявления, то они не имеют перспективы по причине отсутствия свидетелей, а также отказа заявителей в дальнейшем. Можно возразить, что прокуратура не должна занимать пассивную позицию. Она обязана использовать всевозможные способы и методы, направленные на выявление и нейтрализацию подобных фактов, которые создают основу для коррупционных проявлений. Заявления (сообщения) граждан в подобных случаях не требуются.

Рассмотренные выше проблемы работникам прокуратуры известны. Речь идет о тех работниках прокуратуры, дети которых находятся в учреждениях образования. Вызывает недоумение, когда выясняется, что работник прокуратуры не только не предпринял никаких мер с позиции своего должностного положения (не попытался провести даже разъяснительную работу), но и лично участвовал в создании условий, которые могут привести к коррупции.

В подобных случаях бездействие представителей государственных органов, которые должны обеспечивать правопорядок и законность в государстве, приводит к тому, что отдельные педагогические работники допускают поборы уже в своих интересах. Нет сомнений, что такое поведение педагога более чем безнравственно.

Например, «в одной школе родители учительнице собрали на стиральную машину, в другой – на мобильный телефон. Еще в одной гимназии родители купили учительнице ноутбук, но оказалось, что ей хотелось нетбук. В другой школе учительница составляет список желаемых подарков сразу на четыре года: смартфон, шикарное постельное белье определенных расцветок, сервиз...» [405, с. 8].

В случаях выявления нарушений законодательства о борьбе с коррупцией и взяточничеством прокурор вправе применить следующие меры реагирования:

- дать письменные указания, обязательные для исполнения правоохранительными органами;
- опротестовать правовые акты и решения (действия) республиканских органов государственного управления, противоречащие антикоррупционному законодательству;

–вынести постановление об освобождении лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию, в связи с совершением право-нарушения коррупционной направленности;

–вынести представления, предписания и официальные предупреждения в связи с коррупционными проявлениями;

–вынести постановления о возбуждении дисциплинарного производства в связи с совершением коррупционных проступков;

–вынести постановление о возбуждении уголовного дела антикоррупционной направленности.

Органы прокуратуры обеспечивают противодействие коррупции и взяточничеству путем осуществления надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства и законов при проведении ОРД по материалам о коррупционных преступлениях. УПК регулирует деятельность прокурора при осуществлении им уголовного преследования и поддержания государственного обвинения в суде по уголовным делам различных видов, в том числе о взяточничестве (ст. 34).

4. Органы прокуратуры занимаются нормотворческой деятельностью в сфере противодействия коррупции и совершенствуют практику применения законодательства в данной сфере. Статья 13 Закона о прокуратуре наделяет прокуроров правом инициировать нормотворческий процесс. Генеральная прокуратура Республики Беларусь вправе разрабатывать проекты НПА.

Помимо надзорной деятельности в сфере борьбы с коррупцией прокуроры занимаются процессуальной деятельностью, связанной с возбуждением уголовных дел о коррупционных преступлениях, в том числе о взяточничестве, и поддержанием государственного обвинения в суде.

Эффективное направление развития системы органов прокуратуры – формирование специализированных прокуратур по борьбе с коррупцией во всех ее проявлениях. Эти прокуратуры обеспечат систематизацию и упорядочение всех полномочий в сфере борьбы с коррупционными проявлениями. Целенаправленность применения средств прокурорского реагирования будет способствовать эффективному и своевременному предупреждению взяточничества и иных коррупционных преступлений, привлечению к юридической ответственности виновных лиц [406].

Сфера противодействия коррупции и взяточничеству регулируется

множеством правовых актов. Это наводит на мысль о целесообразности размещения в Законе о прокуратуре главы под названием «Надзор за исполнением законодательства о борьбе с коррупцией и взяточничеством». Ее содержание определяло бы специальные полномочия прокурора по надзору за соблюдением законодательства о противодействии коррупции и борьбе со взяточничеством.

В рамках борьбы со взяточничеством и коррупцией представляется полезной организация взаимодействия органов прокуратуры и общественных институтов. Взаимодействие целесообразно, например, при подготовке методических рекомендаций по вопросам реализации законодательства о противодействии коррупции и предоставлении прокуратуре научных исследований, освещающих сферы государственного управления, наиболее подверженные коррупции. Осуществляя такое взаимодействие, прокуратура получала бы большое количество полезной информации, использование которой принесло бы значительную пользу в сфере борьбы с коррупцией [407, с. 38].

К факторам, влияющим на уровень коррупции, относится состояние национального законодательства. Еще во второй половине XX в. было замечено, что «существенным фактором успешного предупреждения преступности в стране является правовое обеспечение соответствующей деятельности» [408, с. 82]. В целом утверждение верное, однако, оно частично отражает требование к правовой регламентации различных видов деятельности в государстве. В прошлом веке не обращали внимания на то, что некоторые нормативные правовые акты содержат условия для неправомерного поведения, и это привело к потребности проведения криминологических экспертиз в целях выявления в нормативном правовом акте коррупционных рисков.

Органы прокуратуры – основные субъекты, осуществляющие антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов. Ее проведение предполагает установление сотрудничества с различного рода специалистами (экономисты, финансисты, банковские работники, налоговики и т. д.), которые лучше знают механизмы движения материальных и денежных потоков.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о широком объеме координационных и надзорных полномочий, возложенных на прокуратуру, по осуществлению ею деятельности по противодействию

коррупции и взяточничеству. Однако этим не должна ограничиваться деятельность прокуратуры по противодействию взяточничеству и коррупции. Следует отметить и возможности организационно-методической деятельности прокуратуры в борьбе с коррупционными преступлениями. Результативные разработки криминалистической науки нередко не находят должного применения в практической деятельности.

Опрос группы следователей, проходивших курсы повышения квалификации, позволил нам сделать вывод, что большинство следователей не используют в практической деятельности такое тактическое средство, как тактическая операция. Одни респонденты утверждали, что не сталкивались в своей практике с необходимостью проведения тактической операции. Другие с трудом вспомнили о возможности применения на практике тактического средства и имели о нем не совсем четкое представление. Третьи обратили внимание на отсутствие упоминания о тактической операции в УПК, что, по их мнению, не обязывает использовать ее на практике. Несколько следователей посчитали, что указанное тактическое средство – прерогатива органов, осуществляющих ОРД. Такое отношение следователей к тактической операции не вызывает оптимизма с позиции рассмотрения вопроса о повышении эффективности их деятельности по раскрытию и расследованию взяточничества. Названная проблема связана с отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве положений, позволяющих более четко регламентировать обозначенные вопросы. В совершенствовании законодательства наиболее заинтересованы криминалисты, на что указывал Р. С. Белкин [409, с. 5]. Этой же мысли придерживается А. С. Рубис: «...криминалисты заинтересованы в том, чтобы был создан такой процессуальный режим, который способствовал бы внедрению их разработок, преследующих цель повышения эффективности борьбы с преступностью. Именно эта цель стоит и перед прокурором» [342, с. 243]. Прокурор должен быть проводником передовых, апробированных идей в систему законодательства и в сферу практики противодействия преступности.

Какую организационную роль может сыграть прокуратура в осуществлении тактической операции? Для ответа на вопрос рассмотрим проведение тактической операции по задержанию

взяточника с поличным при вымогательстве предмета взятки с его стороны. Порядок проведения и содержание этой тактической операции проанализированы нами в п. 3.4. Следует обратить особое внимание, что на основе анализа информации, полученной от заявителя о вымогательстве взятки, решение о возбуждении уголовного дела и проведении тактической операции по задержанию взяточполучателя с поличным может принять прокурор, поручив ее реализацию следователю.

Возбуждение уголовного дела служит процессуальным основанием для моделирования и планирования тактической операции, а также подготовки к задержанию с поличным. Это позволяет проводить следственные действия, осуществление которых возможно только после возбуждения уголовного дела.

Второй путь решения обозначенной проблемы связан с внесением изменений в УПК, причем существенных, которые могут инициировать работники прокуратуры. Дело в том, что «началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении, и, соответственно, уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела из УПК должны быть исключены» [410, с. 30]. За исключение стадии возбуждения уголовного дела высказываются и белорусские ученые [411, с. 282]. Такой путь в решении указанной проблемы представляется наиболее оптимальным.

Необходимо заметить, что борьба с коррупционными правонарушениями должна соответствовать положениям законодательства и осуществляться в условиях уважения и защиты прав физических и юридических лиц. Это предполагает недопущение случаев незаконных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов в процессе выявления, раскрытия и расследования коррупционных преступлений.

В Республике Беларусь отсутствует официальная статистика, свидетельствующая о противоправной деятельности должностных лиц государственных органов, призванных вести борьбу с коррупцией. Однако это не исключает возможности использования служебных полномочий сотрудниками правоохранительных органов в противоправных целях, что подтверждается на практике.

Так, у полковника Министерства внутренних дел России

начальника управления «Т» Главного управления ведомства по экономической безопасности и противодействию коррупции, привлеченного к ответственности за взяточничество и иные злоупотребления служебными полномочиями, было «изъято более 140 млн. долл., 2 млн. евро, 374 млн. российских руб., 13 квартир, 14 машино-мест, 4 дорогостоящие иномарки, один слиток золота весом полкило» [412]. Аналогичные примеры имеются и в отечественной практике: «судья, злоупотребив своими служебными полномочиями, помог жене заключить незаконную сделку» [413] и «заместитель начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией сообщал участникам преступной группы сведения о проводимых правоохранительными органами ОРМ, давал советы по соблюдению мер конспирации, зачистке следов противоправной деятельности» [414].

В практике выявления коррупционных преступлений может сложиться следующая ситуация. Например, в отношении физического лица К. – индивидуального предпринимателя – в течение определенного времени проводилась оперативная разработка. В деле оперативного учета накоплены материалы, указывающие на признаки противоправной деятельности, но в полной мере преступные связи этого лица не установлены. Органы, осуществляющие ОРД, провели негласное задержание указанного субъекта. Под тяжестью предъявленных улик задержанное лицо понимает серьезность последствий уголовной ответственности. К. предлагает оперативным работникам сотрудничество в целях оказания им помощи в выявлении и изобличении иных лиц, имевших отношение к его преступной деятельности. Расчет К. направлен на то, что его содействие правоохранительным органам будет учтено в будущем при вынесении приговора в суде. Инициатива о таком сотрудничестве может исходить и от должностных лиц органа, осуществившего задержание К., что не противоречит действующему законодательству. Как правило, в подобных ситуациях имеет место взаимное согласие о сотрудничестве.

Например, задержанный К. принимает предложение оперативных работников, с ним устанавливается сотрудничество на негласной основе. С этого момента начинается период «сдачи» лиц, которые тем или иным образом имели отношение к К. и его деятельности, связанной с закупками. ОРД продолжается, проводятся различные ОРМ, в том

числе и оперативные эксперименты. В такой ситуации имеется потенциальная опасность для проверяемых лиц, среди которых находятся государственные служащие. В этом случае никто не может гарантировать, что К., спасая себя, не будет оговаривать («сдавать») невиновных. Он понимает: чем больше поспособствует изобличению иных лиц, тем меньше будет его личная мера уголовной ответственности.

Следовательно, заинтересованность К. «сдать» больше людей совпадает с заинтересованностью органов, осуществляющих ОРД, в выявлении всех участников преступной деятельности, имеющих возможность получить за хорошие показатели материальное поощрение. Как видим, в задержании и изобличении лиц заинтересованы обе стороны: задержанный К., принявший (либо предложивший) условие о сотрудничестве, и органы, осуществляющие ОРД. Однако что делать тому, кто оказывается задержанным по ложному обвинению, фактически невиновным, но признанным подозреваемым, а затем обвиняемым? При этом наличие виновных действий со стороны органа, осуществляющего ОРД, отсутствует. Как обеспечить защиту пострадавших? Для понимания проблемы далее следует рассмотреть гипотетический пример и указать на роль прокурора в обеспечении законности совершаемых действий.

Определив субъекта проверки, время проведения его задержания и место, К. совместно с органом, осуществляющим ОРД, принимает участие в оперативном эксперименте (оперативно-розыскной операции). К. передается предмет, который он должен вручить должностному лицу под предлогом благодарности за ранее оказанную услугу, имеющую признаки противоправности (например, тем или иным образом содействовал фирме К. в проведении государственных закупок). Этим предметом, как правило, является определенная сумма в валюте или национальных денежных знаках. Для большей уверенности в принятии проверяемым субъектом предмета последний помещают в какую-либо не вызывающую подозрений упаковку, например в виде коробки из-под конфет. С этой коробкой К. и приходит к лицу, в отношении которого проводится ОРД. Вручение конфет к чаю может сопровождаться поздравлением в связи с каким-либо праздником или событием. Получив таким образом «подарок», государственный служащий после задержания оказывается в затруднительном

положении даже в случае, если не хотел брать подношение, но К., уходя, оставил его на столе.

Оперативные работники, войдя в кабинет государственного служащего, производят его задержание и обыск в помещении. Из обнаруженной коробки извлекаются денежные купюры. При этом выясняется, что государственный служащий не притрагивался к оставленной К. коробке и не вскрывал ее. Вместе с тем, несмотря на презумпцию невиновности, задержанному чиновнику в таких условиях сложно защитить себя от неопровержимых «улик».

В контексте изложенного выше примера, схожего с провокацией, остается неопределенной роль прокурора в обеспечении законности. В этом случае необходимо максимально подробно рассмотреть все детали, которые могли являться предметом его текущей и последующей надзорной деятельности.

Следует обратить внимание на соглашение о сотрудничестве. Прокурор уполномочен «заключить с подозреваемым (обвиняемым) досудебное соглашение о сотрудничестве» (ст. 34 УПК). Однако это соглашение возможно в рамках процессуальной деятельности, когда привлекаемые к ответственности лица имеют статус подозреваемого или обвиняемого. В Законе об ОРД такое соглашение не упоминается. При этом орган, осуществляющий ОРД, вправе, во-первых, привлекать граждан с их согласия к подготовке проведения ОРМ и (или) участию в них и, во-вторых, устанавливать сотрудничество с гражданами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе (ст. 15 Закона об ОРД). В Законе об ОРД не определены исходные взаимоотношения граждан до момента их привлечения или установления сотрудничества с органом, осуществляющим ОРД. В одном случае ими могут быть граждане, которые полностью свободны в своем выборе, а в другом – граждане, оказавшиеся (как в вышеприведенном примере) в положении зависимости от органа, осуществляющего ОРД. Закон об ОРД предоставляет право добровольного участия граждан в сотрудничестве с органом, осуществляющим ОРД (ст. 10). Исходя из анализа этой статьи, можно сделать вывод, что реализовать такое право в полном объеме могут только те граждане, которые на момент установления сотрудничества с органом, осуществляющим ОРД, находились в состоянии полной свободы выбора своих действий и в

отношении которых не применялось никакое принуждение. На это обстоятельство прокурор должен обратить внимание в момент осуществления надзорной деятельности. Анализ ситуации позволит выявить случаи установления сотрудничества с субъектами, которые, имея интерес в максимальном снижении личной уголовной ответственности, будут стремиться подвести под уголовную ответственность иных лиц, которые, возможно, и не совершали преступных деяний либо действия которых подпадают под дисциплинарную ответственность.

Следует иметь в виду, что установление сотрудничества с любой категорией лиц вне зависимости от исходных отношений с органом, осуществляющим ОРД, не является нарушением законодательства.

1. Прокурору необходимо оценить информацию, которая служит основанием для проведения оперативного эксперимента и иных ОРМ в отношении лиц, с точки зрения их вероятной причастности к преступной деятельности. Ничем не подтвержденное предположение о возможности совершения ими преступлений не может служить основанием для проведения в отношении них ОРД.

2. Проведение оперативного эксперимента предполагает предварительное получение санкции прокурора. Данное обстоятельство позволяет прокурору реализовать свою надзорную функцию с учетом обозначенных в п. 1 и 2 проблем.

Оценивая порядок проведения оперативного эксперимента, надзирающему прокурору следует обратить внимание на ряд обстоятельств, которые в совокупности могут быть использованы и для обвинения, и для защиты (оправдания) лица, в отношении которого проводилась ОРД.

Рассмотрим эти обстоятельства на основе приведенного ранее примера. При подготовке к проведению ОРМ «оперативный эксперимент» необходима химическая обработка предмета взятки и его упаковки. Эти действия должны быть выполнены специалистом технического отдела органа, осуществляющего ОРД, или иным специалистом-криминалистом. Выполняются названные действия в целях образования в будущем дополнительных следов на проверяемом субъекте, его личных вещах и объектах окружающей обстановки, свидетельствующих о противоправном умысле лица, в отношении которого проводилась ОРД. После реализации указанных действий

предмет преступления необходимо передать проверяемому лицу. В дальнейшем следует зафиксировать факт принятия виновным этого предмета и намерения распорядиться им в личных целях либо в интересах своих близких и родственников. В приведенном нами примере это условие не оговорено. Следовательно, его несоблюдение является тактически неверным с позиции формирования доказательственной базы.

После необходимо обеспечить использование специальной техники, позволяющей контролировать и фиксировать поведение, действия, разговор между лицами в момент передачи предмета взятки, что позволяет зафиксировать одно из двух взаимоисключающих обстоятельств. С одной стороны, запись может выступать фактором, усиливающим обвинение проверяемого лица в случае проявления им заинтересованности в получении предмета взятки, с другой – полученная и зафиксированная информация может иметь оправдывающий характер, что и будет использовано для защиты проверяемого лица. Например, государственный служащий неоднократно выражает несогласие с предложением принять любой подарок, в какой бы форме он ни предлагался. Проведенная в дальнейшем лингвистическая экспертиза (если потребуется) будет иметь оправдательный характер.

Проведение надзорной прокурорской деятельности исключит возможность противоправного поведения со стороны должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, в том числе и преступного характера.

Как считает А. Ю. Головин, в результате проведения следственных и иных процессуальных действий, избрания меры пресечения эффект давления в отношении задержанного существенно усиливается, делает лицо более сговорчивым. Подобные действия могут предшествовать или сопровождаться:

- требованием коррупционного характера (например, требование взятки за отказ от возбуждения или прекращение уголовного дела, изменение меры пресечения на более мягкую, снятие ареста с имущества и пр.);
- совершением различного рода хищений или их сокрытием при совершении другими лицами;
- совершением действий в интересах третьих лиц;

–предоставлением информации, составляющей коммерческую тайну, и т. д. [415, с. 30–31].

По нашему мнению, подобные неправомерные действия возможны и до возбуждения уголовного дела, на этапе оперативной проверки (разработки).

Следовательно, прокуроры могут способствовать внедрению в практическую деятельность результативных разработок криминалистической науки. Органы прокуратуры могут сыграть позитивную роль в защите граждан от незаконного преследования, так как наделены соответствующими полномочиями по осуществлению надзора за деятельностью государственных органов, в частности органов, осуществляющих ОРД [416, с. 116].

Борьбу с преступностью, в том числе коррупцией, ведут ОВД, как определено в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [417]. Одной из основных задач, касающихся коррупции, является «профилактика, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений, производство дознания по уголовным делам, ведение административного процесса в соответствии с компетенцией» (ст. 2 Закона об ОВД). На криминальную милицию, входящую в состав ОВД, возложено решение задачи по профилактике, выявлению, пресечению преступлений, установлению лиц, их совершивших, и др. Непосредственно эту задачу решает подразделение криминальной милиции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью. В целях выполнения названной задачи и в пределах компетенции рассматриваемое подразделение криминальной милиции вправе:

- осуществлять ОРД;
- проверять деятельность организаций и граждан, для чего может истребовать необходимые сведения и объяснения, относящиеся к деятельности организаций и граждан, назначать проведение инвентаризаций и проверок;
- истребовать и изымать документы, образцы сырья, полуфабрикатов и готовой продукции, опечатывать кассы, помещения и т. д.

Специальные подразделения по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Министерства внутренних дел Республики Беларусь, являясь органами дознания (ст. 37 УПК),

осуществляют следующие мероприятия:

- прием, регистрацию и рассмотрение заявлений и сообщений о любом совершенном, совершаемом и готовящемся коррупционном преступлении;

- проведение проверок по заявлениям или сообщениям о коррупционном преступлении, принятие по ним решения в соответствии со ст. 174 УПК;

- производство неотложных следственных и других процессуальных действий по коррупционным делам;

- проведение необходимых ОРМ и принятие иных мер в целях обнаружения признаков преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений.

Наравне с ОВД аналогичные меры борьбы с коррупцией, несмотря на более широкий спектр деятельности, реализуют органы государственной безопасности. Они также вправе осуществлять ОРД, создавать специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью и коррупцией.

Специальные подразделения по борьбе с коррупцией, как определено в ст. 8 Закона о борьбе с коррупцией, созданы в органах прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности, которые вправе:

- получать из государственных органов и иных организаций информацию, необходимую для борьбы с коррупцией;

- при наличии достаточных оснований и с санкции прокурора приостанавливать на срок до десяти суток полностью или частично финансовые операции физических или юридических лиц, ограничивать право на распоряжение имуществом в случае их причастности к совершению коррупционных преступлений или к легализации доходов, полученных преступным путем, и др.

Анализ НПА, регламентирующей деятельность ОВД и органов государственной безопасности, а также созданных ими подразделений по борьбе с коррупцией, позволяет сделать вывод, что их деятельность ориентирована на «более эффективное выявление скрытых коррупционных проявлений и тщательно маскируемых коррупционных схем» [391, с. 91]. Что же касается профилактики, то она остается в тени выявления коррупционной деятельности и преступлений. Следует заметить, что одни НПА указанных государственных органов содержат

упоминание о профилактике преступлений (ст. 15 Закона об ОВД), а в других говорится о предупреждении организованной преступности и коррупции (ст. 2, 11 Закона об ОГБ [418]). Несмотря на разницу в терминологии, речь идет о предупреждении совершения преступлений определенного вида (в том числе и коррупционной направленности) в конкретной сфере (проверяемой, разрабатываемой) человеческой деятельности. На это же указывается и непосредственно в НПА, регламентирующих деятельность правоохранительного органа. Так, в ст. 15 Закона об ОГБ отмечается, что ОГБ обязаны «разрабатывать и реализовывать *профилактические*, режимные, организационные и *иные меры предупреждения* (курсив наш. – А. Х.)». При этом использование понятий «профилактика» и «предупреждение» как равнозначных является весьма спорным.

Немаловажную роль в противодействии коррупции играет оперативно-розыскная профилактика [419]. Она представляет собой комплекс мероприятий, предназначенных реализовать информацию, полученную в ходе ОРД, и направленных на решение ее превентивных задач. Такая профилактика предполагает сбор информации о криминально активных лицах (близкие связи членов организованных преступных групп, ранее судимые, наркоманы, алкоголики и др.), степени исправления, связях, преступном опыте, намерениях, особенностях их личности и системы социальных отношений. Оперативно-розыскная профилактика также обусловлена задачей ОРД по добыванию информации о событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности государства. Совокупность сведений, которые дают основания делать вывод о вероятности преступного поведения, сразу указывает на необходимость установления оперативного наблюдения за теми, кто сохранил криминальную активность либо проявил свое противоправное поведение.

Широкий доступ физических лиц к интернету предполагает необходимость усиления контроля за распространяемой в Сети информацией. Не секрет, что интернет является своеобразным «полем» для ведения информационной войны. В связи с этим напрашивается вывод, что мировая электронная сеть в целях обеспечения национальной безопасности должна быть подвергнута цензуре, которую могут осуществить только специальные оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД.

При этом следует помнить, что установление одних только ограничений и запретов не будет способствовать достижению целей противодействия преступности и обеспечению национальной безопасности. Необходимо работать с людьми. Их надо убеждать, им надо разъяснять и помогать. Особенно это касается молодого поколения, от которого зависит будущее государства.

Рассматривая вопросы профилактики преступности и предупреждения преступлений, нужно отметить особую роль следователя, который одним из первых сталкивается с результатами и последствиями преступного деяния. Ученые называют следователя «обязательным субъектом в общей системе социальной профилактики преступлений» [360, с. 164]. Это правильный взгляд на роль следователя в процессе противодействия преступной деятельности. Однако действующий УПК не возлагает на следователя обязанности по осуществлению профилактики преступлений, поскольку ч. 2 ст. 36 УПК не предусматривает положения ни о профилактике, ни о предупреждении преступлений. Только в ст. 90 УПК предусматривается, что «органы уголовного преследования обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления».

Мерой реагирования следователя на выявленные причины и условия, способствовавшие совершению расследуемого преступления, выступает процессуальный документ в виде представления (ст. 199 УПК). Этот документ вносится «в соответствующие организации или должностному лицу» для принятия «мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления» (ст. 199 УПК). Представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением следователя в месячный срок.

Анализ ст. 199 УПК показывает, что следователь принимает опосредованное участие в устранении выявленных им причин и условий, способствовавших совершению преступления. Устранением этих причин и условий занимаются непосредственно должностные лица организаций, которым следователем адресовано представление. В УПК также отсутствуют нормы о контроле над реальным исполнением представления следователя. Загруженность следователя не всегда позволяет ему лично убедиться в выполнении требований, содержащихся в предписании. Если представление следователя

исполнено, то в этом случае реализуется конкретная мера, направленная на предупреждение преступлений, которые могут быть совершены в условиях и при наличии выявленных причин расследованного преступления. Значит, следователь не осуществляет меры профилактики преступности и преступной деятельности, а способствует предупреждению совершения преступлений определенного вида в деятельности организации.

Для решения задачи, связанной с предупреждением совершения расследуемых преступлений, следователь предпринимает определенные действия:

- применяет приемы и методы для выявления причин и условий, способствовавших совершению данного вида преступлений;

- выявляет в процессе расследования уголовного дела объекты предупредительного воздействия;

- исследует особенности типичных и конкретных следственных ситуаций, определяет на их основе направления деятельности по предупреждению преступлений;

- определяет систему наиболее действенных предупредительных мер;

- основываясь на данных расследуемого уголовного дела, разрабатывает систему оперативных мер пресечения совершаемого преступления и предупреждения готовящегося преступления.

Для обеспечения профилактической деятельности следователя необходимо решение конкретных задач:

- определить его место и роль в системе профилактики преступности и преступной деятельности;

- разработать основы организации профилактической деятельности;

- выделить этапы профилактической работы;

- определить организационные, процессуальные и тактические задачи профилактической деятельности;

- разработать систему процессуальных и иных средств осуществления профилактической деятельности;

- разработать методические рекомендации по осуществлению профилактической деятельности в процессе расследования уголовных дел, при производстве следственных действий.

Профилактика преступности должна быть нормативно регламентированной, согласованной и целенаправленной

деятельностью специальных субъектов, осуществляемой комплексно во всех сферах общественной системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в рамках данной работы исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Борьба со взяточничеством – борьба за нравственную чистоту человека, как должностного лица, так и иных лиц, вступающих с ним в отношения. Невозможно эффективно противостоять взяточничеству посредством одних законов и осуществления правосудия. Взятничество как одно из главных негативных проявлений коррупции должно быть исследовано с позиции нравственных (моральных) недостатков личности, т. е. в той сфере, в которой появляются зачатки коррупционного поведения. Предложения, изложенные в работе, направлены на достижение положительных результатов при реализации принимаемых государством мер в рассматриваемом направлении. Рассчитывать на благоприятный эффект противодействия взяточничеству и коррупции можно только в том случае, если право базируется на нормах морали, соответствует нравственным эталонам общества и культурным традициям народа. Высшие должностные лица в государстве, которые призваны обеспечивать законность и регулировать взаимоотношения между обществом и государством, обязаны беспрекословно и неукоснительно соблюдать как правовые, так и нравственные нормы. Следует отметить, что государственная должность, которую занимает чиновник, – позиция, облеченная доверием и подразумевающая выполнение обязанностей в интересах общества и государства. Высокоморальное общество с должным уровнем правовой культуры – основа эффективной борьбы с коррупцией и взяточничеством.

2. Для ограничения коррупции необходимо осознание исторических достижений в борьбе с этим негативным явлением. Требуется понимание всего, чему учит история, анализ положительных результатов и ошибок, имевших место на пути искоренения коррупции и борьбы со взяточничеством. Уроки, извлеченные из опыта применения ушедшими поколениями антикоррупционных мер, послужат основой для выработки стратегии противодействия коррупции на современном

этапе и результативной борьбы с ее основным проявлением – взяточничеством.

3. Подавляющее большинство причин и условий коррупции и взяточничества прямо или косвенно имеют отношение к нормативному правовому регулированию. Многие причины объективного характера можно локализовать посредством принятия нормативных правовых актов, исключающих коррупционные риски.

Определенную роль в выявлении и устранении условий коррупции и взяточничества играет криминалистика, так как одна из функций данной науки – прогнозирование развития преступной деятельности. Криминалистическое прогнозирование должно осуществляться в процессе проведения экспертизы нормативных правовых актов. К методам, которые целесообразно использовать в ходе проведения такой экспертизы, относятся криминалистический анализ и матрицирование.

На основе криминалистического анализа осуществляется разработка и реализация познавательных процедур, направленных на наиболее полное изучение общественных отношений, складывающихся между субъектами (должностными лицами государственных и негосударственных организаций) в исследуемой сфере деятельности (например, в экономике), порядка формирования и обеспечения материально-технической основы взаимоотношений между ними. В первую очередь анализу должна быть подвергнута деятельность, приносящая прибыль.

Метод криминалистического матрицирования используется в целях своевременного выявления противоправного поведения заинтересованных лиц, а также признаков коррупционных правонарушений (преступлений). В процессе применения данного метода используются ранее разработанные матрицы по различным направлениям деятельности должностного лица, подозреваемого в коррупции. В основе разработки таких матриц – система нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в исследуемой сфере. Сопоставление матрицы с действительным состоянием дел в организации обеспечит обнаружение дефектов (отклонений от правомерной деятельности), изучение которых позволит выявить признаки взяточничества и принять соответствующие меры реагирования.

В ходе экспертизы может быть создана модель криминальной деятельности, на основе которой определяются отражательные возможности элементов материальной структуры преступления, его последствия и разрабатываются меры, направленные на его предотвращение. Только на такой основе возможна подготовка обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах НПА (и действующих НПА) недостатков, способствующих возникновению коррупционных рисков, в том числе и совершения взяточничества.

4. Современные частные методики расследования преступлений, связанных со взяточничеством, представляют собой малоэффективные теоретические системы, не обеспечивающие должную результативность следственной деятельности в борьбе со взяточничеством.

Построение методик расследования преступлений, связанных со взяточничеством, на основе его уголовно-правовой и криминалистической характеристики не в полной мере раскрывает содержание информационной модели данной группы преступлений. При их построении необходимо учитывать элементы материальной структуры взяточничества, в основе выделения которых лежит их уголовно-правовая модель, конструктивно представленная в виде состава преступления.

Абстрактный характер конструктивных элементов составов преступлений, связанных со взяточничеством, исключает возможность восприятия следовой картины преступления, значимой с позиции криминалистики и содержащей информацию о совершенном деянии и его материальных составляющих.

5. Учитывая разноплановые взгляды на категорию «криминалистическая характеристика преступлений» и абстрактность этого понятия, представляется целесообразным при разработке теоретической части частной методики расследования преступления, связанного со взяточничеством, осуществить иной подход к познанию данной группы преступлений, основывающийся на первоначальном исследовании элементов их материальной структуры. Изучение материальных элементов преступного деяния следует осуществлять с учетом положений разработанной и единообразно понимаемой криминалистической характеристики преступления.

В данной работе подчеркивается положительная роль

криминалистической характеристики взяточничества для науки и практики, проводится ее сравнение с материальной структурой данного преступления. В качестве информационной модели взяточничества может рассматриваться его материальная структура во взаимосвязи с информацией о соответствующих элементах криминалистической характеристики данного преступления.

Полагаем необходимым продолжить исследования криминалистической характеристики взяточничества в целях выработки ее единообразного понимания.

6. Общими элементами материальной структуры взяточничества являются: 1) субъект(ы) совершения взяточничества; 2) объект преступно-го посягательства; 3) средство совершения взяточничества; 4) предмет преступления (взятки). Количество материальных элементов в структуре конкретного взяточничества может отличаться от общей структуры этого преступления.

Субъектами совершения взяточничества выступают должностные и иные физические лица. Должностные лица в структуре взяточничества являются центральным элементом, выполняющим функцию связующего звена преступной системы.

Объектами преступного посягательства при взяточничестве выступают государственные и общественные органы и организации, осуществляющие свою деятельность в соответствии с законодательством в интересах общества и государства. Соблюдение установленных законодательством правил обеспечивает нормальное функционирование субъекта управления, элементом (звеном) которого является каждое должностное лицо, входящее в его состав. Несоблюдение этих требований, совершение действий, выходящих за пределы предоставленных должностному лицу полномочий, приводит к различным нарушениям, которые юридически оцениваются как дисциплинарные (служебные), административно-правовые, гражданско-правовые проступки или уголовные преступления.

Таким образом, мы приходим к пониманию объекта преступного посягательства как элемента материальной структуры взяточничества. Совершив взяточничество, должностные лица причиняют вред, т. е. посягают на нормальную деятельность и подрывают авторитет того органа или организации, в которых осуществляется их служебная деятельность.

Представляется приемлемым использование в уголовном праве и криминалистике формулировки, согласно которой средство совершения преступления – материальный объект, находящийся во взаимосвязи с иными элементами преступной структуры, обеспечивающий целевую направленность субъекта посягательства на достижение преступного результата.

При расследовании взяточничества необходимо изучать те документы, которые отражают служебную деятельность должностного лица. В них могут содержаться сведения, указывающие на взаимосвязь взяткополучателя и взяткодателя. Документы, регламентирующие деятельность должностного лица, могут содержать информацию о его незаконных действиях, совершенных в интересах заинтересованного лица или третьих лиц.

Анализ подобных документов позволяет выявить различные злоупотребления должностного лица своими служебными полномочиями, совершенными за взятку. Такие документы следует рассматривать как результат деятельности должностного лица с негативным содержанием, противоречащим законодательству и общественной нравственности.

В практике расследования встречаются случаи, когда должностное лицо не приняло решение, закрепленное в документе, но по обстоятельствам своей служебной деятельности должно было и могло принять это решение, придав ему форму документа. Отсутствие такого документа служит основанием для дальнейшей проверки деятельности должностного лица в целях выявления факта получения взятки за бездействие.

Документы – средство совершения преступления в системе действий должностного лица, т. е. взяткополучателя. Взяткодатель и посредник во взяточничестве используют иные средства совершения преступления. Необходимость их использования обусловлена различием в способах передачи предмета взятки. Не всегда денежная сумма передается взяточнику в наличной форме. Деньги могут быть перечислены на банковский счет взяткополучателя. В такой ситуации банковские или другие финансовые учреждения в системе взяточничества выступают в качестве средства совершения преступления.

Глобализация обусловила развитие информационных технологий

и компьютерной техники, что позволило использовать их в обеспечении способа передачи предмета взятки. По этой причине компьютерную технику, компьютерные программы как средства совершения преступлений следует относить к самостоятельной группе технических средств совершения взяточничества.

Предмет взятки является предметом преступления либо предметом преступного посягательства. Различие состоит лишь в отношении взяткополучателя к предмету до момента его получения. Например, если взяткополучатель требует (вымогает) деньги или имущество, то они представляют собой предмет преступного посягательства.

Наличие требования взятки повышает общественную опасность деяния вне зависимости от того, сопровождается ли оно угрозой вредных последствий для гражданина, находящегося в правовых отношениях с должностным лицом. Решение проблемы квалификации деяния как вымогательства взятки мы видим в необходимости совершенствования уголовного законодательства. В связи с этим в ч. 2 ст. 430 УК предлагается слово «вымогательство» исключить и изложить ее в следующей редакции: «Получение взятки повторно, либо путем *требования*, либо группой лиц по предварительному сговору, либо в крупном размере».

7. Совершенствование тактических операций по задержанию взяточника с поличным – одно из направлений разработки эффективной методики расследования взяточничества. В условиях недостаточности сведений о преступлении заявление гражданина о вымогательстве взятки предлагается рассматривать не только как повод для возбуждения уголовного дела, но и как информационное сообщение, указывающее на признаки преступления.

8. В результате ОРД возможно выявление и пресечение преступной деятельности взяткополучателя в различных ситуациях, рассмотренных нами в данной работе. В то же время не все материалы ОРД, осуществленной в связи с выявлением взяточничества, имеют перспективу использования в качестве основы для привлечения виновных к уголовной ответственности.

В целях выявления и пресечения взяточничества, задержания подозреваемых в его совершении лиц проводятся различные ОРМ. Однако в качестве основного средства используется проведение оперативного эксперимента. Его проведение в связи со

взяточничеством нецелесообразно в следующих случаях:

- не представляется возможным соблюсти условия проведения оперативного эксперимента, предусмотренные ст. 34 Закона об ОРД;
- имеются сведения о совершенном ранее взяточничестве в незначительных размерах (букет цветов, бутылка спиртного или иной предмет в эквивалентной денежной сумме либо незначительная денежная сумма), и взяточполучатель не проявляет интереса в совершении новых преступных деяний.

Анализ организации и проведения оперативного эксперимента по делам о взяточничестве позволяет выявить ряд обстоятельств дискуссионного характера, исключающих возможность его использования как средства оперативно-розыскного противодействия данному виду преступлений:

- на основе имеющихся сведений о времени, месте, сумме и условиях передачи взятки оперативными работниками не создается обстановка, максимально приближенная к предполагаемой преступной деятельности проверяемого гражданина, так как внесение отдельных корректив не влияет на целевую установку проверяемого лица;

- событие наступает в результате естественного развития первоначально сложившейся криминалистической ситуации, на которую никак не влияют мероприятия оперативных работников, подготавливающих задержание взяточника с поличным;

- оперативный эксперимент предполагает проведение опытов, что в условиях противодействия взяточничеству граничит с провокацией.

В случаях обращения в органы, осуществляющие ОРД, граждан с заявлением о вымогательстве у них взятки может проводиться оперативно-тактическая операция по задержанию взяточника с поличным. В ее проведении принимает участие гражданин, заявивший о преступлении и проявивший согласие на оказание содействия в задержании взяточника с поличным. Задача документирования преступной деятельности проверяемого лица решается посредством проведения нескольких ОРМ, осуществляемых на основе заведенного дела оперативного учета в ходе реализации оперативно-розыскной операции. В ходе осуществления операции могут быть проведены такие ОРМ, как наблюдение, контроль в сетях электросвязи, слуховой контроль, наведение справок и др. На этапе завершения оперативно-тактической операции проводится задержание по основаниям,

предусмотренным ст. 108 УПК. Проведение оперативного эксперимента в таких случаях нецелесообразно.

9. Главное направление борьбы со взяточничеством – его профилактика. Ключевое место в системе профилактики взяточничества, формирующей определенные правила поведения, должно занять воспитание, основывающееся на антикоррупционном образовании.

Цель воспитания граждан – формирование у них негативного отношения к коррупции как социальному явлению. Проводить антикоррупционное образование необходимо во взаимосвязи с антикоррупционным воспитанием.

Процесс воспитания не должен завершаться периодом образования и становления личности в качестве специалиста (профессионала), владеющего определенными навыками. Занимая должность, молодой человек (а равно и любое иное должностное лицо, продвигающееся по служебной лестнице) должен постоянно испытывать направляющее воздействие воспитательного характера. Основанием для необходимости такого воздействия служит осознание влияния и значительной роли в воспроизведении взяточничества человеческого фактора. В связи с этим можно указать на необходимость формирования управленческого потенциала в системе условий строжайшего воспитания. В идеале система воспитания потенциального управленца должна строиться на крайне негативном восприятии всего, что имеет связь с коррупцией (поборы, взяточничество), и исключать на практике различные примеры коррупционных отношений. Решить эту проблему возможно при условии политической воли государства, сочетающейся с общественным осознанием необходимости достижения цели: ликвидации коррупции и взяточничества либо их максимального ограничения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Pravo.by. URL:

<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 18.11.2023).

2. Грейбо И. С. Некоторые аспекты совершенствования национального законодательства в сфере профилактики коррупции // Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2020. С. 128–131.

3. Анतिकоррупционная политика : учеб. пособие для студентов фак. гос. упр. / под ред. Г. А. Сатарова. М. : СПАС, 2004. 368 с.

4. Мошкович М. В поисках гена коррупции // Юрист. 2009. № 10. С. 4.

5. Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.

6. Аверьянов М. В. Методологические подходы в исследовании феномена коррупции: социокультурный аспект [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-v-issledovanii-fenomena-korrupsii-sotsiokulturnyy-aspekt> (дата обращения: 18.06.2023).

7. Токарев Б. Б. Социально-философское осмысление феномена коррупции : автореф. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М. : МГУ, 2011. 19 с.

8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 20-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1988. 750 с.

9. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Современные крылатые слова и выражения. М. : Рольф, 2000. 544 с.

10. Цыбульник Ю. С. Крылатые латинские выражения. М. : АСТ, 2003. 830 с.

11. Фадеев В. Н. Будущее криминологии и международно-правовые аспекты противодействия коррупции // Актуальные вопросы противодействия преступности: теория и практика : сб. науч. ст. участников междунар. науч.-практ. конф. Коломна : Гос. соц.-гуманитар. ун-т, 2016. С. 444–460.

12. Карлин Дж. Парадоксы нашего времени [Электронный ресурс]. URL: <https://siellon.com/paradoksu-our-time/> (дата обращения: 11.04.2023).

13. Хлус А. М. Тенденции уголовного права и криминологии на современном этапе противодействия коррупции // Вестн. Карагандин. гос. ун-та. Сер. «Право». 2018. № 2 (90). С. 70–80.

14. «Ловца покемонов» Соколовского признали виновным в возбуждении вражды [Электронный ресурс]. URL:

<https://news.mail.ru/incident/29702574/?from=push> (дата обращения: 13.03.2022).

15. Рогоу А. А., Лассуэлл Г. Д. Власть, коррупция и честность. М. : РАГС, 2005. 172 с.

16. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880–1882. Т. 2. 1881. 574 с.

17. Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // Рус. лит. 1988. № 4. С. 134–141.

18. Монтескьё Ш. О духе законов. Избранные произведения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. 274 с.

19. Габбасов Р. Ф. Что Ислам говорит о коррупции? [Электронный ресурс] // IslamToday. URL: islam-today.ru/obsestvo/kakovo-polozenie-korruptcii-v-islame/ (дата обращения: 15.03.2022).

20. Кравченко А. И. Культурология : учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М. : Акад. проект, 2002. 496 с.

21. Коротаев А. В., Оболонков А. А. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // Совет. этнография. 1989. № 2. С. 36–45.

22. Десять заповедей Коза Ностра [Электронный ресурс] // Live Journal. URL: est-mort.livejournal.com/13550.html (дата обращения: 28.03.2018).

23. Клановая структура [Электронный ресурс] // Рефераты, курсовые, конспекты. URL: allrefs.net/c9/3sp5t/p56/?ful (дата обращения: 07.04.2018).

24. Улусизм и выбор народа [Электронный ресурс] // Евразия. URL: <http://evrazia.org/text/5> (дата обращения: 28.12.2019).

25. Полтерович В. М. Факторы коррупции // Экономика и мат. методы. 1998. Т. 34, № 3. С. 30–39.

26. Хлус А. М. Криминалистическое противодействие коррупционным проявлениям: проблемы и перспективы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 3. С. 88–97.

27. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // Рос. юстиция. 2004. № 4. С. 38–42.

28. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах / пер. С. А. Жебелева. М. : Мысль, 1976–1989. Т. 4. 1985. 644 с.

29. Проект модели стратегии борьбы с коррупцией на 2021–2030 годы, разработанной НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь // Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией : сб. материалов

междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2020. С. 187–192.

30. Кодекс поведения персонала МВФ. Code of conduct for staff [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jcdecaux.co.uk/sites/default/files/assets/document/2016/12/codeofethics2014.pdf> (дата обращения: 18.04.2022).

31. Хлус А. М., Ляхнович А. С. Нравственные основы коррупции и их криминалистический анализ // *Соврем. проблемы права, экономики и упр.* 2018. № 1 (6). С. 128–136.

32. Толковый словарь иностранных слов / сост. Н. Л. Шестерина. М. : Персей, 1998. 348 с.

33. Цит. по: Мизерий А. И. История борьбы с коррупцией в России [Электронный ресурс]. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_2\(4\)/27.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_2(4)/27.pdf) (дата обращения: 18.11.2022).

34. Сборник Законов царя Хаммурапи // *Источники права.* Тольятти : Акцент, 1996. Вып. 1. 56 с.

35. Библия. Ветхий Завет. Книга пророка Исаяи. М. : Рос. библ. о-во, 1995. 1372 с.

36. Каутилья. *Артхашастра, или Наука политики.* М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 802 с.

37. Практика уголовного сыска : науч.-практ. сб. / сост. А. Ваксян. М. : Лига Разум. 1999. 364 с.

38. Бологов П. От Вавилона до Сингапура: в каком круге ада должны гореть коррупционеры [Электронный ресурс] // *Republic.* URL: <https://slon.ru/posts/50044> (дата обращения: 02.12.2022).

39. *Всемирная история : в 10 т.* М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955–1965. Т. 1. 1955. 698 с.

40. Довгяло Г. И., Перзашкевич О. В., Прохоров А. А. *История Древнего Востока.* Минск : ТетраСистемс, 2002. 192 с.

41. Цит. по: Бабилов А. П. Коррупция в древнем мире [Электронный ресурс] // *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов.* URL: http://jurnal.org/articles/2015/uri23.html#_ftn17 (дата обращения: 02.12.2022).

42. Бугаевская Н. В. *Коррупционные преступления: виды и особенности субъекта.* М. : Юрлитинформ, 2015. 200 с.

43. *Коррупция в Римской республике* [Электронный ресурс] // *Власть.* URL: <http://vlasti.biz/korruptsciya-v-stranah/korruptsciya-v-drevnem-mire/korruptsciya-v-rimskoi-respublike.html> (дата обращения: 03.01.2023).

44. Таирова Н. М. Коррупция как социальное явление: историко-философские и политологические аспекты мировой мысли и практики // Упр. консультирование. 2014. № 1. С. 98–108.
45. Цит. по: Александровская С. В. Стратегия борьбы с коррупцией в сочинениях Марка Туллия Цицерона // Древ. право. 2003. № 2 (12). С. 113–118.
46. Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О Законах. М. : Науч.-изд. центр «Ладомир» : Наука, 1994. 223 с.
47. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
48. Капустина З. Я. «Гражданская добродетель» в своей первооткрытости бытию [Электронный ресурс] //КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-dobrodetel-v-svoey-pervootkrytosti-bytiyu/viewer> (дата обращения: 02.12.2022).
49. Корнева Н. М. Ответственность за взяточничество по уголовно-материальному праву России XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-vzyatochnichestvo-po-ugolovno-materialnomu-pravu-rossii-xix-nachala-xx-v/viewer> (дата обращения: 02.11.2023).
50. Двинская уставная грамота 1397–1398 гг. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. А. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 3. 1985. С. 181–185.
51. Псковская Судная грамота 1397 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. А. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 1. 1984. С. 332–337.
52. Гладких В. И. Коррупция в России: генезис, детерминация и пути пре-одоления // Рос. следователь. 2001. № 3. С. 31–36.
53. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. А. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 3. 1985. 512 с.
54. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. URL: <http://bzbook.ru/Sobornoe-Ulozhenie-1649-goda.html> (дата обращения: 03.12.2022).
55. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М. : ИНФРА-М, 2001. 876 с.
56. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М. : Наука, 1987. 230 с.
57. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность) // Государство и право. 2002. № 9. С. 35–48.
58. Седов П. В. «На посуле, как на стуле». Из истории российского

чиновничества XVII в. // Звезда. 1998. № 4. С. 206–214.

59. Логинов О. История коррупции в России [Электронный ресурс]. URL: www.all-crime.ru/korruptiya/korr-history-1.htm (дата обращения: 14.06.2023).

60. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. СПб. : Обществ. польза, 1851–1879. Т. 14, кн. 7. 783 с.

61. Жирнов Е. Воры гнезда Петрова // Коммерсантъ. Деньги. 2010. № 13. С. 67–73.

62. Жирнов Е. Великие стяжатели Екатерины Великой // Коммерсантъ. Деньги. 2010. № 16. С. 8–16.

63. Бильбасов В. А. История Екатерины Второй : в 2 т. Берлин : Изд-во Фридриха Готтгейнера, 1900. Т. 2. 839 с.

64. Гахов В. Д. Первое лицо губернии (губернаторы Томска) [Электронный ресурс] // Государственный архив Томской области. URL: gato.tomika.ru/publications/region/archive2000-2009/2008gahov (дата обращения: 13.06.2022).

65. Андреев И. «Разливание взятки...» // Наука и жизнь. 2011. № 2. С. 30–36.

66. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.

67. Петелин В. Жизнь графа Дмитрия Милютина [Электронный ресурс] // Google книги. URL: <https://books.google.ru/books?id=qgK000isuQIC&pg=PT145#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 08.12.2022).

68. Мельников В. П., Нечипоренко В. С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. Ч. 1. М. : Изд-во РАГС, 2000. 302 с.

69. Раскин Д. Цари и взятки // Аргументы и факты. 1993. № 32 (669). С. 15.

70. Волженкин Б. В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. // Изв. Высш. учеб. заведений. Правоведение. 1991. № 2. С. 58–67.

71. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13654> (дата обращения: 08.12.2022).

72. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. А. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 6. 1986. 432 с.

73. Свод законов Российской Империи : в XV т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. Т. XV, ч. 2.

74. Свод законов Российской Империи : в XV т. СПб. : Тип. Второго

отд-ния Собств. Его Императ. Величества канцелярии, 1842. Т. XV. 964 с.

75. Цит по: Астанин В. В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX в. (криминологическое исследование) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Генер. прокуратура Рос. Федерации, Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка. М., 2001. 28 с.

76. Золин П. М. Преступность в стране в 1909–1928 гг.: сравнительная статистика // Совет. государство и право. 1991. № 5. С. 112–125.

77. Шляпочников А. Преступность и репрессии в СССР // Проблемы уголовной политики. М. : Юриздат, 1935. С. 70–86.

78. Декреты Советской власти : в 18 т. М. : Юриздат, 1957–2009. Т. 6. 1973. 584 с.

79. Волженкин Б. В. Взятничество в истории советского уголовного законодательства (1918–1927 гг.) // Правоведение. 1993. № 2. С. 59–67.

80. Об усилении борьбы со взяточничеством: закон РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 60. С. 169–170.

81. Малахов А. Табель о рангах // Коммерсантъ. Деньги. 2005. № 25. С. 53–59.

82. Хачикян П. П. Противодействие коррупции в Вооруженных силах Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.by/books?id=F41CDgAAQBAJ&pg=PP27&lpg=PP27&dq> (дата обращения: 10.12.2022).

83. История возникновения коррупции в России [Электронный ресурс]. URL: <http://artemovsky66.ru/anticorruption/media/2015/8/27/istoriya-vozniknoveniya-korruptsii-v-rossii/> (дата обращения: 09.12.2022).

84. Гладких В. И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления // Рос. следователь. 2001. №3. С. 31–36.

85. «Рыбная мафия»: как в СССР расследовали первое дело о коррупции [Электронный ресурс] // Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/articles/korruptsiya/25042014/43321> (дата обращения: 10.12.2022).

86. Сочинско-краснодарское дело [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.12.2019).

87. Борьба с коррупцией в СССР: дело директора гастронома «Елисеевский» [Электронный ресурс] // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/process/view/25722/> (дата обращения: 10.12.2022).

88. Конституция СССР 1936 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 13.12.2022).

89. Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верхов. Совета РСФСР, 4 мая 1961 г. URL: https://web.archive.org/web/20160305030157/http://uristu.com/library/sssр/usr_5681/ (дата обращения: 13.12.2022).
90. Конституция СССР 1977 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 13.12.2022).
91. О предупреждении социального иждивенчества [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 2 апр. 2015 г., № 3 // Президент Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-3-ot-2-aprelja-2015-g-11135/ (дата обращения: 13.12.2019).
92. Магун В. С. Трудовые ценности российского общества [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/357/653/1231/002_Magun.pdf (дата обращения: 13.12.2022).
93. Цит. по: Роговин В. З. Сталинский неонэп. М. : Республика, 1994. 384 с.
94. «Все вокруг народное, все вокруг мое»... [Электронный ресурс] // Назад в СССР. URL: <http://back-in-ussr.com/2014/08/vse-vokrug-narodnoe-vse-vokrug-moe.html> (дата обращения: 28.12.2022).
95. Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция. М. : РГГУ, 2000. 365 с.
96. Попов Г. Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54–65.
97. Попов Г. Х. «С точки зрения экономиста (О романе Александра Бека «Новое назначение»)» [Электронный ресурс]. URL: http://thelib.ru/books/popov_g/s_tochki_zreniya_ekonomista_o_romane_aleksandra_beka_novoe_paznachenie-read.html (дата обращения: 29.12.2022).
98. Как правильно благодарить врача? Конверт с деньгами – это взятка? [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/cards/kak-pravilno-blagodarit-vracha-konvert-s-dengami-eto-vzyatka> (дата обращения: 18.11.2022).
99. Хлус А. М. Коррупционные риски в сфере образования, пути их выявления и устранения // Законность и правопорядок. 2013. № 2. С. 38–43.
100. Сколько стоят школьные оценки? [Электронный ресурс] // Школа-Жизни.ру. URL: <https://shkolazhizni.ru/school/articles/21163/> (дата обращения: 18.11.2022).

101. Коррупция в системе образования : информ. бюл. М. : ГУВШЭ, 2004. 32 с.
102. Устроиться по знакомству: как заводить полезные для карьеры связи [Электронный ресурс]. URL: <https://hh.ru/article/25054> (дата обращения: 18.11.2022).
103. Прежде чем умереть, мы должны заплатить за право покоиться в родной земле [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2007/02/16/pohorony.html> (дата обращения: 18.11.2020).
104. Фролов С. С. Социология : учебник. М. : Наука, 1994. 256 с.
105. История мировой культуры (мировых цивилизаций) : учеб. пособие / под ред. Г. В. Драча. 2-е изд., доп. и перераб. Ростов н/Д. : Феникс, 2002. 544 с.
106. Басецкий И. И., Легенченко Н. А. Организованная преступность. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2002. 551 с.
107. Метры «элиты» // Аргументы и факты в Белоруссии. 2015. № 49. С. 4.
108. Чалдини Р. Б. Психология влияния. 5-е изд. СПб. : Питер, 2019. 480 с.
109. Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1969–1978. Т. 27. 1977. 624 с.
110. Рак А. В. Коррупция и государство: причины, следствия, меры противодействия // Актуальные вопросы экономики, строительства и городского хозяйства : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2013 г. Минск : БНТУ, 2014. С. 136–145.
111. Мороз Д. Г. Причины и условия коррупции // Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия : сб. материалов круглого стола, Минск, 4 марта 2017 г. / редкол.: Г. А. Василевич (пред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2017. С. 115–119.
112. Рынок как экономическая система институтов [Электронный ресурс] // Отдельные вопросы экономики. URL: www.ekonomika-st.ru/ekonomika/ekon-teorija/ekon-teorija-18.html (дата обращения: 07.08.2022).
113. Минюст хочет ограничить количество нормативных актов президента [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/politics/28662672/> (дата обращения: 07.08.2019).
114. Социально-экономические аспекты [Электронный ресурс] // SOCIOdoc. Документальная социология. URL: <http://www.sociodoc.ru/sdocs-143-1.html> (дата обращения: 07.08.2020).

115. Суховарова Е. Л., Нестеров А. В. Трансформация коррупции в условиях перехода к рынку // Коррупция в России: состояние и проблемы : материалы науч.-практ. конф., Москва, 26–27 марта 1996 г. М. : [б. и.], 1996. С. 59–65.

116. Нисневич Ю. Коррупция – излечимая болезнь? [Электронный ресурс] // Republic. URL: <https://republic.ru/posts/1/964787> (дата обращения: 12.12.2022).

117. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : принята Генер. Ассамблеей ООН 31 окт. 2003 г. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=382 (дата обращения: 07.08.2020).

118. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-3 // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10300204> (дата обращения: 07.08.2020).

119. О комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 1 июля 2010 г., № 142-3 // Pravo.by. URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000142> (дата обращения: 07.08.2022).

120. КГК: участились случаи вывода средств белорусами из страны [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/economics/28507260/> (дата обращения: 23.08.2017).

121. О некоторых мерах по оптимизации системы государственных органов и иных государственных организаций, а также численности их работников [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 апр. 2013 г., № 168 // Президент Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/ukaz-168-ot-12-aprelja-2013-g-4813/ (дата обращения: 23.08.2017).

122. Бизнес назвал самые коррумпированные государственные службы [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/economics/28384550/> (дата обращения: 07.08.2023).

123. Почему демотивированы белорусские чиновники? [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/politics/28461958/> (дата обращения: 07.08.2021).

124. Комаровский В. С., Тимофеева Л. Н. Конфликты граждан с чиновниками: почему и зачем? // Государство и право. 1997. № 10. С. 14–18.

125. Тимофеева Л. Н. Конфликты на государственной службе [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-na-gosudarstvennoy-sluzhbe> (дата

обращения: 07.08.2022).

126. Рак А. В. Несовершенство рынка и коррупция // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 11-й Междунар. науч.-техн. конф. : в 4 т. Минск : БНТУ, 2013. Т. 2. С. 268–273.

127. Рак А. В. Влияние информационной асимметрии на рынок труда Беларуси // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 12-й Междунар. науч.-техн. конф. : в 4 т. Минск : БНТУ, 2014. Т. 2. С. 283–285.

128. Почепцов Г. Г. Информационные войны: базовые параметры [Электронный ресурс] // Пси-фактор. URL: psyfactor.org/psyops/infowar9.htm (дата обращения: 07.08.2017).

129. Барова Е. Дети – тоже лидеры // Аргументы и факты. 2016. № 41. С. 4.

130. Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1966. 16 с.

131. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Харьк. юрид. ин-т. Харьков, 1967. 27 с.

132. Хлюпин Н. И. Методические основы расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ин-т повышения квалификации рук. кадров прокуратуры СССР. Харьков, 1989. 125 л.

133. Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестн. МГУ. Сер. «Пра-во». 2000. № 2. С. 3–13.

134. Каневский Л. Л. Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использования в процессе расследования // Вестн. криминалистики. 2002. Вып. 1 (3). С. 22–28.

135. Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М. : Юрид. лит., 1988. 672 с.

136. Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1999. 990 с.

137. Баев О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. М. : Экзамен, 2001. 288 с.

138. Лашко Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Центр международного юридического образования. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=104384> (дата обращения: 20.02.2023).

139. Сидоров Б. В., Балаев А. Ш. Взятничество как система и

составная часть коррупции: понятие, социальная и уголовно-правовая характеристика и вопросы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестн. экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 157–164.

140. Сергеев А. Л. Криминалистические основы первоначального этапа расследования должностных преступлений, совершенных в сфере деятельности органов местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2016. 234 л.

141. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск : Амалфея, 2001. 304 с.

142. Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Спарк, 2000. 687 с.

143. Криминалистика: краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. М. : Большая рос. энцикл., 1993. 111 с.

144. Мухин Г. Н. История становления и развития криминалистики. Дискуссионные вопросы определения предмета и системы криминалистики : лекция / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2011. 67 с.

145. Чурилов С. Н. Методика расследования преступлений: общие положения. М. : Юстицинформ, 2009. 232 с.

146. Тазин И. И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Том. гос. ун-т. Томск, 2006. 26 с.

147. Журавель В. А. О структуре частной криминалистической методики // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1995. Вып. 47. С. 61–67.

148. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. 718 с.

149. Курс криминалистики : в 3 т. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. Т. 3 : Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / В. А. Абаканова [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. 573 с.

150. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики : учебник / под ред. В. Д. Грабовского и А. Ф. Лубина. Н. Новгород : НВШ МВД РФ, 1995. 400 с.

151. Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск : Университетское, 1985. 168 с.

152. Лозовский Д. Н. Отдельные вопросы применения метода криминалистического матрицирования при расследовании преступлений // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 164–166.

153. Симинягин Д. Ю. Некоторые особенности применения криминалистической ретроспекции и метода криминалистического матрицирования в расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестн. Калинингр. юрид. ин-та МВД России. 2009. № 2 (19). С. 194–198.

154. Ивахов П. П., Лапиков Д. В. Теоретические и практические аспекты применения метода криминалистического матрицирования при расследовании убийств // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 239–245.

155. Дулов А. В., Гучок А. Е. Применение метода криминалистического матрицирования в судебной экспертизе // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Минск : НИИ ПКК и СЭ, 1998. Вып. 3. С. 217–221.

156. Гамза В. А. Криминалистическая характеристика преступлений: сущность, структура и содержание // Сборник научных трудов. М., 2001. Вып. 2. С. 3–16.

157. Коновалов С. И. Теоретико-методологические основы криминалистики: современное состояние и проблемы развития : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Волгогр. акад. МВД. Волгоград, 2001. 269 л.

158. Дубинин Л. Г. Способ дачи заведомо ложных показаний свидетелем, потерпевшим как элемент криминалистической характеристики // Рос. следователь. 2010. № 20. С. 2–5.

159. Бузин А. И. Материальный ущерб как элемент криминалистической характеристики хищений // Вопросы уголовного процесса и криминалистики. М., 1988. С. 19–23.

160. Методика расследования коррупционных преступлений : науч.-практ. пособие для следователей и оператив. работников правоохран. органов / С. В. Войцеховская [и др.] ; под общ. ред. В. Х. Кадырова. Минск : [б. и.], 2005. 305 с.

161. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА, 2001. 240 с.

162. Васнев С. А. Статистика : учеб. пособие. М. : МГУП, 2001. 170 с.

163. Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М. : БЕК, 1996. 192 с.

164. Бессонов А. А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестн. ПАГС. 2014. № 4 (43). С. 52–56.

165. Каплун Д. Д. Понятие категории «криминалистическая характеристика» в современной криминалистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 5 (31) : в 2 ч. Ч. 1. С. 91–93.

166. Павликов С. Г. К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений // Рос. судья. 2012. № 10. С. 45–47.

167. Исаенко В. Н. Криминалистическая характеристика преступлений и ее разновидности // Криминалистика. 2014. № 1 (14). С. 41–47.

168. Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М. : Юрид. лит., 1982. 152 с.

169. Фокина А. А. Роль криминалистической характеристики преступлений в укреплении связи науки криминалистики и практики расследования // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1990. Вып. 41. С. 15–21.

170. Чурилов С. Н. Криминалистическая методика: история и современность. М. : Маркетинг, 2002. 370 с.

171. Густов Г. А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Клочкова. М., 1984. С. 44–47.

172. Шаталов А. С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методике // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2017. № 2. С. 155–172.

173. Баянов А. И. Криминалистическая характеристика – абстрактная, типовая модель преступления // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сб. ст. / отв. ред. В. Д. Волович. Томск : ТГУ, 1985. С. 243–244.

174. Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке? // Соц. законность. 1987. № 9. С. 51–62.

175. Захаров Г. К. Криминалистическая характеристика – «кривое зеркало» преступной деятельности // Вестн. криминалистики. 2008. Вып. 1 (25). С. 73–79.

176. Каневский Л. Л. Об одной затянувшейся среди криминалистов дискуссии // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования : материалы респ. науч. конф. / под ред. В. К. Гавло, В. Я. Мюзюкина, В. В. Невинского. Барнаул, 2001. С. 323–326.

177. Могутин Р. И. Криминалистическая (информационная) модель расследуемого преступления как инвариативная трансформация уголовно-правовой модели // Использование достижения иных наук в криминалистике : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар : Куб. гос. аграрн. ун-т, 2008. С. 240–244.

178. Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти : пособие для следователей / И. С. Андреев [и др.] ; под ред. А. В. Дулова, Н. И. Порубова. Минск : НИИ ПКК и СЭ, 1995. 364 с.

179. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1998. 415 с.

180. Хлус А. М. Криминалистический анализ и направления его применения при расследовании преступлений // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Зимина [и др.]. Симферополь : АРИАЛ, 2018. С. 341–344.

181. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 142 с.

182. Марчук В. В. Структура уголовно-правовой нормы [Электронный ресурс] // Юрыдычны факультэт. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. URL: https://law.bsu.by/pub/11/Marchuk_7.pdf (дата обращения: 16.04.2023).

183. Новоселов Г. П. Уголовно-правовая норма: понятие, содержание и структура [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-norma-ponyatie-soderzhanie-i-struktura> (дата обращения: 16.04.2020).

184. Комягин Р. А. Соотношение состава преступления и уголовно-правовой нормы [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41723442> (дата обращения: 16.04.2023).

185. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. Минск : Тесей, 2012. 228 с.

186. Гучок А. Е. Модели решения исследовательских задач криминалистики. Минск : БГУФК, 2013. 250 с.

187. Мухин Г. Н. Научная категория механизма преступного поведения в теории криминалистики и практике раскрытия преступлений // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. Вып. 7. С. 29–36.

188. Подольный Н. А. Некоторые проблемы расследования коррупционных преступлений // Б-ка криминалиста. 2012. № 1. С. 197–206.

189. Ануфриева Е. А. Криминалистические методики расследования коррупционных преступлений: уровень разработанности и перспективы совершенствования // Б-ка криминалиста. 2016. № 6. С. 203–210.

190. Криминалистика. Общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. М. : Юристъ, 2000. 784 с.

191. Шумак Г. А. Криминалистический анализ должностных хищений // Право и демократия : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Минск, 1990. С. 136–145.

192. Шумак Г. А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки // Право и демократия : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Бибило. Минск, 2001. Вып. 11. С. 278–286.

193. Шиенок В. П. Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2012. № 23. С. 163–165.

194. Гучок А. Е. Криминалистическая структура преступления. Минск : БГУ, 2007. 151 с.

195. Хлус А. М. Криминалистический анализ объекта и предмета посягательства в структуре преступлений // Юрид. вестн. Сам. ун-та. 2018. Т. 4, № 1. С. 100–107.

196. Хлус А. М. Защита информации – основное направление обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2014. № 5. С. 54–59.

197. Мащенко П. Л., Пилипенко М. О. Технология Блокчейн и ее практическое применение // Наука, техника, образование. 2017. № 32. С. 61–64.

198. Что известно о краже биткоинов в Бресте, из-за которой могут завести уголовное дело [Электронный ресурс] // TUT.BY. URL: <https://finance.tut.by/pda/news573184.html> (дата обращения: 26.01.2022).

199. В Японии хакеры совершили крупнейшее хищение криптовалюты [Электронный ресурс] // DSNews. URL: <http://www.dsnews.ua/world/v-yaponii-hakery-sovershili-krupneysheehishchenie-kriptovalyuty-27012018215700> (дата обращения: 29.01.2022).

200. Дулов А. В. Интеграционные процессы в науках, обеспечивающих борьбу с преступностью // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / редкол.: А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2007. С. 198–202.

201. Салтевский М. В. Собираание криминалистически значимой информации техническими средствами на предварительном следствии. Киев : КВШ, 1980. 111 с.

202. Наумов А. Средства и орудия совершения преступления // Совет. юстиция. 1986. № 14. С. 24–27.

203. Бабий Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть. Минск : Тесей, 2000. 288 с.

204. Висков Н. В. Предметы преступления, орудия и средства его совершения в аспекте решения судьбы вещественных доказательств // Рос. следователь. 2006. № 3. С. 2–4.

205. Андреев В., Розовский Б., Светлов А. Орудия и средства совершения преступления // Социалист. законность. 1963. № 7. С. 32–33.

206. Хвалин В. О понятии орудия преступления // Уголов. право. 2000. № 2. С. 95–96.

207. Марогулова И. Л. Специальная конфискация по уголовным делам // Проблемы совершенствования советского уголовного законодательства. Труды ВНИИСЗ. 1978. Вып. 13. С. 136–137.

208. Хлус А. М. Средства совершения преступлений как элемент их крими-налистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1. С. 24–32.

209. Хлус А. М. Криминалистическая характеристика и материальная структура преступления в частной методике расследования [Электронный ресурс]. Деп. ФБ БГУ 27.11.2019, № 011227112019. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/234447> (дата обращения: 03.05.2020).

210. Барков А. В. Юридические признаки субъектов коррупционных правонарушений в законодательстве Республики Беларусь // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. Минск : БГУФК, 2010. С. 213–236.

211. Цит. по: Русецкий О. В. Коррупционная психология (особенности формирования мотивации коррупционных действий) // Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2020. С. 155–159.

212. Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих. 2-е изд., стер. М. : Юрайт, 2018. 251 с.

213. Хлус А. М. Основы формирования деструктивного поведения личности и роль криминалистики в их познании // Актуальные проблемы права, экономики и образования на современном этапе: теория и практика : материалы Третьей заоч. междунар. науч.-практ. конф., Алматы, 12–13 марта 2014 г. Алматы : КазНПУ им. Абая, 2015. С. 255–259.

214. Хлус А. М. Выявление основ деструктивного поведения личности обвиняемого криминалистическими методами // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП» ; отв. ред. Д. А.

Степаненко. Иркутск, 2015. С. 370–373.

215. Хлус А. М. Возможности криминалистики в обеспечении защиты граждан от деструктивного информационного воздействия // Теоретические и прикладные аспекты информационной безопасности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 31 марта 2016 г. // Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2016. С. 135–138.

216. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-3 // Pravo.by. URL: <http://www.pravo.by/docum ent/?guid=3871&p0=H10800427> (дата обращения: 07.04.2022).

217. Козлик И. Не чувствуешь грани – плати жизнью // Комсом. правда. 2015. 14–20 янв. С. 6.

218. Цит. по: Огнев И. Психологическая безопасность. Ростов на/Д. : Феникс, 2007. 605 с.

219. Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М. : Юрид. лит., 1971. 234 с.

220. КГБ задержал в Минске двух прокуроров за наркотики [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/41256020/?frommail=1> (дата обращения: 06.04.2022).

221. Хлус А. М., Карней А. М. Личность обвиняемого как объект изучения криминалистики // Актуальные вопросы совершенствования правового образования в средних учебных заведениях : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 нояб. 2010 г. / редкол.: И. Р. Веренчиков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2011. С. 57–58.

222. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М. : ЛексЭст, 2001. 100 с.

223. Зорин Р. Г. Криминалистический анализ основных элементов преступления и материалов уголовного дела : учеб.-метод. пособие. Гродно : ГрГУ, 2001. 186 с.

224. Густов Г. А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. М., 1993. 59 с.

225. Криминалистический анализ уголовного дела об убийстве: задания к практическим занятиям к спецкурсу «Расследование убийств» / отв. ред. В. И. Шиканов. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 49 с.

226. Оржинская Э. И. Метод криминалистического анализа преступления: определение, основные задачи и элементы // Психопедагогика в правоохран. органах. 2014. № 1 (56). С. 52–54.

227. Дулов А. В. Метод криминалистического анализа // Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск : Экоперспектива, 1996. С. 81–85.

228. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2016 г. Уголовное дело № 1-315/16.

229. Хомич В. М., Бранчель И. И. Оперативный эксперимент как способ выявления взяточничества. Минск : БГУФК, 2009. 240 с.

230. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_borbe_s_korruptsiej.htm (дата обращения: 07.04.2023).

231. Козлик И. Президенту подарили роскошный «Майбах» // Комсом. правда. 2012. 18 окт. С. 2.

232. О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 1998 г., № 196-3. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_statuse_deputata_palaty_predstavitelej_chlena_soveta.htm (дата обращения: 07.04.2022).

233. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // Pravo.by. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500307&p1=1> (дата обращения: 08.04.2023).

234. О статусе депутата местного Совета депутатов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 27 марта 1992 г., № 1547-XII. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_statuse_deputata_mestnogo_soveta_deputatov/23.htm (дата обращения: 08.04.2022).

235. Хлус А. М. Криминалистический анализ должностного положения субъектов коррупционных преступлений // Актуальные проблемы права, экономики и образования на современном этапе: теория и практика : материалы Второй заоч. междунар. науч.-практ. конф., Алматы, 14–15 марта 2014 г. Алматы : КазНПУ им. Абая, 2014. С. 326–328.

236. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 // Pravo.by. URL: [http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2005-3/2005-3\(042-048\).pdf&oldDocPage=1](http://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2005-3/2005-3(042-048).pdf&oldDocPage=1) (дата обращения: 08.04.2022).

237. Хлус А. М. Личность обвиняемого как объект изучения криминалистики // Актуальные вопросы совершенствования правового образования в средних учебных заведениях : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 нояб. 2010 г. / редкол.: И. Р. Веренчиков (гл. ред.) [и

др.]. Минск, 2011. С. 81–85.

238. Шаргородский М. Д., Алексеев Н. С. Актуальные вопросы советского уголовного права // Учен. записки (Ленингр. гос. ун-т). Сер. юрид. наук. Л., 1954. Вып. 5. С. 188–189.

239. Кригер Г. А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестн. Моск. ун-та. 1955. № 1. С. 109–114.

240. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов : в 3 т. / под ред. Л. В. Лобановой ; Волгогр. гос. ун-т, Ин-т философии, социологии и права. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. Т. 1 / Н. В. Висков [и др.]. 425 с.

241. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб. : Тип. Госафата Огризко, 1863. Т. 1 (Вып. первый). С. 94–96.

242. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная с примечаниями, приложениями и дополнениями. По истории русского права и законодательству положительному. СПб. : Изд. Н. Неклюдова, 1865. Т. 1. Часть общая. 941 с.

243. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. С подробным изложением Начал русского уголовного права. Часть общая. 2-е испр. и знач. доп. изд. Киев : Типогр. А. Давыденко, 1882. С. 309–311.

244. Цит. по: Грунтов И. О. К вопросу о понимании объекта преступления в уголовном праве // Труд. Профсоюзы. Общество. 2017. № 2 (56). С. 41–46.

245. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М. : Юрид. лит., 1961. 666 с.

246. Шарапов Р. Д. Альтернативные теории объекта преступления в современном уголовном праве России [Электронный ресурс] // Lex Russica. URL: http://lexrussica.ru/articles/2015/12/28/article_102148.html (дата обращения: 01.02.2022).

247. Винокуров В. Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика. М. : Юрлитинформ, 2010. 224 с.

248. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : НОРМА, 2001. 208 с.

249. Грунтов И. О. Объект уголовно-правовой охраны и конструирование составов преступлений и правовых норм Общей части уголовного законодательства. Минск : БГУ, 2017. 199 с.

250. Грунтов И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве. Минск : Тесей, 2012. 366 с.

251. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунтова.

Минск : Новое знание, 2002. 912 с.

252. Бабий Н. А. Квалификация убийств. Минск : Тесей, 2009. 602 с.

253. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2006 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 29.03.2012 г. // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

254. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 24.09.2009 г. // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

255. Пухов А. А. Объект получения взятки: история и современность [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/39984/1/A.A.Пухов.pdf> (дата обращения: 19.04.2023).

256. Никонов П. В. Проблемы определения содержания объекта уголовно-правовой охраны состава получения взятки (ст. 290 УК РФ) [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-soderzhaniya-obekta-ugolovno-pravovoy-ohrany-sostava-polucheniya-vzyatki-st-290-uk-rf/viewer> (дата обращения: 19.04.2022).

257. Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 558 с.

258. Яни П. С. Взятничество: понятие и объект // Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. 2016. № 1. С. 67–79.

259. Борков В. Н. Взятничество: объект и причиняемый вред // Вестн. СурГУ. 2019. Вып. 2 (24). С. 60–64.

260. Бабий Н. А. Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта. Минск : Тесей, 2011. 859 с.

261. Особенности публичного управления в современной России / О. Г. Александров [и др.] ; под общ. ред. проф. Т. М. Резер. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 154 с.

262. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/462768.html> (дата обращения: 23.04.2023).

263. Толковый словарь С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL:

<http://endic.ru/ozhegov/Upravlenie-37029.html> (дата обращения: 23.04.2023).

264. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-управление> (дата обращения: 23.04.2023).

265. Дубовицкий В. Н. Исполнительная власть в Республике Беларусь: понятие и система органов [Электронный ресурс] // Юридычны факультэт. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. URL: https://law.bsu.by/pub/31/Dubovitski_1.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

266. Аппарат управления [Электронный ресурс] // Business Times. URL: <https://btimes.ru/dictionary/apparat-upravleniya> (дата обращения: 23.04.2022).

267. Курицина Е. Юрическое лицо как орудие преступлений // Рос. юстиция. 2001. № 2. С. 42–43.

268. Шолохов С. В. Коммерческая организация как орудие преступления // Следователь. 2003. № 6. С. 13–14.

269. Висков Н. В. Предметы преступления, орудия и средства его совершения в аспекте решения судьбы вещественных доказательств // Рос. следователь. 2006. № 3. С. 2–4.

270. Архив суда Советского района г. Минска за 2017 г. Уголовное дело № 1-57/17.

271. Архив суда Советского района г. Минска за 2017 г. Уголовное дело № 1-195/17.

272. Изосимов С. В., Гейвандов Э. А. Предмет взяточничества: проблемы определения содержания // Актуал. проблемы экономики и права. 2010. № 4 (16). С. 56–63.

273. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Республики Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 // Pravo.by. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=S20300006> (дата обращения: 12.04.2023).

274. Грошев А. В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики). Краснодар : КубГАУ, 2008. 89 с.

275. Алексеев И. А. Взятка: преступление и наказание // Налоговый учет для бухгалтера. 2005. № 7. С. 38–43.

276. Пещеров А. И. Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств // Юрид. мысль. 2016. Т. 95, № 3. С. 130–138.

277. Хлус А. М. Уголовно-правовой и криминалистический анализ предмета преступного посягательства, его отграничение от предмета преступления // Актуальные вопросы экономики и управления на современном этапе развития общества : сб. докладов по итогам IV Междунар. науч.-практ. интер-нет-конф., Тула, 25 мая 2018 г. / под общ. ред.

Ю. В. Киселевич. Тула : Изд. ИЗУВПА, 2018. С. 222–228.

278. Хасенова А. Р. К вопросу о предмете взятки // Правовая система Казахстана в условиях модернизации национального правосознания : материалы междунар. науч.-практ. конф., Караганда, 23–24 нояб. 2018 г. Караганда : Кар-ГУ, 2018. С. 497–498.

279. Лопашенко Н. А. Взятничество: проблемы квалификации // Правоведение. 2001. № 6. С. 105–116.

280. Сычова С. И. Квалификация предмета взятки: актуальные проблемы [Электронный ресурс] // Центр международного юридического образования. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1232090> (дата обращения: 03.04.2023).

281. Семенов Д. А. Уголовно-правовая оценка подкупа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Моск. гос. юрид. акад. М., 1999. 274 с.

282. Яни П. С. Выгоды имущественного характера как предмет взятки // Законность. 2009. №1. С. 17–22.

283. Козаченко И. Я., Незнамова З. А., Новоселов Г. П. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1998. 768 с.

284. Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2000. 384 с.

285. Кушниренко С. П. Методика расследования взяточничества // Курс криминалистики : в 3 т. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. Т. 3 : Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / В. А. Абаканова [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. С. 484–536.

286. Багаутдинов Ф. Провокация граждан к даче взятки // Законность. 2011. № 3. С. 31–35.

287. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2016 г. Уголовное дело № 1-472/16.

288. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2010. 1064 с.

289. Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск : Амалфея, 2000. 607 с.

290. Крюков В. Н. Оперативный эксперимент по делам о взяточничестве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск, 2010. 125 л.

291. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы методики

расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Харьк. юрид. ин-т. Харьков, 1967. 27 с.

292. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск : Среднеурал. кн. изд-во, 1975. 256 с.

293. Баев О. Я., Баева Н. Б. Реальные следственные ситуации и их модели // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. Ташкент, 1984. С. 56–62.

294. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 164 с.

295. Копылов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение : учеб. пособие. Волгоград : ВСШ, 1988. 24 с.

296. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия. Калининград : Калинингр. ун-т, 1997. 248 с.

297. Архив суда Центрального района г. Минска за 2006 г. Уголовное дело № 1-502/06.

298. Лашко Н. Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2001. 218 л.

299. Степаненко Р. А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2015. 261 л.

300. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2016 г. Уголовное дело № 1-201/16.

301. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2017 г. Уголовное дело № 1-78/17.

302. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2017 г. Уголовное дело № 1-321/17.

303. Тонкий Е. С. О типичных следственных ситуациях по уголовным делам о незаконном предпринимательстве // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. А. Тушев ; под ред. В. Д. Зеленского. Краснодар : КубГАУ, 2014. С. 326–328.

304. Хлус А. М. Теоретические и практические аспекты задержания взяточника с поличным // Б-ка криминалиста. 2017. № 3. С. 206–217.

305. Хлус А. М. Тактическая операция «задержание с поличным» и ее особенности при раскрытии и расследовании взяточничества // Законность и правопорядок. 2018. № 1 (45). С. 59–63.

306. Ищенко Е. П. Криминалистика. 2-е изд. М. : Проспект, 2014. 351 с.

307. Ермолович В. Ф., Ермолович М. В. Построение и проверка версий. Минск : Амалфея, 2000. 176 с.

308. Хлус А. М. Следственные ситуации и версии при расследовании взяточничества // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Симферополь – Алушта, 24–25 апр. 2019 г. / отв. ред.: М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко ; Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь : АРИАЛ, 2019. С. 127–129.

309. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск : Университетское, 1979. 128 с.

310. Криминалистика : учебник / под ред. Л. Я. Драпкина. М. : Юрайт, 2013. 831 с.

311. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» / И. И. Басецкий [и др.]. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. 153 с.

312. Хлус А. М. Оперативно-розыскная и тактическая операции: соотношение понятий и проблемы проведения при задержании взяточника с поличным [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сб. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Ю. А. Матвейчев (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2017. С. 152–160.

313. Хлус А. М. Криминалистика : курс интенсив. подготовки. Минск : ТетраСистемс, 2008. 256 с.

314. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3 // ЭТАЛОН-online. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 25.08.2020).

315. Хлус А. М. Проблемы проведения и содержание тактической операции по задержанию взяточника с поличным // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Гос. ком. судеб. экспертиз. Минск : Право и экономика, 2017. Вып. 1 (41). С. 102–108.

316. Архив суда Центрального района г. Минска за 2006 г. Уголовное дело № 1-453/06

317. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-3 // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11100300> (дата обращения: 25.08.2023).

318. Бачила В. В. Оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент»: теория и практика // Суд. весн. 2007. № 3. С. 54–59.

319. Долинин В. Н. Особенности тактической операции «задержание

с поличным» при расследовании взяточничества // Рос. юрид. журн. 2015. № 3. С. 175–176.

320. Хлус А. М. Расследование взяточничества. Минск : БИП-С, 2004. 35 с.

321. Журавлев С. Ю. Расследование экономических преступлений. М. : Юрлитинформ, 2005. 496 с.

322. Архив суда Центрального района г. Минска за 2007 г. Уголовное дело № 1-220/07.

323. Баев О. Я. Задержание с поличным по делам о взяточничестве: три проблемы // О-во и право. 2007. № 3 (17). С. 47–53.

324. Белокобыльская О. И. Специфика производства отдельных следственных действий при расследовании взяточничества // Тавр. науч. обозреватель. 2015. № 2, ч. 3. С. 39–45.

325. Хлус А. М. Организационные и тактические особенности первоначального этапа расследования вымогательств. Минск : ИСЗ, 2002. 68 с.

326. Жук А. В., Солтанович А. В., Гучок А. Е. Алгоритм осмотра места происшествия при задержании взяточполучателя с поличным в условиях проведения оперативного эксперимента : метод. пособие. Минск : Харвест, 2013. 32 с.

327. Оперативно-розыскная деятельность : пособие для студентов вузов / И. И. Бранчель [и др.] ; под ред. А. И. Шведа. Минск : Тетралит, 2014. 352 с.

328. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З // Pravo.by. URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500307&p1=1> (дата обращения: 25.08.2020).

329. Тукало А. Н., Родевич В. Ч. Сущность и направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Минск : Акад. МВД, 2013. 129 с.

330. Грошев А. В. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. А. Тушев ; под ред. В. Д. Зеленского. Краснодар : КубГАУ, 2014. С. 20–26.

331. Архив суда Советского района г. Минска за 2016 г. Уголовное дело № 1-92/16.

332. Гуня В. И. Проблемы, возникающие в деятельности оперативных подразделений при выявлении и раскрытии взяточничества // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. 2009. № 9. С. 107–112.

333. Пивоварчик А. В. Правовое регулирование прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Суд. вестн. 1998. № 3. С. 56–57.

334. Бачила В. В. Особенности осуществления прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. / отв. ред. Г. Н. Мухин. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. Вып. 2. С. 157–168.

335. Швед А. И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела // Законность и правопорядок. 2007. № 1. С. 36–39.

336. Шейфер С. А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Государство и право. 1997.

№ 9. С. 57–63.

337. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М. : Юрид. лит., 1991. 142 с.

338. Корневский Ю. В. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. М. : Юристъ, 2000. 205 с.

339. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М. : Спарк, 1996. 112 с.

340. Белкин А. Р. Теория доказывания : науч.-метод. пособие. М. : НОРМА, 1999. 429 с.

341. Хлус А. М. Этапы легализации в уголовном процессе материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2003. Вып. 14. С. 316–325.

342. Рубис А. С. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью. Минск : БГУ, 2005. 271 с.

343. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс : учеб.- практ. пособие. М. : ИНФРА-М, 2002. 86 с.

344. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. С. 534.

345. Дулов, А. В. Формирование целей – необходимое условие развития криминалистики / А. В. Дулов // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; редкол.: Г. Н. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – Вып. 6. – С. 9.

346. См. напр: Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 52; Криминалистика: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. А. В. Дулова. Минск: НКФ «Экоперспектива», 1996. С. 4–5; Криминалистика:

учебник для вузов / под общ. ред. Р. С. Белкина. – М., 1999. С. 52; Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В. Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2000. С. 7–28.

347. Криминология : словарь / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб. : Лань, 1999. 256 с.

348. См. напр.: Криминалистика: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. А. В. Дулова. Минск, 1996. С. 69–87; Криминалистика: учебник для вузов / под общ. ред. Р. С. Белкина. – М., 1999. С. 32–42; Криминалистика: учеб. пособие для вузов / И. С. Андреев, Г. И. Грамович, Н. И. Порубов; под ред. Н. И. Порубова. Минск, 1997. С. 10; Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2000. С. 4–6.

349. Климова Е. И. К вопросу о функциях криминалистики // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30 июня 2010 г.) / М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; под ред. В. Б. Шабанова. Минск : Акад. МВД, 2010. С. 78–81.

350. Справочное пособие криминалиста, судьи, прокурора, следователя / авт.-сост. А. С. Рубис, Д. В. Исютин-Федотков. – Минск, 2007. 672 с.

351. Хлус А. М. Криминалистический характер целей правоохранительной деятельности в сфере противодействия преступности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: Сборник научных трудов. Выпуск 1/29 / ГУ «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь». Минск: Право и экономика, 2011. С. 77–81.

352. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Республики Беларусь от 04 января 2014 г. № 122-3: URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11400122_1389733200.pdf. (дата обращения: 27.01.2023); Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-3 URL: [https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64\(009-034\).pdf&oldDocPage=1](https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2003-64/2003-64(009-034).pdf&oldDocPage=1) (дата обращения: 27.01.2023).

353. Шабанов В. Б. Организационные и правовые проблемы предупреждения и раскрытия преступлений в исправительных учреждениях: монография. Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2001. 112 с.

354. Басецкий И. И., Башан А. В. Коррупция: теория и практика противодействия. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. 567 с.

355. Берестень В. И. Коррупция и ее общественная опасность. Минск : РИВШ, 2006. 166 с.

356. Бибило В. Н. Преподавание советского права – одна из форм правового воспитания студентов естественных факультетов университета // Актуальные вопросы совершенствования воспитательной работы и

профилактики правонарушений среди студенчества : тез. докл. респ. науч.-метод. конф., Минск, 24–25 марта 1988 г. / М-во высш. и средн. спец. образования БССР. Минск, 1988. С. 79–81.

357. Бибило В. Н. Уголовно-процессуальные аспекты профилактики правонарушений // Проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях и подготовки кадров для системы МВД : тез. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 апр. 1998 г. / под ред. И. И. Басецкого. Минск : Акад. МВД РБ, 1998. Ч. 2. С. 93–94.

358. Василевич Г. А. Противодействие коррупции. Минск : Право и экономика, 2015. 138 с.

359. Веренчиков И. Р. Профилактическая деятельность следователя (криминалистический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1990. 147 л.

360. Веренчиков И. Р. Профилактическая деятельность следователя как элемент системы безопасности государства // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деят. науки Респ. Беларусь А. В. Дулова / редкол.: Г. А. Шу-мак (отв. ред.) [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2014. С. 163–169.

361. Григорович В. Л., Федоров Г. В. Голография в криминалистике / под ред. Г. В. Федорова. Минск : Амалфея, 2003. 192 с.

362. Григорович В. Л. Причины подростковой наркомании // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков : материалы XVI междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 18–19 апр. 2013 г. : в 2 ч. / СибЮИ ФСКН России ; отв. ред. И. А. Медведев. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2013. Ч. 1. С. 150–154.

363. Гучок А. Е., Веренчиков И. Р. Криминалистическая структура преступления как основа теории криминалистической профилактики // Право Беларуси. 2004. № 14 (86). С. 45–53.

364. Дулов А. В., Веренчиков И. Р. Профилактическая функция юридической психологии // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 1998. Вып. 9. С. 278–286.

365. Шабанов В. Б., Красиков В. С. Теоретико-правовые аспекты в сфере предупреждения преступлений // Вестн. ин-та : науч.-практ. журн. Вологод. ин-та права и экономики ФСИН России. 2015. № 28. С. 22–25.

366. Хомич В. М. О координации и профилактико-реабилитационных технологиях в системе ювенальной юстиции // Юстиция Беларуси. 2005. № 2. С. 29–32.

367. Шабанов В. Б. Проблемы профилактической работы с осужденными «отверженными»: теория и практика // Информ. бюл. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. Минск, 2013. С. 83–88.

368. Шабанов В. Б., Красииков В. С. Проблемы предупреждения и профилактики в сфере противодействия преступности: теоретико-правовые аспекты // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т ; редкол.: С. Ю. Солодовников (пред.) [и др.]. Минск : БНТУ, 2014. Вып. 2. С. 358–363.

369. Шабанов В. Б., Красииков В. С. Теоретико-правовые аспекты профилактики и предупреждения в сфере противодействия преступности // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4 апр. 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2013. С. 245–246.

370. Шабанов В. Б., Кочерова Н. В. Профилактика противоправного поведения несовершеннолетних // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права, криминологии и исполнения наказаний : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 мая 2015 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2015. С. 217–222.

371. Шабанов В. Б., Красииков В. С. Значение условий в преступной деятельности (на примере коррупционных преступлений) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2020. № 1. С. 79–86.

372. Шиенок В. П., Боровик П. Л. Методологические вопросы предупреждения и расследования преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2015. № 1. С. 99–105.

373. Шиенок В. П., Боровик П. Л. Методологические вопросы предупреждения и расследования преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних (окончание) // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2015. № 2. С. 69–73.

374. Шиенок В. П. Проблемы правового воспитания молодежи в современных условиях // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2010. № 1. С. 209–213.

375. Шумак Г. А. Защитные функции бухгалтерского учета в контексте интеграции экономико-криминалистических исследований // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2008. Вып. 19. С. 305–314.

376. Кобец П. Н. Развитие теории предупреждения правонарушений

– основа совершенствования организации борьбы с преступностью // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. А. Тушев ; под ред. В. Д. Зеленского. Краснодар : КубГАУ, 2014. С. 53–58.

377. Криминология / под ред. В. Н. Бурлакова и В. П. Сальникова. СПб. : С.-Петерб. акад. МВД России, 1998. 576 с.

378. Швед А. Коррупция по стране... стабильная // Аргументы и факты. 2012. 5 дек. С. 2.

379. Хлус А. М. Криминалистические методы в системе мер противодействия преступной деятельности в сфере экономики // Правовые средства обеспечения развития экономики Республики Беларусь : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 нояб. 2007 г. / редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2008. С. 40–42.

380. Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь 14 янв. 2022 г., № 154-З // URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200154&p1=1> (дата обращения: 12.11.2023).

381. Взятка в гимназии: прокурор попросил не лишать Бондаренко свободы [Электронный ресурс] // Sputnik. URL: <https://sputnik.by/society/20161117/1026115635/vzyatka-v-gimnazii-prokuror-proposil-ne-lishat-bondarenko-svobody.html> (дата обращения: 25.08.2020).

382. О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 июля 2005 г., № 300 // Pravo.by. URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=P30500300> (дата обращения: 25.08.2020).

383. Об утверждении положения о совете учреждения образования [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 84 // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W21124039> (дата обращения: 25.08.2020).

384. Об утверждении положений о педагогическом совете учреждения общего среднего образования и родительском комитете учреждения общего среднего образования [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 28 июня 2011 г., № 47 // Министерство образования Республики Беларусь. URL: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-obshchego-srednego-doshkolnogo-i-spetsialnogo-obrazovaniya/srenee-obr/normativnye-pravovye-dokumenty/postanovleniya/6.%2047.pdf> (дата обращения: 25.08.2020).

385. Об утверждении положения о попечительском совете учреждения образования [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 25 июля 2011 г., № 146 // Министерство образования Республики Беларусь. URL: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-obshchego-srednego-doshkolnogo-i-spetsialnogo-obrazovaniya/srenee-obr/normativnye-pravovye-dokumenty/postanovleniya/5.%20146.pdf> (дата обращения: 25.08.2020).

386. Воспитание [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Воспитание> (дата обращения: 18.09.2023).

387. Степанов П. В. Понятие «Воспитание в современных педагогических исследованиях» // Сиб. пед. журн. 2017. № 2. С. 121–129.

388. Клим А. М. Антикоррупционное образование и воспитание как способ повышения правовой культуры [Электронный ресурс] // Научный репозиторий Могилевского института МВД Республики Беларусь. URL: http://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/1290/1/klim.pdf (дата обращения: 18.09.2020).

389. Годунов И. В. Азбука противодействия коррупции. М. : Акад. проект, 2012. 296 с.

390. Антикоррупционное воспитание : методические рекомендации по формированию и реализации системы антикоррупционного воспитания в дошкольных и общеобразовательных организациях Республики Татарстан / авт.-сост.: И. В. Сафронова [и др.]. Казань : ИРО РТ, 2015. 38 с.

391. Противодействие коррупции : учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. 498 с.

392. Курдюков Б. Ф. Антикоррупционное образование студентов в вузах физической культуры [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-obrazovanie-studentov-v-vuzah-fizicheskoy-kultury/viewer> (дата обращения: 18.09.2023).

393. Куликов А. Ю., Тарханова И. Ю. Антикоррупционное образование молодежи: опыт ЯГПУ им. К. Д. Ушинского [Электронный ресурс] // Кибер-Ленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-obrazovanie-molodezhi-opyt-yagpu-im-k-d-ushinskogo/viewer> (дата обращения: 18.09.2023).

394. Шедий М. В. Антикоррупционное образование кадров как фактор повышения эффективности государственной политики противодействия коррупции // Вестн. гос. и муницип. упр. 2014. № 2/1 (12). С. 150–154.

395. Цит. по: Кичева И. В., Бродзели Л. О. Антикоррупционное воспитание: мировой опыт и российская практика [Электронный ресурс] //

КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupcionnoe-vospitanie-mirovoy-opyt-i-rossiyskaya-praktika/viewer> (дата обращения: 18.09.2023).

396. Горшенков Г. Н. Антикоррупционная пропаганда: понятие и содержание [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/38807845-Antikorrupcionnaya-propaganda-ponyatie-i-soderzhanie.html> (дата обращения: 22.09.2020).

397. Тьма в сердце Европы. Ч. 2 // Планета. 2016. № 9 (137). С. 7.

398. Руководящие принципы в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия в контексте нового международного экономического порядка [Электронный ресурс] // Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 29.10.1985 г. URL: https://www.unodc.org/documents/congress//Previous_Congresses/7th_Congress_1985/031_ACONF.121.22.Rev.1_Report_Seventh_United_Nations_Congress_on_the_Prevention_of_Crime_and_the_Treatment_of_Offenders_R.pdf (дата обращения: 12.11.2020).

399. Хлус А. М. Проблемные аспекты разработки стратегии противодействия коррупции // Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2020. С. 42–48.

400. Дулов А. В., Веренчиков И. Р. Профилактическая функция юридической психологии [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29897/1/33_%d0%b4%d1%83%d0%bb%d0%be%d0%b2_%d0%b2%d0%b5%d1%80%d0%b5%d0%bd%d1%87%d0%b8%d0%ba%d0%be%d0%b2.pdf (дата обращения: 22.09.2020).

401. Зудин В. Ф. Социальная профилактика преступлений (криминологические и криминалистические проблемы). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 188 с.

402. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220> (дата обращения: 22.09.2020).

403. Положение о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2007 г., № 644 : в ред. от 23.02.2015 г., № 95 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2021.

404. Комментарий к Закону «О прокуратуре Республики Беларусь» / Л. Г. Букато [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. Минск : Амалфея, 2012. 264 с.

405. Белохвостик Н. «А давайте подарим нашей учительнице стиральную машину...» // Комсом. правда. 2012. 31 мая. С. 8.

406. Хлус А. М. Роль прокуратуры в борьбе с коррупцией и коррупционными правонарушениями // Судебно-правовая политика на современном этапе: проблемы, тенденции и перспективы: результаты, проблемы и тенденции : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 нояб. 2017 г. / отв. ред. Б. Б. Сулейманов. М., 2018. С. 86–96.

407. Костенников М. В., Курата А. В., Калита И. А. Прокуратура и противодействие коррупции // Рос. юстиция. 2013. № 8. С. 35–39.

408. Сахаров А. Б. Правовое обеспечение предупреждения преступлений // Совет. государство и право. 1975. № 11. С. 82–86.

409. Белкин Р. С. Магистральный путь борьбы с преступностью // Вестн. Акад. МВД СССР. М. : Изд-во Акад. МВД РФ, 1992. С. 5–11.

410. Гаврилов Б. Я. Влияние стадии возбуждения уголовного дела на эффективность расследования // Организационно-методические проблемы расследования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Зеленский. Краснодар : КубГАУ, 2016. С. 23–30.

411. Данилевич А. А., Самарин В. И. К вопросу о начале уголовного процесса // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 29 марта 2013 г. Краснодар : КубГАУ, 2013. С. 276–283.

412. Источник: следствие нашло все многомиллиардное состояние полковника МВД Захарченко [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/31529580/?from=push> (дата обращения: 03.11.2021).

413. Судья из Бреста получил два года колонии [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/33949656/?frommail=1> (дата обращения: 29.06.2021).

414. Бывший замначальника ГУБОПиК давал фигурантам «сахарного дела» советы по конспирации [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/40460064/?frommail=1> (дата обращения: 05.02.2022).

415. Головин А. Ю. Задачи криминалистики в сфере защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2016. Вып. 3, ч. II. С. 26–34.

416. Хлус А. М. Криминалистическая составляющая в деятельности

прокуратуры по выявлению и раскрытию взяточничества // Юрид. вестн. Сам. ун-та. 2019. Т. 5, № 2. С. 110–116.

417. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700263> (дата обращения: 31.10.2022).

418. Об органах государственной безопасности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390-З // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200390> (дата обращения: 31.10.2022).

419. Хлус А. М. Оперативно-розыскная профилактика распространения экстремистских материалов // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4 апр. 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Б. Шабанов [и др.]. Минск : Акад. МВД, 2013. С. 324–325.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ	5
Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ КОРРУПЦИИ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА	
1.1. Предпосылки и нравственные основы возникновения коррупции....	6
1.2. Краткий экскурс в историю борьбы с коррупцией и взяточничеством.....	17
1.3. Причины и условия, детерминирующие современные коррупцию и взяточничество.....	42
Глава 2. ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ЕГО ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ	
2.1. Криминалистическая характеристика взяточничества: понятие, структура и значение для формирования частной методики расследования.....	58
2.2. Материальная структура преступления как основа формирования частной методики расследования взяточничества..	77
2.3. Формирование деструктивного поведения субъекта взяточничества и криминалистический анализ его личности.....	96
2.4. Объект и средство преступного посягательства при взяточничестве....	112
2.5. Предмет взятки как элемент материальной структуры взяточничества.....	124
Глава 3. ВЫЯВЛЕНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ	
3.1. Криминалистические ситуации и версии при выявлении и расследовании взяточничества.....	138
3.2. Проблемы проведения тактической операции при раскрытии и расследовании получения взятки.....	155
3.3. Особенности производства отдельных следственных и иных действий на первоначальном этапе расследования	

получения взятки.....	162
3.4. Оперативный эксперимент как средство задержания взяточника с поличным.....	171
3.5. Порядок использования материалов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу о взяточничестве.....	181

Глава 4. ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

4.1. Профилактика в системе целей правоохранительной деятельности в сфере противодействия коррупции и взяточничеству в Республике Беларусь.....	188
4.2. Меры общей профилактики коррупции и взяточничества в Республике Беларусь.....	197
4.3. Криминалистическая составляющая в деятельности прокуратуры и иных правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и профилактике коррупции и взяточничества.....	221

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	239
-------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ	246
---------------------------------------	-----